Кадетская
ПЕРЕКЛИЧКА

№ 64-65

РАССЕЯНЫ

НО НЕ РАСТОРГНУТЫ

КАДЕТСКАЯ ПЕРЕКЛИЧКА

Периодический журнал Объединения Кадет Российских Кадетских Корпусов за рубежом, Нью-Йорк, США

№ 64-65 Нью-Йорк **Декабрь 1998**

CADET'S ROLLCALL

Library of Congress Card № 79-642319

Periodical Magazine
Published by the Association of Russian Cadets
graduated outside of Russia, Inc.,
New York, USA

Редакторы журнала

 П.В.Олферьев (1971-1978)

 Н.В.Козякин (1978-1992)

Ответственный редактор

А.Б.Иордан

Адрес редакции

Alexis B. Jordan
32 Lafayette Ave.
Sea Cliff, NY 11579
Tel. 516-671-6546 **Fax** 516-759-4369

Администратор

George I.Schidlovsky
2 Carman Place
Glen Head, NY 11545
Tel: 516-759-1328 **Fax:** 516-759-0416
E-mail: geosffa@aol.com

СОДЕРЖАНИЕ

Кадетские корпуса в России

Памяти ушедших

С РОЖДЕСТВОМ ХРИСТОВЫМ И НОВЫМ ГОДОМ

Нью-Йоркское объединение кадет Российских кадетских корпусов и редакция «Кадетской переклички» сердечно поздравляют с праздником Рождества Христова и с Новым годом Его Высокопреосвященство митрополита Виталия — Первоиерарха Русской Зарубежной Церкви, Его Высокопреосвященство архиепископа Антония Сан-Францисского и Западно-Американского, Ее Высочество княжну Веру Константиновну, всех директоров, воспитателей, преподавателей и кадет возродившихся кадетских корпусов в России, начальников и воспитанников Суворовских и Нахимовского училищ, правления и членов Суворовско-Нахимовских союзов, членов русских воинских организаций за рубежом, руководителей и молодежь скаутских и разведческих организаций в зарубежье и в России, всех кадет зарубежных кадетских корпусов с их семьями и всех друзей и доброжелателей кадетских объединений.

Желаем всем счастья, здоровья и успеха в их работе на пользу нашей многострадальной Родины.

Сергей Муравьев,
предс. Нью-Йоркского объединения,

Алексей Иордан,
редактор «Кадетской переклички

ТОЛЬКО ТА СТРАНА И СИЛЬНА, КОТОРАЯ СВЯТО ЧТИТ ЗАВЕТЫ РОДНОЙ СТАРИНЫ

«Кадетское письмо», Аргентина

ПОД ДЕВИЗОМ ЦАРЯ-МУЧЕНИКА

Шестнадцатый общекадетский съезд, состоявшийся в конце августа – начале сентября сего года в Санкт-Петербурге и Москве, был первым кадетским съездом в России. Он проходил во время очередной зловещей вспышки того перманентного кризиса, в который оказалась ввергнута Россия после катастрофы 1917 года. Один из ведущих главарей установленной тогда в России интернациональной диктатуры тогда же восторженно возвестил наступление перманентной революции, подлинный смысл каковой: состояние постоянной катастрофы.

Посему, действительно, провиденциальным оказался в данный момент девиз этого Первого общекадетского съезда в России: «Только та страна и сильна, которая свято чтит заветы родной старины». Именно в этих словах Царя-Мученика, Государя Императора Николая Второго, ставших девизом съезда, содержится точное и недвусмысленное указание на то непременное условие, без которого невозможно спасение России.

В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ

Перед открытием съезда в субботу, 29 августа, его участники посетили Иоанновский монастырь, где был отслужен молебен у гробницы святого Иоанна Кронштадтского, великого провидца нашей катастрофы. На следующий день в соборе Петропавловской крепости кадеты присутствовали на освящении плиты и на панихиде у надгробия Великого князя Константина Константиновича. Председателями объединений были возложены цветы на могилу. Затем на Соборной площади Петропавловской крепости состоялись традиционные Заря с церемонией и парад делегаций кадетских корпусов и Суворовского и Нахимовского училищ.

В тот же день в находящемся поблизости Военно-Историческом музее артиллерии, инженерных войск и войск связи состоялось празднество по поводу его 295-летия, которое посетили и участники съезда. В ответ на приглашение устроителей торжества от имени кадет выступил И. Н. Андрушкевич, который особенно подчеркнул

актуальное значение слов Царя-Мученика Государя Императора Николая Второго, ставших девизом Первого кадетского съезда в России.

После обеда состоялось официальное открытие съезда в Мраморном дворце, бывшей резиденции Великого князя Константина Константиновича. Вообще съезд проходил от начала и до конца под сенью его памяти.

Молебен на открытии служил о. Петр Бурлаков, кадет 24-го выпуска. Затем председатель предыдущего XV съезда И. Н. Андрушкевич, открывая съезд, в своем вступительном слове подчеркнул миссионерский характер этого первого съезда в России. Зарубежные кадеты приехали в Россию как русские христолюбивые воины, чтобы поклониться русским святыням и призвать к отречению и отвращению от все еще публично выставляемых сатанинских идолов и их символов. Конечно, сегодня в России все еще остается много идолов. Но аналогичная проблема стояла в свое время и перед апостолами. Апостол Павел, прибыв в Афины, «возмутился духом при виде этого города, полного идолов» (Деяния, 17, 16). Однако несмотря на это (или именно поэтому), «став Павел среди ареопага сказал, Афиняне! По всему вижу я, что вы как-бы особенно набожны. Ибо, проходя и осматривая ваши святыни, я нашел и жертвенник, на котором написано «неведомому Богу». Сего-то, Которого вы, не зная, чтите, я проповедую Вам» (Деяния, 17, 22-23). В неканонических «Деяниях апостола Филиппа» цель этой миссии апостола Павла раскрывается именно так: отвратить тогдашних афинян от идолопоклонничества.

В Президиум XVI съезда были выбраны: А. Б. Иордан, председатель; А. Б. Боголюбов и С. А. Муравьев, вице-председатели; Д. А. Иванов, секретарь. А. Б. Иордан поблагодарил всех, кто в Санкт-Петербурге помогал в устройстве и организации съезда, в первую очередь, контр-адмирала Н. Н. Малова, который в ответ сказал: «Я очень рад, что удалось устроить этот исторический съезд. Он войдет в историю. Это уже свершилось, как и очень многое в наши дни...»

В последующие дни съезда в Санкт-Петербурге его участники молились на могилах великих русских полководцев А. В. Суворова и М. И. Кутузова в Александро-Невской лавре и Казанском соборе, где были отслужены литии и возложены цветы. В Санкт-Петербурге было прочитано кадетами разных объединений пять докладов (о государственной идеологии России, о кадетских традициях в разных корпусах, о принципах воспитания русской военной молодежи). На докладах присутствовали, кроме участников съезда, воспитатели и воспитанники военно-учебных заведений и представители местной общественности. Также были прочитаны две лекции о кадетских традициях, по полтора часа каждая, перед старшими классами Нахимовского училища.

Во вторник, 1 сентября, зарубежные кадеты приняли участие в параде в Нахимовском училище по поводу начала учебного года. Парад принимал главнокомандующий Военно-Морского флота адмирал В. Куроедов.

Перед парадом председатель XVI съезда А. Б. Иордан передал начальнику Нахимовского училища контр-адмиралу Н. Н. Малову памятную доску этого съезда с изображением исторического герба России в оригинальных цветах, преподнесенную в дар съезду от кадетского объединения в Аргентине. (Художественнное исполнение памятной доски было сделано вице-председателем Аргентинского объединения архитектором О. Н. Ауэ).

Контр-адмирал Н. Н. Малов обещал поместить эту памятную доску в кадетскую комнату училищного музея. Затем по приглашению начальника Нахимовского военно-морского училища перед строем кадет и нахимовцев выступил с кратким словом председатель Аргентинского кадетского объединения И. Н. Андрушкевич, который выразил от лица всех кадет общее чувство счастья от того, что они стоят в строю под славным Андреевским флагом. Английский философ сэр Карл Поппер, сын австро-венгерского адмирала, заявил в 1990 году, что главной целью Запада является «лишить Россию ее флота». Для этого нужно добиться, сказал сэр Поппер, чтобы Россия не строила больше военных кораблей, а еще имеющиеся у нее корабли должны превратиться в лом. Однако «России без флота не быть», сказал царь Петр Великий. Кроме кораблей, флоту нужны, в первую очередь, хорошие моряки, верные «заветам родной старины», согласно указанию Царя-Мученика Государя Императора Николая Второго, закончил свое слово председатель Аргентинского объединения.

В пятницу, 4 сентября, состоялся кадетский банкет и бал в Нахимовском военно-морском училище. После бала на набережной моряки устроили фейерверк.

В МОСКВЕ

По прибытии поездом в Москву в воскресенье, 6 сентября, участники съезда поехали в Храм Христа Спасителя. После обеда состоялось открытие съезда в Москве. Присутствовало около 400 человек. После слова председателя съезда А. Б. Иордана и председателя Московского Суворовско-Нахимовского союза, генерал-майора А. Друкарева (передавшего в подарок съезду большой щит с двуглавым орлом) и после других выступлений И. Н. Андрушкевич повторил в расширенном виде свой доклад «Воспитание русской военной молодежи», который он уже читал в Санкт-Петербурге.

В понедельник, 7 сентября, в Московском кадетском корпусе состоялась встреча участников съезда с делегациями кадетских корпусов. Встреча началась с традиционной торжественной «зари с

церемонией». Прибывший для участия в «заре» военный оркестр сыграл Гимн Российской Федерации и Русский национальный гимн «Боже царя храни». После «зари с церемонией» зарубежные кадеты и все делегации кадетских корпусов пошли строем до улицы, где состоялся парад. Автомобильное движение в районе было перекрыто. Парад десятка подразделений разных кадетских корпусов замыкался взводом зарубежных кадет. С пением «Взвейтесь, соколы, орлами» и «Бородино» зарубежные кадеты стройно и бодро промаршировали несколько кварталов под аплодисменты стоявшего вокруг народа. (86-летний кадет из Флориды маршировал в первом ряду. Когда ему предложили до парада выйти из строя, он наотрез отказался: «Ходить я не могу, но маршировать в строю могу».)

После обеда в Московском кадетском корпусе состоялась встреча с директорами возрождаемых в России кадетских корпусов, продолжавшаяся в течение нескольких часов. Перед встречей председатель съезда А. Б. Иордан торжественно открыл бюст Великого князя Константина Константиновича. Выступили прибывшие со всей страны директора кадетских корпусов с докладами о состоянии таковых. Зарубежные кадеты прочитали два доклада о русских кадетских традициях.

На другой день в гостинице «Украина» состоялось заседание директоров кадетских корпусов с Президиумом съезда и с представителями от кадетских объединений. Главной темой были проблемы, связанные с преподаванием Закона Божия и Русской истории.

В четверг, 10 сентября, состоялась поездка в Сергиев Посад с посещением Троице-Сергиевой лавры.

В пятницу состоялось торжественное закрытие XVI съезда. Заключительный доклад прочел председатель Русского Обще-Воинского Союза, поручик В. В. Гранитов, участник этого Первого общекадетского съезда в России, как и всех предыдущих. Поручик В. В. Гранитов описал зарождение и формирование Русской Белой армии, ее эвакуацию и создание в изгнании Русского Обще-Воинского Союза. Многие из присутствовавших (около 400 человек) впервые в России смогли услышать детали этой части русской истории, что, несомненно, было тоже историческим событием. Затем были прочитаны «Обращение к русскому народу» и «Резолюция XVI съезда».

О. Петр Бурлаков отслужил молебен Новомученикам и Исповедникам Российским и панихиду по Белым вождям и воинам. Была прочитана резолюция съезда, подготовленная ее Президиумом.

После обеда в гостинице состоялось закрытое заседание кадет-участников, собравшихся, чтобы произвести анализ прошедшего съезда и обсудить варианты проведения следующего. Председатель Венесуэльского объединения Г. Г. Волков предложил провести следующий съезд в Москве, в Московском кадетском корпусе. В

корпусе могут остановиться делегации от российских корпусов, а зарубежные кадеты имеют возможность снять номера в недорогом отеле поблизости. Этот вариант поддерживает директор Московского корпуса. А. Перекрестов предложил устроить следующий съезд в Канаде, если будет решено провести следующий съезд снова в зарубежье. На этот случай он уже нашел подходящий недорогой отель, в котором могут разместиться 94 человека. Как бы то ни было, решение о дате и месте проведения следующего съезда будет принято на Общекадетском совещании председателей объединений – согласно резолюции XVI съезда. Вечером участники съезда вместе с гостями на двух теплоходах катались по Москва-реке. На следующее утро был разъезд всех участников съезда.

ГОЛГОФА ВЕЛИКОЙ РОССИИ

Где стеснили простор
Груды каменных гор,
Среди верной уральской стихии,
На вершине горы,
Где летают орлы,
Есть Голгофа Великой России.

В восемнадцатый год,
Обезумев, народ
Допустил то кошмарное дело.
Он царя своего
И семью всю его
Палачам передал для расстрела.

Днем там ветер шумит,
Вещий ворон кричит,
И под кедры в прохладные тени
На полуденный зной,
В безопасный покой,
Отдохнуть прибегают олени.

Но, как ночь настает,
Император встает,
Из могилы выходит с Семьею.
И идут по камням,
По корням и по пням,
На Голгофу тернистой тропою.

И с поникшей главой
Цесаревич больной,
Сам не может взойти на вершину.
Император в пути
Помогает взойти
На Голгофу любимому сыну.

Там, подняв к небу взор,
На коленях средь гор —
За Россию молитву возносят.
И за русских за всех,
За тяжелый их грех
Перед Богом прощения просят.

И над их головой,
Как венец золотой,
Как лампада на небе сияет.
И из ярких лучей
Семь зажженных свечей,
На Голгофу с небес посылает.

У царицы из глаз,
Как уральский алмаз,
Льются крупные горькие слезы,
И где слезы текли,
Там из жесткой земли
Вырастают прекрасные розы.

У царевен глаза,
Как небес бирюза,
Заливаются горькой слезою.
Как цветок голубой
Незабудки лесной,
Смят безжалостной бурной грозою.

И всю ночь там они
На молитве одни
Напрягают последние силы...
Но как солнца восход
Озарит небосвод,
Все обратно уходят в могилу.

И опять у скалы
Лишь летают орлы
И шумят старых кедров вершины.

И о звонкий гранит
Горный ветер гудит
И сметает он пыль на долины.

Но давно уж молва
По России пошла,
Что окончатся наши мученья,
Когда вместе с царем
На Голгофу пойдем
И испросим у Бога прощенья.

И очистит Господь
Нашу душу и плоть
И изгонит все беды лихие.
И над нами, как встарь,
Будет Вера и Царь.
И воскреснет былая Россия!

Стихотворение неизвестного автора из России

А. ДЕНИСЕНКО

ВОЗМЕЗДИЕ

Ко дню Екатеринбургского злодеяния

Большевистские заправилы после захвата власти еще долгое время (если не по сей день) не могли освоиться с фактом нахождения в их руках огромной империи. Отсутствие уверенности и чувства собственного достоинства, отличающее носителей полноценной власти, возмещалось у них чисто воровской наглостью, свойственной уголовным элементам во время выполнения преступлений.

Но как бы ни была велика такая наглость, она не уничтожает в преступнике сознания о том, что содеянное им ненормально, противозаконно и заслуживает кары. И чем больше оснований к возникновению этого беспокоящего сознания (данного преступнику вместо человеческой совести), тем меньше в его поведении естественной уверенности.

«Не забывайте, что вы – правительство!» – раздраженно бросал Ленин своим сотоварищам по государственным преступлениям, когда замечал в их официальных действиях и поведении эту жуликоватую неуверенность.

Легко видеть, что стремление большевистской верхушки избавиться от беспокойства за ближайшее будущее и желание приобрести уверенные манеры властвования, влекло их к уничтожению Царской Семьи, тем более, что она олицетворяла власть, освященную тысячелетней историей русского народа. Этим стремлениям как нельзя больше соответствовал и психический «пункт», характерный для преступного мира и часто толкающий грабителя на бессмысленное убийство жертвы, даже когда она не оказывает никакого сопротивления.

Верность такого вывода доказывают подробности подготовки убийства (как центральных органов компартии, так и местных екатеринбургских); детали выполнения бессудного, тайного и бесчеловечного убийства всех узников ипатьевского дома, вплоть до поваренка; нечеловеческие, типично криминальные способы сокрытия следов злодеяния...

По непреложному Божественному закону в жизни людей и народов ни одно нарушение духовно-нравственных норм не проходит без последствий, и даже одно скверное помышление снижает моральный уровень. Поэтому всякое желание разобраться в пореволюционных судьбах русского народа будет бесплодно, если прежде политических и всяких иных причин не увидим в них возмездия за духовное падение народа, в среде которого возможно было подготовить и совершить одно из самых ужасных преступлений в истории человечества.

Величину Екатеринбургского злодеяния можно понять по вызванным им катастрофическим последствиям, но они, к несчастью для человечества, еще не закончились.

Если бы злодеяние не было совершено, у коммунистической партии не нашлось бы ни сил, ни наглости осуществлять свои планы, и кровавый опыт построения на нашей Родине богоборческого социализма был бы невозможен.

Все, что происходит в мире, свидетельствует о непреложности слов: «Мне отмщение, и Аз воздам».

«Кадетское письмо», № 17, август 1959 год.

Вышеприведенная передовица из № 17 «Кадетского письма» написана основателем и первым редактором этого журнала кадетом 7-го выпуска Крымского кадетского корпуса Алексеем Гордеевичем Денисенко. Автор был кубанским казаком, из коренных запорожцев. Во время русской катастрофы, когда он еще был ребенком, вместе с другими казаками станицы на его глазах была убита интернациональным красным отрядом его семья. А. Г. Денисенко был секретарем правления Кадетского объединения в Аргентине. Скончался в 1962 г.

ВЛ. МАЕВСКИЙ

РОССИЯ, ИМПЕРАТОР НИКОЛАЙ II И ГААГСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

Светлой памяти Царя-Мученика
Государя императора Николая II

В эпоху балканского кризиса 1875–1878 гг. Австрия занимала в отношении России явно враждебное положение. Германия соблюдала относительный нейтралитет, искусно ведя интриги, которые закончились секретным оборонительным договором с Австрией против России. А в 1882 году к этому австро-германскому союзу примкнула Италия, и возник так называемый тройственный союз: Германии, Австрии и Италии.

Через пять лет Германия заключила с Россией «договор перестраховки», по которому обе стороны обязались соблюдать благожелательный нейтралитет в случае войны одной из них с третьей стороной. Таким образом, Германия, застраховавшись от нападения России союзом с Австро-Венгрией, теперь перестраховалась от нападения Франции договором с Россией.

Срок этого договора истек в 1890 году, и воинственный Вильгельм II, за два года до этого вступивший на престол, не пожелал возобновлять его. Этим нарушалось европейское равновесие, и у России не было больше никакой гарантии против преобладания двух великих немецких держав. Поэтому политика Императора Александра III, естественно, склонилась в сторону сближения с Францией. И в дальнейшем он продолжал сохранять союз с нею как главную основу своей европейской политики.

При наличии этих двух противоположных союзов политическое положение в Европе становилось все более напряженным: в конце XIX века обе стороны усиленно вооружались. И эта гонка вооружений тяжелым бременем ложилась на государства. К тому же в 1898 году на военное поприще выступила еще одна великая держава: разразилась война между Испанией и Соединенными Штатами, из которой последние вышли победителями и впервые вступили на путь колониализма.

В этой сложной политической обстановке Императором Николаем II было задумано и предпринято историческое выступление с предложением положить конец росту вооружений, ведущему к войне неслыханных размеров.

И с этой целью русский царь предложил созвать международную конференцию для обсуждения вопроса о разоружении.

Только Император Николай II оказался в состоянии поставить перед миром вопрос о грядущих потрясениях. Он первый поставил вопрос о практических мерах для предотвращения войны и облегчения бремени вооружений. Ему принадлежит исторический почин в этом великом деле. И если в настоящее сумбурное время это умышленно замалчивается, то в будущем человечество, несомненно, прославит Царя-Миротворца за его высокое бескорыстие, величие и человеколюбие.

12–24 августа 1898 г. министр иностранных дел граф Муравьев обратился к представителям России за границей со следующей исторической нотой:

«Охранение всеобщего мира и возможное сокращение тяготеющих над всеми народами вооружений являются при настоящем положении вещей целью, на достижение которой должны быть направлены усилия всех правительств. Императорское правительство полагает, что настоящее время весьма благоприятно для изыскания путем международного обсуждения наиболее действительных средств обеспечить всем народам истинный и прочный мир, и прежде всего положить предел все увеличивающемуся развитию современных вооружений. Возрастающее бремя финансовых тягостей в корне расшатывает общественное благосостояние. Духовные и физические силы народов, труд и капитал отвлечены в большей своей части от естественного назначения и расточаются непроизводительно. Сотни миллионов расходуются на приобретение страшных средств истребления, которые сегодня представляясь последним словом науки, завтра должны потерять всякую цену ввиду новых изобретений. Просвещение народа и развитие его благосостояния и богатства пресекаются или направляются на ложные пути.

Таким образом, по мере того как растут вооружения каждого государства, они все менее и менее отвечают поставленной правительствами цели.

Нарушения экономического строя, вызываемые в значительной степени чрезмерностью вооружений, и постоянная опасность, заключающаяся в огромном накоплении боевых средств, грозят миру гибелью, превращая мир наших дней в давящее бремя, которое народы выносят все с большим трудом. Очевидным поэтому представляется, что если бы такое положение продолжалось, оно равным образом привело бы к тому именно бедствию, которого стремятся избежать и перед ужасами которого заранее содрогается человечество. Положить предел непрерывным вооружениям – долг всех без исключения государств.

Государь Император повелеть мне соизволил обратиться к правительствам государств, представители которых аккредитованы при Высочайшем Дворе, с предложением о созыве конференции в видах обсуждения этой важной задачи.

С Божьей помощью конференция эта могла бы стать добрым предзнаменованием для будущего века. Она сплотила бы в одно могучее целое усилия всех государств, искренно стремящихся к тому, чтобы великая идея всеобщего мира восторжествовала над раздорами. В то же время она скрепила бы их согласие совместным признанием права и справедливости, на которых зиждятся безопасность государства и преуспеяние народов».

Обращение это – которое так созвучно и нашему времени, вызвало 60 лет тому назад неодинаковый отклик: народы отнеслись к нему восторженно, а правительства недоверчиво. Что же касается Императора Германского, то он впал в крайнее раздражение и испещрял насмешливыми примечаниями донесения по этому вопросу. Но сочувствие широких кругов общества, народов было общее. И Императору Николаю II все выражали благодарность за принятие им почина к упрочению всеобщего мира.

ГААГСКИЕ МИРНЫЕ КОНФЕРЕНЦИИ 1889 И 1907 ГГ.

По предложению России 18 мая 1899 г. в Гааге собралась конференция, в которой приняло участие 26 государств: Австро-Венгрия, Германия, Бельгия, Китай, Дания, Испания, США, Мексика, Франция, Великобритания, Греция, Италия, Япония, Люксембург, Черногория, Нидерланды, Иран, Португалия, Румыния, Россия, Сербия, Сиам, Швеция, Норвегия, Швейцария, Турция, Болгария (не присутствовали государства Центральной и Южной Америки). Эта конференция получила, как и последующие конференции 1907 года, название «мирной», поскольку официальной ее задачей было ограничение вооружений и обеспечение мира. Никакого результата в смысле ограничения вооружений на конференции не было достигнуто. Были приняты лишь пожелания «об ограничении расходов на военное дело, которыми в настоящее время обременен мир, в частности, о соглашении по поводу введения новых типов и калибров морского оружия» и «об ограничении сухопутных и морских вооруженных сил и военного бюджета». Конференция привела, однако, к заключению 29 июля 1899 года трех конвенций: 1) о мирном разрешении международных споров; 2) о законах и обычаях сухопутной войны; 3) о применении Женевской конвенции о раненых и больных в морской войне. Были приняты еще три декларации, касавшиеся ограничения военных действий.

Ввиду общей неудовлетворенности результатами конференции 1899 года, американский президент Теодор Рузвельт, инициатива которого была поддержана Россией, предложил созыв второй

«мирной конференции». Последняя собралась вновь в Гааге 15 июня 1907 года при участии 44 государств – всех участников первой конференции (т. е. после отделения Норвегии от Швеции), 27 государств Южной и Центральной Америки: Аргентины, Боливии, Бразилии, Венесуэлы, Колумбии, Парагвая, Перу, Уругвая, Чили, Эквадора, Гаити, Гватемалы, Доминиканской Республики, Кубы, Никарагуа, Панамы, Сальвадора.

Подтвердив выраженное в 1899 году пожелание об ограничении военных тягот, конференция пересмотрела три конвенции, одобренные в 1899-м и приняла 10 новых, относящихся к вопросам нейтралитета и отдельным вопросам права морской войны. Конвенции, заключенные 18 октября 1907 года, цитируются в международной практике и литературе под нижеуказанными порядковыми номерами: 1) о мирном разрешении международных споров; 2) об ограничении случаев обращения к силе для взыскания по договорным долговым обязательствам; 3) об открытии военных действий; 4) о законах и обычаях сухопутной войны; 5) о правах и обязанностях нейтральных держав и лиц в сухопутной войне; 6) о положении вражеских торговых судов при открытии военных действий; 7) об обращении торговых судов в военные; 8) об установке автоматических контактных подводных мин; 9) о бомбардировке морскими силами во время войны; 10) о применении к морской войне начал Женевской конвенции; 11) о некоторых ограничениях в пользовании правом захвата в морской войне; 12) об учреждении международного призового суда; 13) о правах и обязанностях нейтральных держав в морской войне. Помимо того, конференция приняла декларацию о воспрещении метания снарядов и взрывчатых веществ с воздушных судов, а также ряд пожеланий, в том числе о регулировании права морской войны и о подготовке третьей мирной конференции.

Последнему пожеланию не суждено было осуществиться, поскольку Первая мировая война сорвала созыв такой конференции, а после войны вопрос о созыве не был вновь поставлен. Что касается регулирования права морской войны, то оно было предметом обсуждения Лондонской морской конференции 1909 года.

Конвенции 1907 года (за исключением 12-й, не вступившей в действие) являются действующими международными документами, признанными громадным большинством держав мира.

Декларация 1907 года о воспрещении метания снарядов и взрывчатых веществ с воздушных судов потеряла свое значение ввиду отказа ее ратифицировать со стороны ряда государств (прежде всего Германии). Таким образом, Гаагские конвенции не регламентируют воздушной войны. С другой стороны, из трех деклараций, принятых на Гаагской конференции 1899 года, сохранили свою силу 2-я и 3-я (2-я – о неупотреблении снарядов, имеющих единственным назначением распространение удушающих или вредоносных газов;

3-я – о запрещении употреблять снаряды, легко разворачивающиеся или сплющивающиеся).

Имеющие сорокалетнюю давность, а в значительной части восходящие к еще более давнему времени (в основе 4-й конвенции лежит, например, русский проект, выработанный еще в 1874 году), Гаагские конвенции сохраняют свою силу, главным образом, как формулировка общеизвестных и признанных большинством государств принципов и норм современного международного права, относящихся к войне.

Российская нота от 16–28 августа 1898 года и Гаагская конференция 1899 года сыграли большую роль в мировой истории. Они поставили на очередь вопрос о возможности и желательности международных соглашений для обеспечения мира. Отсюда проистекают и все дальнейшие попытки. И прав был граф М. Н. Муравьев, сказавший 60 лет тому назад: «Идея эта пустит ростки...» Подтверждением этому служит создание Лиги Наций и Объединения Наций.

В своей книге о Гаагской конференции Ж. де Лапраделль справедливо писал: «Мир был уже поражен, когда могущественный монарх, глава великой военной державы объявил себя поборником разоружения и мира. Удивление еще возросло, когда благодаря русской настойчивости конференция была подготовлена, возникла, открылась».

А когда собралась в Вашингтоне 9 ноября 1921 года конференция по вопросу о морском вооружении, то североамериканский президент Гардинг в своей вступительной речи вспомнил, именно кому принадлежит почин в этом деле, сказав: «Предложение ограничить вооружения путем соглашения мужду державами – не ново. Уместно вспомнить благородные стремления, выраженные 23 года назад в Императорском рескрипте Его Величества Императора Всероссийского». И процитировал слова исторической ноты.

ПАВЕЛ РОМАНОВ

РОССИЯ И ДВОРЕЦ МИРА В ГААГЕ

Инициатива Государя Императора Николая II о разоружении, выраженная в нотах русского правительства от 12/24 августа 1897 г. и 18/30 декабря 1898 г., вызвали отклик Центрального Нидерландского комитета по сохранению мира, который при посредстве Гаагской мирной конференции передал благодарственный адрес русскому Императору Николаю Александровичу.

Его Императорскому Величеству
Всероссийскому Императору

Государь!

От имени 205.791 наших единомышленников, нидерландских граждан и гражданок, с глубочайшим уважением обращаемся к Вашему Императорскому Величеству и просим Вас не отказать принять выражение нашей глубокой радости и живейшей признательности за благородную инициативу, которую Вы проявили для возможного уменьшения излишних вооружений и поддержания всеобщего мира.

Кроме того, мы позволяем себе выразить наши горячие пожелания, чтобы конференция, созываемая в ближайшем будущем по предложению Вашего Императорского Величества, соответствовала желанию о постоянном мире, коим воодушевлен наравне в другими цивилизованными народами и голландский народ.

Центральный Нидерландский комитет по сохранению мира

РУССКАЯ ИНИЦИАТИВА

Обе ноты русского правительства всеми народами были встречены восторженно, правительствами – недоверчиво. В результате сложных международных переговоров все же была созвана мирная конференция, проходившая с 18/6 мая по 29/17 июня 1899 г. в Гааге, столице Нидерландов, в Охотничьем замке, в так называемом Гаагском лесу, под председательством русского посла в Лондоне барона Стааля.

Общий вопрос был сведен к двум пунктам: ограничение вооружений и обязательный арбитраж.

«Ограничение военного бюджета и вооружений есть главная задача и цель конференции, – говорил русский представитель барон Стааль. – Мы не говорим об утопиях, мы не предлагаем разоружения, мы хотим ограничения, остановки роста вооружений...»

На обязательности арбитража настаивала только одна Россия, и арбитраж был признан необязательным. Спустя более чем полвека, а именно на банкете Академии политических наук, вице-президент мистер Ричард Никсон помянул добрым словом этот пункт и выразил мысль, что при содействии Гаагского Арбитражного Трибунала было бы легче и успешнее договариваться с... СССР. (Журнал «Тайм», 20 апреля 1959 г.)

На Первой мирной конференции русский представитель, профессор международного права Ф. Ф. Мартенс возбудил вопрос о

постройке соответствующего здания – дворца для международных конференций и постоянного Международного Арбитражного Трибунала.

Предложение было принято единогласно.

В 1900 году проф. Ф. Ф. Мартенс в осуществление своей инициативы обратился к американскому послу в Берлине А. Уайту и просил указать богатого американского жертвователя, который согласился бы предоставить необходимые средства на постройку дворца. Посол Уайт вспомнил об Андрее Карнеги, стоявшем во главе крупнейшего концерна сталелитейной промышленности и бывшего одним из богатейших людей Америки.

Отец Андрея Карнеги мелкий ремесленник, чартист из Шотландии, эмигрировал в Америку. Молодой Карнеги поступил на фабрику, потом работал на телеграфе. Много читал и скоро начал участвовать в журналистике.

Затем он принимал участие в различных предприятиях: железнодорожных, металлургических и нефтепромышленных и быстро, благодаря своей энергии, уму, практической сметке и счастью, составил грандиозное состояние.

В конце жизни начал систематически тратить свои громадные средства на благотворительные дела: народные университеты, школы, библиотеки, рабочие кассы и пропаганду идей пацифизма. Был организован миллионный Фонд героев в Англии и Америке, из которого выдавались премии за акты героизма.

До 1914 года А. Карнеги на благотворительность пожертвовал более 200 миллионов долларов.

А. Карнеги написал и выпустил в свет несколько книг.

Противник социализма как политического учения, Карнеги допускает, что человечество путем медленной эволюции придет к чему-либо похожему на социализм. Сочувствовал тред-юнионам и рабочим организациям. Сторонник протекционизма и республиканцев в Америке, фритредеров и либералов в Англии.

А. Карнеги верил в прогресс и считал нравственно обязательным для всякого богатого человека помогать делу общего развития; **позорно, если богач и умирает богачом**.

Андрей Карнеги умер в Леноксе, Массачусетс, 11 августа 1919 года.

БОГАТЫРСКИЙ ДАР АНДРЕЯ КАРНЕГИ

Вначале Андрей Карнеги согласился создать при Арбитражном суде лишь соответствующую библиотеку. Однако после длительных переговоров с участием голландского посла в США барона В. Геверс, д-ра Фан Карнебек и д-ра Ассера А. Карнеги согласился предоставить сумму в 1.500.000 долларов. Деньги были переведены в

распоряжение так называемого Фонда Карнеги, который и должен был заняться постройкой, равно как и содержанием библиотеки, насчитывающей в настоящее время 250.000 томов редких книг по Международному праву и вообще по вопросам права.

УЧАСТИЕ ГОЛЛАНДСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА

Совет Фонда был составлен из пяти членов, которые должны быть голландцами, с подчинением, в свою очередь, высшему совету в составе министров: иностранных дел, юстиции, финансов, транспорта, председателей обеих палат парламента и генерального прокурора.

Итак, средства для постройки дворца были найдены благодаря сказочной щедрости А. Карнеги. Оставался вопрос, где именно построить его.

Было намечено несколько пунктов в Гааге и в конце концов были одобрены два подходящих места – Вутенруст и Рустенбур, расположенные в начале Шхевенинской дороги. В 1905 году обе площади и окрестные места в 6,5 гектаров были выкуплены нидерландским правительством за 700.000 флоринов и предоставлены в распоряжение Фонда Карнеги.

216 ПЛАНОВ – ПРОЕКТОВ ДВОРЦА

В прессе был объявлен интернациональный конкурс на проект здания дворца. Отовсюду было прислано 216 проектов. Специальное жюри одобрило проект французского архитектора Л. Кардонье из Лилля, который и был приглашен начать постройку при помощи голландского архитектора – инженера, профессора И. фан дер Стер.

ОСНОВОПОЛОЖНЫЙ КАМЕНЬ ДВОРЦА МИРА

Вторая мирная конференция, заседавшая в Гааге летом 1907 года, единогласно постановила произвести закладку Дворца мира 30 июля этого же года.

России, от которой исходила инициатива созыва мирных конференций и сооружения Дворца мира, была предоставлена большая честь произвести закладку, которую и совершил русский посланник в Гааге М. Нелидов.

Как изображено на исторической фотографии, среди лесной заросли на расчищенной площадке были наскоро сооружены трибуны и ложи для участников торжества и музыкальная раковина. В центре на трех столбах был повешен мраморный блок – краеугольный камень мира.

Когда ложи были заполнены, зрителям открылась блестящая панорама. В центре помещались Королева Нидерландская в окружении свиты, министры, члены обеих палат, 25 провинциальных комиссаров, дипломатический корпус, представители прессы всего мира, почетные гости и делегаты Второй мирной конференции. Мужчины были во фраках, дамы в летних белых длинных платьях и широкополых белых шляпах. 1200 персон!

Раздались величественные звуки филармонического оркестра, исполнившего несколько национальных гимнов. На середину вышел русский посланник М. Нелидов и произнес краткую речь об историческом значении данного момента. Затем взял в руки серебряный молоток и трижды ударил по мраморному блоку и каждый раз произносил историческую фразу:

«От имени Ея Величества Королевы Нидерландской, от имени Его Величества Императора Всероссийского и от имени Второй мирной конференции честь имею положить первый камень для создания Дворца мира».

РОЖДЕНИЕ ДВОРЦА МИРА

Шесть лет продолжалось строительство Дворца мира и одновременно шли работы по планировке, разбивке и насаждению обширного парка вокруг здания. На фотографии с птичьего полета видны стреловидные дорожки среди цветистых гирлянд и царства голландских цветов в роскошной раме декоративных деревьев.

В западной части парка сооружено искусственное озеро, в котором отражаются малая башня и стрельчатые окна зала Международного Арбитражного Трибунала. Парк назван именем Андрея Карнеги. В южной части коридора дворца щедрому жертвователю поставлен прекрасный мраморный бюст.

В августе 1913 г. Дворец мира постройкой, наконец, был закончен. 28 августа 1913 года в присутствии Ее Величества Королевы Вильгельмины, Ее Величества Королевы Матери, Его Королевского Высочества принца Генриха и Господина и Госпожи Карнеги состоялось открытие Дворца мира.

Был произнесен ряд проникновенных речей о наступлении новой эры мирного развития человечества без войн. Рождалась надежда, что с постройкой Дворца мира и постоянно действующего в нем Международного Арбитражного Трибунала мысли о войне будут глушиться в самом их зародыше, и это было красноречиво выражено в адресе, поднесенном Императору Всероссийскому Николаю II.

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ДАРЫ

Все народы и государства стремились своими дарами украсить величественный Дворец мира. Это было прекрасное зрелище.

«Входя в зал, мы ошеломлены великолепной, грандиозной лестницей, являющейся копией большой лестницы парижской Оперы. Эта лестница с двумя лампами на колоннах на первой площадке – подарок муниципалитета города Гааги.

Шесть канделябров на самой лестнице и около нее являются подарком Австрии. Мозаика полов здания сделана из итальянского мрамора, восемь колонн и шестнадцать пилястров также из итальянского мрамора.

Латинская поговорка: «Солнце правосудия свети нам», сделана в мозаике непосредственно внутри главного входа. Бронзовые двери главного входа – дар Бельгии. Есть два больших прохода – один с левой и один с правой стороны главного зала.

Турция прислала огромный ковер. Англия – витражи, изображающие библейские сцены. Китай – фарфоровые вазы высотой в рост человека. Сиам – слоновые бивни. Япония – стенную шелковую драпировку на стены зала. Германия – металлические ворота и решетку вокруг парка. Скамьи из розового дерева были сделаны голландскими мастерами-столярами. Дерево – подарок правительства Бразилии. Венгры прислали четыре большие майоликовые вазы, которые были поставлены – одна налево, другая направо в зале, третья на втором этаже и четвертая в саду.

Направо и налево от лестницы помещаются два зала для заседаний, выходящие в большой внутренний двор, их роспись большой красоты, дерево прислано из голландской Вест-Индии.

Цветные окна, рисунок которых изображает торговлю и промышленность, – подарок Голландского общества промышленности. На полу ковры, присланные Румынией.

ДАР ИМПЕРАТОРА ВСЕРОССИЙСКОГО

На стыке двух коридоров под главной башней стоит зеленая яшмовая ваза весом в 3.000 килограммов. Ваза блестит изумительной полировкой. Шейка ее опоясана золотым орнаментом с изображением двуглавого орла тончайшей ювелирной работы. На высоком цоколе, в рост человека, художественно выгравированы позолоченные литеры: «Дар Николая II, Императора Всероссийскаго».

Стены зала покрыты прекрасными светло-зелеными кафелями, сделанными на фарфоровой фабрике города Дельфт. В этой обстановке ваза видна во всем своем великолепии.

Дар Императора Всероссийского Николая II соответствовал величию России, столь необходимой для равновесия мира. 42 года

тому назад это равновесие было утрачено. Равновесия в мире нет, потому что нет исторической, правовой, на нравственном начале утвержденной Императорской России.

СМЫСЛ И ЗНАЧЕНИЕ ГААГСКИХ МИРНЫХ КОНФЕРЕНЦИЙ

Русская нота от 12/24 августа 1898 года была опубликована не после какой-либо войны, а после 27-летнего затишья с дальновидной целью продолжить мирное состояние народов и в будущем.

Ставилась задача: все конфликты разрешать мирным путем, а войны изгнать из человеческого употребления. Нельзя оспоривать того факта, что значительно легче разрешать конфликты до возникновения войны, когда еще нет ни победителей, ни побежденных, ни убитых, ни раненых, ни материальных разрушений. Стороны сидят за одним столом и ищут в мирном состоянии духа способов разрешать споры.

Совершенно иное происходит после окончания войны. С побежденного противника пострадавшие победители готовы снять последнее одеяние, хотя они пострадали в такой же мере. Кроме того – и это самое страшное, – побежденный враг подвергается унижениям. Так было на протяжении всей истории человечества, так будет, доколе будут существовать войны.

Надо признать, что нота русского Императора и последовавшие за ней мирные конференции в Гааге были мудры и дальновидны. И если бы не сопротивление некоторых правителей, человечество, возможно, и забыло бы, что такое война.

СИЛА ВЫШЕ ПРАВА, НА ПУТИ ПРАВА СТАЛА СИЛА

Необычайное раздражение проявил Император Вильгельм II, испещрявший гневными и насмешливыми примечаниями все донесения и записки по этому вопросу.

«Все это словоизвержение порождено горькой нуждой... До сих пор Европа оплачивала русские вооружения... Гуманитарный угар довел до этого невероятного шага... Тут какая-то чертовщина...» – писал Германский Император 16/28 августа.

Все же на следующий день он телеграфировал Государю, что Его нота «ярко освещает возвышенность и чистоту Его побуждений...» Однако, добавляет Вильгельм, на практике это затруднительно... Можно ли, например, представить себе монарха, распускающего полки, освященные веками истории» (С. С. Ольденбург. Царствование Императора Николая II, т. 1, стр. 101. Белград, 1937).

Германский делегат, полковник Гросс фон Шварцгоф, иронически возражал тем, кто говорил о непосильных тяготах вооружений:

«Позволю себе рассеять благожелательные опасения. Германский народ не изнемогает под бременем налогов; он не стоит на краю пропасти. Он богатеет, уровень его жизни повышается. Всеобщая воинская повинность для немцев не бремя, а священный долг» (там же, стр. 107).

Против Арбитражного Суда возражал руководитель министерства иностранных дел советник фон Гольштейн: «...Малые государства в качестве субъектов, мелкие вопросы в качестве объектов арбитражного разбирательства можно себе представить. Большие государства и важные вопросы – никогда. Чем государство больше, тем оно более рассматривает себя как самоцель, а не средство для достижения высших, вне его лежащих целей. Но таковые для великой державы не обязательно тождественны с сохранением мира: они могут состоять в преодолении врага и конкурента при помощи умело составленной более могущественной группировки...»

Когда фон Бюлов представил Вильгельму доклад об итогах Гаагской мирной конференции, которая вынуждена была отказаться от обязательности арбитража, и тогда только германская делегация в свою очередь согласилась на учреждение постоянного суда. Вильгельм, впрочем, считал и это большой уступкой Государю и на докладе Бюлова написал: «Чтоб Он не скомпрометировал Себя перед Европой, я соглашаюсь на эту наивность. Но в своей пркатаике я и впредь буду полагаться и рассчитывать только на Бога и на свой острый меч» (Ольденбург, стр. 1008).

Бог правды и милости не был богом Вильгельма. «Острый меч» его в 1918 году был сломан.

Прис. повер. К. Н. НИКОЛАЕВ,
председатель Объединения русских юристов в Америке

ВСТРЕЧА

Не сказка, а быль

В 1911 году, в роковой год убийства провокатором Багровым П. А. Столыпина, в светлые дни радости пребывания Царской Семьи в Киеве состоялись маневры войск Киевского округа на Фасовских полях, в шестидесяти верстах от Киева, по Киево-Житомирскому шоссе.

Шоссе пролегало через дачный поселок Святошино, в семи верстах от Киева. Поселок громадный по площади был застроен нарядными дачами в прекрасном вековом сосновом лесу.

Представителем Общества благоустройства был известный врач Е. Ф. Гарнич-Гарницкий, а в числе членов Правления отчим моей жены, химик, немец по происхождению Б. Он имел большую усадьбу с каменными постройками.

Эти два лица предложили Правлению Общества обратиться с просьбой к Государю Императору при проезде через поселок принять хлеб-соль.

Отправились с этой просьбой в дом генерал-губернатора в Липки, где имела пребывание Царская Семья, и через сорок минут после изложения просьбы князю Долгорукому, было получено согласие Императора.

Князь Долгорукий только заметил, что остановка будет краткая, и дал некоторые указания относительно соблюдения этикета, между прочим указав, что если Государь пожелает закурить, то чтобы спичку подал кто-нибудь один, а не все разом.

Делегация возвратилась в восторге от простоты приема и в тот же день было приступлено к сооружению арки при въезде в поселок. Уже к вечеру следующего дня была окончена легкая и нарядная арка, украшенная флагами и зеленью. Ковер взяли из моей квартиры.

Вечером прибежал ко мне взволнованный мой друг — полицейский надзиратель, единственный представитель власти в поселке.

— Константин Николаевич, посоветуйте ради Бога, не знаю, как и быть. Какие меры охраны Его Величества я могу принять?

— Очень простые, Сереженька. На встрече будут только свои, человек сорок. А тех, кого не знаем, или случайно появившихся, не допускать.

— А как же это?

— А так. Принесем извинения и попросим зайти в пожарное депо напротив, на второй этаж. Из окна все видно, а для Государя безопасно.

Так были приняты меры охраны.

На следующее утро группа, кому было сообщено, человек в пятьдесят дам и мужчин, собралась у арки и взволнованно разговаривала почему-то вполголоса.

Василич, старый пожарный, в полном параде держал в вытянутых руках деревянное блюдо (серебряные были запрещены Дворцовым управлением) с хлебом-солью на вышитом длинном полотенце.

Вдруг Сереженька весь рванулся вперед. На шоссе показалась какая-то серенькая фигура. Волнение было напрасно: это шел запоздавший Навшин, известный профессор ботаники, в своей неизменной крылатке.

Шоссе в сторону Киева, куда было устремлено наше внимание,

совершенно пустынно. Никакой охраны – ни пехотных, ни кавалерийских полков, ни эскадронных жандармов, ни толпы сыщиков, как представлялась царская охрана, нами замечено не было. Никаких обходных колонн, никаких дозоров.

Все было обыкновенно, как всегда.

Около девяти часов показался быстро идущий темно-красный автомобиль. Машина резко остановилась у самой арки. Все замерло. Из нее вышел генерал Курлов. Он ничего не спросил, не сделал никакого замечания и только отрывисто бросил: «Через десять минут будет Государь!» Затем сел в автомобиль и скрылся.

Вскоре совсем неожиданно, как-то незаметно и вовсе бесшумно подошел длинный темно-синий крытый автомобиль и остановился с правой стороны, шагов за двадцать от арки.

Распахнулись дверцы с обеих сторон. С правой вышел Государь в офицерском пальто при шашке, с левой – молодой адъютант тоже в пальто. Шофер-солдат оставался на своем месте.

Е. Ф. Гарнич-Гарницкий взял блюдо из рук Василича и в сопровождении нескольких лиц пошел навстречу Императору, направлявшемуся к арке. Через несколько мгновений мы стояли лицом к лицу с повелителем шестой части мира.

Е. Ф. сказал несколько приветственных и благодарственных слов. Государь, приложив руку к козырьку фуражки, произнес:

– Искренно благодарю и рад, что мог выполнить вашу просьбу.

Император принял блюдо: адъютант отнес его к автомобилю и там остался.

Государь подал руку близстоящим, каждому отдавая честь.

– У вас здесь хорошо, – сказал Царь, вынимая массивный серебряный портсигар. В этот момент отчим моей жены чиркнул спичкой, загоревшейся ярким и сильным огнем. Эту спичку собственноручно он изготовил в своей лаборатории по особому способу, гарантирующему зажигание без осечки.

– Пройдемся.

Все двинулись за Государем. Рядом с Царем с правой стороны шел Гарнич-Гарницкий, с левой – отчим моей жены, я был рядом с Гарницким, остальные следовали сзади.

– Как у вас с водой? – спросил Государь.

– Хорошо, вода глубоко, но зато прекрасная. В каждой усадьбе есть колодец. Трудно только с освещением – очень велика площадь, как-то совсем смело заговорил доктор Гарнич-Гарницкий. – Долгосрочная аренда на девяносто девять лет все же препятствует тому, чтобы найти концессионера.

– Но ведь это же почти право собственности.

– Но собственник все же государство.

– Да, это верно. Я, впрочем, думаю, что вопрос владения не так сложен. Чуйкевич прекрасный старик. Попытайтесь поднять этот вопрос.

Чуйкевич, живописный сановник с густыми и длинными седыми баками, был управляющим государственными имуществами.

Мы проходили мимо не совсем законченного здания церкви.

— У вас и церковь, — произнес с довольной улыбкой Государь.

— Достраиваем, Ваше Величество. Есть и православный священник. Сейчас он будет.

— Прекрасно, прекрасно. Ну, извините, мне пора.

Государь остановился и круто повернулся. Подошел автомобиль, в котором уже сидел адъютант. Шофер-солдат, не выходя, открыл дверцу, и Царь, сделав общий поклон, вошел в машину. Автомобиль бесшумно тронулся, сразу взяв большую скорость.

В каком-то странном состоянии, как бы пережив что-то очень сложное, смысл которого еще неясен, мы стали расходиться. Отчим моей жены пригласил нескольких человек к себе завтракать, вернее, пить кофе: было 10 часов утра.

Я успел только заметить, что Сереженька в своем белом кителе скрылся в лавке Голубкова: где можно было опрокинуть стаканчик.

Возле пожарного депо Василич трубил сигналы, неизвестно для чего задрав кверху голову.

Жена вышла к нам в столовую. Мы обменивались впечатлениями.

— Какая простота, — заметила наша соседка по усадьбе и поднесла платок к глазам.

В комнату вбежала моя девочка — Зютик.

— Папа, а когда приедет Царь?

— Царь проехал. Ты же стояла рядом с ним и еще хотела дернуть за темляк.

Зютик на меня удивленно посмотрела, затем куда-то убежала и сразу же вернулась с раскрытой книгой, где был изображен какой-то король в короне и порфире.

— Вот какой бывает царь, — и она торжествующе посмотрела на меня. — Правда, мама?

— Нет, деточка, царь бывает и в обыкновенной одежде.

«За право и правду», 1959 г.

Николай ВОЙТЕНКОВ

ПОЗОР РОССИИ

Вечной памяти Царя-Мученика Николая II
и Его Августейшей Семьи

Ты был убит руками подлецов —
Преступной шайкой каторжного сброда,
Наемников подпольных мудрецов,

Смутивших совесть русского народа.
Была измена, трусость и обман.
Все рушилось. Все гибло без возврата.
Кровавый заволакивал туман
Страну. Сын предавал отца, брат брата.

Ты был оставлен всеми. Клевета
Твой светлый образ ложью осквернила.
И как Иуда предавал Христа,
Ты предан был. Тебя ждала могила.

Ты принял смерть покорно. В страшный миг
Ты видел дикий ужас избиенья
Твоей Семьи. Ты слышал стон и крик,
И смерть пришла. Пришла, как избавленье.

Где были те, что принесли присягу
Тебе служить и честью поклялись?
Ты верил им. Ты верил в их отвагу.
Но почему они не поднялись

Все, как один, Тебя не защитили
Стеной штыков в тот страшный, грозный час?
Кому они, забыв Тебя, служили
И чей тогда исполнили приказ?

«За право и правду», 1959

В. ГРАНИТОВ

НЕ ПОРА ЛИ УБРАТЬ «ВОЖДЕЙ»?

В вышедшей в 1996 году в Москве книге Валерия Михайлова «Хроника Великого Донута» (документальная повесть), приводятся выдержки из письма Н. И. Бухарина товарищу Пешкову (писателю Максиму Горькому).

Эти выдержки интересны тем, что дают яркую характеристику идейной сущности не только лично Бухарина, но и всех большевистских вождей ленинского окружения и самого Ленина.

Эту книгу особенно полезно прочесть тем людям в России и

иностранцам, которые еще продолжают считать Ленина и прочих основоположников коммунизма в России «борцами за светлые идеалы». Большего цинизма и презрения к России, к русскому народу и даже к своей партии (кроме ее верхушки) и своей армии придумать трудно.

Вот некоторые из этих выдержек.

«...для меня революция – все, и потребуй она от меня жизни любимой жены, я спокойненько утоплю ее в умывальном ведре – медленно и мучительно...»

«Помните ли, как вы однажды выгнали меня из своей комнаты, когда я – это было под утро – в жарком споре с вами открыл вам все наши карты, признав, что у нас нет никакой «советской власти», никакой «диктатуры пролетариата», никакого «рабоче-крестьянского правительства», никакого доверия к нашей дурацкой партии, а есть лишь очень небольшой орден вождей грядущей в мир социальной революции (наподобие тех «масонов», в которых вы, хоть и не по Нилусу, но все же верите!), в ответ на ваше надоевшее мне сравнение с «бесами» выпалил, потеряв остатки хладнокровия, что *Достоевского, к сожалению, нельзя расстрелять?*»

«Россия? Что такое Россия?

...для меня, для нас – это только географическое понятие, кстати сказать, нами, без малейшего вреда для революции, с успехом упраздненное, для меня это – тоже слово, но старое, никому не нужное и сданное поэтому в архив мировой революции, где ему и место».

«...помните ли вы свое громовое послание к Ленину, написанное вами как «народным депутатом»? Мы все ужасно смеялись, читая ваши искренние благоглупости, которыми вы хотели поучать нас... Ах, тогда вы сами верили в Ленина и думали, что царь-батюшка не видит того, что видите вы, и что злые слуги-советчики скрывают от его ясных очей горе и муку любимой вами... России... Вы, в своей византийско-московской романтике, были так же, мягко выражаясь, наивны, как и все русские люди, питавшиеся подобной пищей на протяжение целого ряда веков их глупой, глупой истории.

Нет, мой птенчик, Ленин и все мы (мы, т. е. «орден»!) понимаем русскую действительность не хуже вас, а знаем все, потому что от нас вездесущий Феликс, поставивший за спиной каждого советского гражданина по паре чекистов, не скрывает и не смеет скрыть ничегошеньки...»

«Как вы не понимаете, что то, что дорого вам как некая абсолютная самоцель («Россия», «Русь»), нас интересует лишь постольку, поскольку речь идет о материале и средствах для мировой революции? Нам нужны – прежде всего более или менее прочный кров, а затем – деньги, как можно больше денег.

Для того чтобы получить денежки, мы не только дважды обобрали (и еще двадцать два раза оберем!) девяносто процентов

России, но и распродадим ее оптом и в розницу, потому что, господин патриот, вся она к нам с лихвой вернется в желанный час мировой революции, во имя которой все дозволено...»

«Да, ваша Россия, конечно, погибает: в ней теперь нет ни одного класса, коему когда-либо и где-либо жилось пакостней, чем в нашем совдеповском раю (кстати, если это – рай, то каков же совдеповский ад? Любопытно...); мы не оставим камня на камне от многовековой постройки «государства российского», мы экспериментируем над живым, все еще, черт возьми, живым народным организмом, как первокурсник-медик «работает» над трупом бродяги, доставшимся ему в анатомическом театре...

Но вчитайтесь хорошенько в обе наши конституции: там откровенно указано, что нас интересует не Советский Союз и не его части, а борьба с мировым капитализмом, мировая революция, для которой мы жертвуем и страной, и собою (жертва, конечно, на ведущих «вождей» не распространялась. – *Ред.*) без малейшего сожаления к тем, кто нужен в качестве удобрения коммунистической нивы для ее будущего урожая...»

«Страна, изможденная войнами, мором и голодом (средство, конечно, опасное, но зато – великолепное!), и пикнуть не смеет под угрозой чеки и так называемой армии, которые, поверьте, нами довольны, потому что приласкать преторианцев и гончих собак, насытить их по горло всякой всячиной – это наш революционный долг.

Да, забавная комбинация – эта самая ваша Русь! Мы и сами часто диву даемся, глядя на ее пресловутое «долготерпение»... Черт знает что делаем, а все благополучно сходит с рук, как будто бы так и надо!.. Но объясните мне: ведь, почитай, нет в России ни одного дома, у которого мы прямо или косвенно не убили мать, отца, брата, дочь, сына или вообще близкого человека, и... все-таки Феликс спокойненько, почти без всякой охраны пешочком разгуливает... по Москве...»

«Вот вы все бормотали мне своим исступленным шепотком о церкви и религии, а мы ободрали церковь как липку и на ее святые ценности ведем свою мировую пропаганду, не дав из них ни шиша голодающим; при ГПУ мы воздвигли свою «церковь» при помощи православных попов, и уж доподлинно врата ада не одолеют ее; мы заменили требуху филаретовского катехизиса любезной моему сердцу «Азбукой коммунизма», закон божий – политграмотой, посрывали с детей крестики да ладанки, вместо икон повесили «вождей» и постараемся для Пахома и «низов»... открыть мощи Ильича под коммунистическим соусом... Все это вам известно, и... что же?

Дурацкая страна!»

«Народ безмолвствует»... И будет молчать, ибо он, голубчик, не «тело Христово», а стадо, состоящее из скотов и зверей.

«Народ безмолвствует» и... несет налоги: что и требовалось доказать.

Заговорит? Восстанет? Разины? Пугачевщина? Заставим умолкнуть, утихомирим... – перепорем, перестреляем хоть половину страны, не щадя ни детей, ни стариков!..

Ну-с, а если не удастся и мы все-таки загремим, то... скажите, пожалуйста, *что мы потеряем?* Те, кто нам действительно нужны для дела мировой революции, останутся целы, ибо исчезнут они вовремя; а сотни тысяч сырого материала «низов», ягнят российского коммунизма... подумаешь, какая важность: этого добра нам не жалко ни капельки, а чем страшнее и ужаснее будет реставрация и въезд на белом коне нового «царя», – тем скорее мы вернемся (такова диалектика истории!), вернемся, *и тогда...* не уставай, Феликс, работайте, Лацисы, и – «патронов не жалеть!!»

...Ах, впрочем, к чему эти мрачные мысли: «нам всегда везло и будет везти!» (слова Ленина).

А русская свинья-матушка, которая терпеливо пролежала три столетия на правом боку, с таким же успехом пролежит еще дольше – до прихода Мировой Социальной Революции и на левом боку: на то она и свинья...

Теперь вам ясно, что я хочу выпалить? Нет еще? Фу, какой же на самом деле – дурак! Не ясно? Ну, в таком случае – получайте: *на Россию мне наплевать,* слышите вы это – *наплевать.*

«ИБО Я – БОЛЬШЕВИК!!»

Автор книги высказывает свое мнение:

«Полезно хоть и через 60 лет увидеть большевика изнутри. А то ведь еще хватает тех, кто верит, что это были хрустальной чистоты романтики добра и справедливости».

Не приходится удивляться тому, что вожди с таким интеллектом и моралью в течение 74 лет грабили богатейшую страну, расходуя ее ресурсы на вооружение и содержание огромной армии и поддержку революционных движений во всем мире, содержа население своей страны на границе бедности, под системой сыска и террора, и в конце концов привели страну к полному экономическому и биологическому краху. Но удивительно, что и через 6 лет после падения этой системы памятники Ленину и прочим «вождям» продолжают стоять по всей стране, и ни правительство, ни народ не считают нужным их убрать.

И. АНДРУШКЕВИЧ

ВОСЬМИДЕСЯТИЛЕТИЕ НАЧАЛА СОПРОТИВЛЕНИЯ ЧУЖЕРОДНОМУ ИГУ

Как было отмечено в предыдущем номере «Кадетского письма», русские воинские организации Белого зарубежья опубликовали в ноябре 1997 года «Обращение к общественности» в связи с 80-летней годовщиной начала Белой Борьбы.

В докладе М. М. Бореля, члена Кадетского объединения в Аргентине и внука генерала М. В. Алексеева, прочитанном на встрече в Буэнос-Айресе 17 ноября 1995 года, на тему «75-летие русской Белой эмиграции», было указано, что «15 ноября 1917 года считается днем начала Белого движения». В этот день генерал М. В. Алексеев начал запись первых добровольцев в Белую Армию. (Доклад был напечатан в «Кадетском письме» № 2.)

В статье поручика В. В. Гранитова, председателя РОВСа, «80 лет Белой борьбы», напечатанной в журнале «Наши вести» (№ 448/2749, сентябрь 1997 года), кроме этой, указываются еще три даты, которые можно считать началом Белого движения: назначение 7 января 1918 года генерала Корнилова командующим Добровольческой армией, обнародование Декларации Добровольческой армии 9 января 1918 года и выступление Добровольческой армии в ее первый – Кубанский поход 22 февраля 1918 года. (Все даты – по новому стилю.)

Таким образом, можно считать, что в конце 1997 года или в начале 1998 года исполнилось 80 лет со дня начала Белой эпопеи, независимо от того, какую из этих вышеотмеченных дат считать условно ее началом.

Эта годовщина заслуживает сегодня не только определенного внимания, но также и абсолютно необходимого серьезного анализа по ряду причин.

В первую очередь, эта 80-летняя годовщина существенно отличается от всех других – прошлых и будущих – круглых годовщин этого исторического события. Все прошедшие годовщины начала Белой Борьбы отмечались, в первую очередь, самими ее участниками. Так было и во время 70-летия, когда еще жили многие воины Белой армии. Например, тогда еще был председателем

кадетского объединения в Аргентине Георгиевский кавалер Сергей Александрович Якимович, кадет Киевского корпуса и Белый воин, кадет Крымского корпуса в изгнании, майор Югославской королевской армии. Несомненно, что эти участники Белого движения обладали авторитетом достоверно и правильно толковать смысл и значение не только этих годовщин, но и самой борьбы, в которой им было суждено принять участие. Они это и делали, хотя, к сожалению, не всегда в письменной форме.

Все же будущие годовщины, начиная с 90-летия, будут происходить уже без живых свидетелей отмечаемого движения. Сегодня в Аргентине, в частности, среди 20 кадет имеются два участника, принимавшие в нем хотя бы кратковременное участие, и один кадет, бывший непосредственным очевидцем тогда происходящего, хотя был он в том возрасте, который не позволял ему следовать за его отцом и близкими. И в других объединениях аналогичное положение.

Таким образом, сегодняшняя годовщина является, по всей вероятности, последней, когда подлинный смысл отмечаемых исторических событий можно зафиксировать на основании подтверждений **живых участников**. Это не значит, что они могут прибавить что-либо существенное к тому, что уже было засвидетельствовано раньше. Полное завещание Белых воинов уже давно написано, и писать его заново нет никакой необходимости. Однако именно сегодня крайне важно уточнить некоторые аспекты этого завещания, ставшие особенно актуальными после крушения коммунизма.

Это и является необходимостью сегодняшнего актуализированного анализа подлинного смысла отмечаемой годовщины. Ибо сегодня появились не только новые лжетолкования Белой эпопеи, но и новые претенденты в ее наследники. Именно сегодня еще живущие участники могут указать некоторым претендентам в наследники на попытки дезавуировать идеи Белого движения, а также указать, что настоящие наследники завещания не исправляют.

В этом и заключается макроисторический просчет в глобальных антирусских планах. Хотя коммунистическая система и получала существенную поддержку в самых разнообразных видах (даже, когда она временно отрывалась от своих источников), она все же не смогла пережить русскую Белую эмиграцию, как не смогла пережить и русские верования в русском народе.

Вследствие этого исторического чуда сегодняшним лжетолкователям и лженаследникам приходится действовать не на полностью выжженном историческом поле, а в непосредственном присутствии наследников, которые к тому же до сих пор смогли сохранить, хоть в минимальных размерах, некоторые структуры, созданные последним главнокомандующим Русской армии. Как известно, когда Русская армия была в эмиграции расформирована, за

исключением некоторых военных учебных заведений в Королевстве Сербов, Хорватов и Словенцев (в том числе и кадетских корпусов), ее чины вошли в состав Русского Обще-Воинского Союза, созданного приказом генерала П. Н. Врангеля. Сегодня в эмиграции продолжают существовать и кадетские организации, и РОВС.

Обидно, что даже это обстоятельство не повлекло возвращения русской Белой эмиграции, стыдливо называемой «соотечественники», на родину и ее частичного использования для восстановления страны. Не привело даже к ее официальной реабилитации, хотя именно она оказала первое сопротивление тоталитаризму. (Этим «соотечественникам» зачастую труднее получить туристическую визу в свое отечество, чем в любую другую страну мира.) А ведь у всего мира перед глазами примеры недавнего крушения тоталитарных диктатур в Германии и в Италии, когда политические эмигранты и жертвы этих режимов смогли вернуться на родину, автоматически получив незаконно отнятое гражданство, и некоторые из них даже смогли принять активное участие в процессах возрождения своих стран.

Такое отрицание Белой эмиграции вытекает из отрицания самой Белой эпопеи, принимая сегодня лишь более утонченную форму. Вот два толкования Белой борьбы сегодня:

1. Обе стороны в гражданской войне боролись за Россию.

2. Такая относительная равноценность красных и белых требует сегодня всеобщего примирения.

Однако совершенно очевидно, что если Белая армия боролась за Россию, то Красная армия боролась против. Ульянов сказал: «А на Россию мне наплевать». В первом своем декрете от 8 ноября, то есть на другой день после переворота, советская коммунистическая диктатура объявила «безусловно и медленно отмененными» все предыдущие дипломатические договоры, «направленные... к удержанию или увеличению аннексий великороссов» (История дипломатии. Огиз, 1945. Т. 2, стр. 305.) А через неделю, декретом от 15 ноября, было провозглашено «право на самоопределение и на отделение».

Ульянов подчеркивал: «Большевики говорят, что... царская Россия была построена на угнетении других народов и что большевики за эту политику никогда не стояли, не стоят и не будут стоять...» (там же. Т. 3, стр 71.) Ульянов таким образом перекликался с лордом Берти, английским послом в Париже, который восторженно записал в своем дневнике 6 декабря 1918 года, через 29 дней после захвата власти в России коммунистами: «Нет больше России! Она распалась, исчез идол в лице императора и религии, который связывал разные нации православной веры. Если только нам удастся добиться независимости буферных государств... сколько бы их ни удалось сфабриковать, то, по-моему, остальное может убираться к черту и вариться в собственном соку» (там же, стр 67).

Одновременно главный лозунг Белой армии с самого момента ее зарождения был: «За единую, великую и неделимую Россию».

В русской истории слово «белый» было всегда синонимом выражения «свободный», даже в юридической терминологии равнозначным. В Домострое «белая земля» означало – «свободная земля» в противоположность «тяглой земле».

Даже высказывались предположения, что «Белая Русь» (как прежде называлась Белоруссия) первоначально означало «свободная Русь, независимая от татар» (М. Фасмер. Этимологический словарь русского языка). Когда великий князь Иван Третий после падения татарского ига в 1480 году впервые официально принимает титул самодержца, этот термин специфически для русских ушей звучал радостью полного освобождения от татарской неволи: самодержец – это значило совершенно независимый, свободный, белый от всякого подданства – «индепендент» (А. В. Карташев. Очерки по истории Русской Церкви. Т. 1, стр 389).

Таким образом, русская Белая идея – это идея свободы и самостоятельности. Эта идея совпадает с русской государственной идеологией, которая всегда была идеей свободной и самостоятельной русской державы. Уже святого Владимира наши предки величали самодержцем, возглавителем идейно и политически самостоятельной державы.

При князе Олеге наша держава перестала платить дань хозарам, став политически самостоятельной, а при святом Владимире свободно и самостоятельно сама выбрала себе подходящую религию и культуру. Затем наша держава потеряла свою самостоятельность из-за удельных несогласий.

Когда же она снова обрела полную свободу и самостоятельность, ее правители снова стали величаться самодержцами, и заодно и **белыми**, то есть **свободными** царями. Поэтому профессор Карташев и называет великого князя Ивана Третьего **белым самодержцем**, потому что он «**освободил Россию** от татарской неволи», прекратив платить дань татарам, как когда-то князь Олег прекратил платить дань хозарам. Сербские монахи на Афоне стали величать именно в этом смысле царя Ивана Грозного **белым царем** и **самодержцем** России.

Величание русских царей до революции белыми царями в Индии и в других тогдашних колониальных странах объясняется тем, что русские белые цари были носителями идеи свободы и для этих, тогда еще лишенных свободы стран.

«И в этом ныне – наша **белая идея**. Наша родина дала нам духовную свободу; ею проникнуто все наше лучшее, все драгоценнейшее – и православная вера, и обращение к царю, и воинская доблесть, и наше до глубины искреннее, певучее искусство, и наша творческая наука, и весь наш душевный быт и духовный уклад. Изменить этой свободе – значило бы отречься от этого

дивного дара и совершить предательство над собою» (И. А. Ильин. Речь «О России»).

Выражение же «красные» было переводом привнесенного в Россию извне чужеродного символа чужеродной идеологии, в которой этот цвет имеет свое собственное символическое значение, с иным корнем, чем в русском языке. Оно употреблялось в разных странах интернациональной социал-демократической партией, в которой состоял Ульянов, задолго до путчей 1917 года. Таким образом, оно никак не может иметь этимологической и смысловой связи с русским словом «красный» в смысле «красивый», как это иногда пытались доказывать сами «красные».

Что касается пропагандируемой необходимости забыть прошлое и примириться, то сами авторы этого тезиса продолжают упорно вспоминать «живые идеалы Октября», лишь избегая тогдашних лозунгов: «Грабь награбленное», «Мир хижинам, война дворцам», «Кто был никем, тот станет всем» и т. д. Сегодня такие лозунги опасны и для тех, кто делает ставку на красный шовинизм, и для ставящих на космополитизм.

Конечно, Белое движение имело свои недостатки, промахи и ошибки. Но это были ошибки тогдашнего русского общества. Нельзя забывать, что Белое движение не только «спасло честь русской нации», как сказал В. А. Солоухин, но и продолжило за границей сопротивление чужеродному игу. Оно породило русскую Белую эмиграцию, которая в течение многих десятилетий не только верно сохраняла великую русскую культуру, но и преумножила ее.

Наконец, Белое движение своим героическим сопротивлением вынудило интервентов отказаться от первоначальных замыслов упразднить вооруженные силы на территории России, заменив их интернациональными бригадами. Победить русских, хоть и обманутых, могли только русские. Может быть, в этом обстоятельстве и кроется первопричина сегодняшних антивоенных кампаний.

Как видно, борьба, вспыхнувшая 80 лет назад, еще не закончена, хотя и ведется сегодня другими методами и с других позиций.

ПЕТР ПАЛАМАРЧУК

КРЕСТНЫЙ ПУТЬ БЕЛОЙ АРМИИ «ЧЕРНОГО БАРОНА» ПЕТРА ВРАНГЕЛЯ

Настоящая публикация — попытка показать трагическое величие Белого движения в лицах, причем в наиболее переломное время — последнее отчаянное сопротивление в Крыму и первое десятилетие рассеяния после исхода. Оно прошло под водительством одного из ярчайших деятелей отечественной истории — Петра Николаевича Врангеля — и обрело после его смерти явственные черты некоего символа: недаром одним из первых приказов Главнокомандующего бывшие вооруженные силы на юге России, остаток которых передал ему генерал Деникин, были названы Русской армией.

И все же нельзя не сказать несколько слов о судьбе самой армии и ее вождя, а также о прошлом и настоящем семьи, из архива которой появились на свет Божий все нижеприведенные сведения.

ВРАНГЕЛЬ И ВРАНГЕЛЕВЦЫ

Генерал барон Петр Николаевич Врангель родился 15 августа 1878 года в семье потомственных дворян Петроградской губернии, принадлежавшей к старинному и знатному роду датского происхождения, известному от начала XII столетия. Более всего представители семейства выдвинулись на военном поприще: в Дании, Швеции, Германии, Австрии, Голландии, Испании и впоследствии в России – они дали семь фельдмаршалов, более тридцати генералов и семь адмиралов. В 1709 году на поле Полтавской битвы остались лежать 22 представителя рода; они воевали тогда, конечно, еще на стороне шведов, но уже к концу XIX века представители русских линий Врангелей занимали первое место (40 человек), шведских — второе (37), прусских — третье (11). В 1930-е годы в Эстонии выходил даже особый журнал «Акта Врангелиана» на разных языках.

Получив образование горного инженера, Петр Врангель отправился добровольцем на японскую войну, вернувшись с которой окончил Николаевскую академию Генерального штаба. В Первой мировой, или, как ее звали тогда, Второй Отечественной, участвовал с самого начала и уже 6 августа 1914 года совершил геройский подвиг: под деревней Каушен атаковал в конном строю германскую батарею и захватил ее, за что получил орден св. Георгия 4-й степени. Окончил

войну в июле 1917-го командующим Сводным конным корпусом в чине генерал-майора. Затем был назначен командовать 3-м Конным корпусом, но, как скупо гласит составленный 29 декабря 1921 года уже в Константинополе «Послужной список» (так называемый «формуляр»): «вследствие большевистского переворота от службы врагам Родины отказался, в командование корпусом не вступил».

На время Врангель уехал в Крым. С образованием Добровольческой армии пополнил ее ряды и занялся преобразованием конницы, командуя сначала дивизией, а затем армией и, наконец, в 1919 году – всей добровольческой армией (которая тогда составляла часть вооруженных сил на юге России). В приказе войскам по этому случаю он со свойственной ему краткой точностью написал: «Мы сражаемся за правое дело, правым владеет Бог!»

Когда в конце 1919-го белые стали терпеть поражение, обострились и отношения между П. Н. Врангелем и А. И. Деникиным — двумя выдающимися военачальниками, по-разному понимавшими первоочередные задачи войны.

Врангель уехал в Константинополь, наступление деникинских войск окончилось новороссийской эвакуацией.

Остатки белых были перевезены по морю в Крым, где подавленный Деникин счел нравственным долгом уйти с поста главнокомандующего. Это случилось в Феодосии; доныне сохранилось здание гостиницы, где происходила историческая драма, участники которой вели себя с редким достоинством. Вслушаемся в слова отданных по сему поводу приказов.

Главнокомандующий Вооруженными силами на Юге России А. Деникин — Председателю Военного Совета генералу А. М. Драгомирову. 20 марта 1920 года: «Три года Российской смуты я вел борьбу, отдавая ей все свои силы и неся власть, как тяжкий крест, ниспосланный судьбой. Бог не благословил успехом войск, мною предводимых. И хотя вера в жизнеспособность Армии и в ея историческое призвание не потеряна, но внутренняя связь между вождем и Армией порвана. И я не в силах более вести ее.

Предлагаю Военному Совету избрать достойного, которому я передам преемственно власть и командование».

Совет называет кандидатуру П. Н. Врангеля, и два дня спустя Деникин издает свой последний приказ за № 2899:

«1. Генерал-лейтенант барон Врангель назначается Главнокомандующим Вооруженными силами на Юге России.

2. Всем, честно шедшим со мной в тяжкой борьбе, низкий поклон. Господи, дай победу Армии, спаси Россию».

23 марта Врангель отдает в Севастополе свой первый приказ в качестве Главкома за № 2900: «В глубоком сознании ответственности перед родиной я становлюсь во главе Вооруженных сил Юга России. Я сделаю все, чтобы вывести армию и флот с честью из создавшегося тяжелого положения. Призываю верных сынов Родины напрячь все

силы, помогая мне выполнить мой долг. Зная доблестные войска и флот, с которыми я делил победы и часы невзгод, я уверен, что армия грудью своей защитит подступы к Крыму, а флот надежно обеспечит побережье. В этом — залог нашего успеха. С верой в помощь Божью приступим к работе».

Состояние дел было аховое; к тому же бывшие союзники России по мировой войне начали один за другим предавать белых. День спустя в речи перед представителями духовенства и общественных деятелей на борту крейсера «Генерал Корнилов» Врангель изложил свою задачу еще более откровенно: «Вы знаете наше положение, знаете то тяжелое наследство, которое досталось мне, и слышали уже, вероятно, о том новом ударе, который нанесен нам нашими недавними союзниками. При этих условиях с моей стороны было бы бесчестно обещать вам победу. Я могу обещать лишь с честью вывести вас из тяжелого положения».

Врангель решительно восстановил внутренний порядок в частях, вернул к ним доверие населения. Удачными действиями на фронте, особенно полным разгромом красной конницы под командованием человека со знаковой фамилией Жлоба, очистил всю территорию Крыма и вышел на стратегический простор за пределы полуострова.

Но главным его успехом было никак не дававшееся Деникину обустройство тыла. Его метод метко, но не совсем точно назвали «левая политика правыми руками». И не вина Врангеля в том, что из-за внешних препятствий, в особенности предательского мира, заключенного новообразованной Польшей с большевиками, он не сумел довести своего дела до успешного завершения.

Но достаточно заметить, что врангелевский Крым был единственной в 1920 году страной Европы, вывозившей хлеб на продажу за границу (об этом с восхищением пишет В. В. Шульгин в своей книге «1920 год»).

Врангель достиг этого в предельно сжатые сроки толковыми мерами — урегулировав отношения с различными народностями и призвав на помощь ту общественность, которая желала действовать, а не болтать, врангелевское правительство за недели выработало новые правила земельных отношений между крестьянами и землевладельцами. В выпущенной в Константинополе книге «приказ Главнокомандующего Вооруженными силами на Юге России о земле от 25 мая 1920 года» помещено в качестве предисловия «Правительственное сообщение по земельному вопросу», гласящее: «Сущность земельной реформы, возвещенной в приказе Главнокомандующего о земле, — проста. Она может быть выражена в немногих словах: земля — трудящимся на ней хозяевам... Земли, хотя и без немедленного размежевания, передаются в вечную, наследственную собственность каждого хозяина. Такой порядок землепользования всего более обеспечит хорошее ведение хозяйства. Этим установляется коренное отличие ныне осуществляемой

земельной реформы от всяких опытов коммунистического характера, столь ненавистных русскому крестьянству».

Однако силы были слишком неравны. Брошенный всеми небольшой полуостров оказался одинок в противостоянии с охваченными марксистским чужебесием ордами и неминуемо должен был погибнуть. Белые воины насмерть стояли на укреплениях перешейка, отделявшего Крым от материка. Но Троцкий не жалел людей, заваливая трупами Перекоп, лишь бы сломить последний оплот свободной России. Потеряв в оборонительных боях половину действующих сил, Врангель встал перед выбором — погибнуть всем, включая гражданских беженцев, или спасти оставшихся, но оставить родину. Сознавая свою ответственность перед людьми и Богом, он издает 20 октября 1920 года приказ:

«Русские люди! Оставшаяся одна в борьбе с насильниками, Русская армия ведет неравный бой, защищая последний клочок Русской Земли, где существует право и правда. В сознании лежащей на мне ответственности, я обязан заблаговременно предвидеть все случайности.

По моему приказанию уже приступлено к эвакуации и посадке на суда в портах Крыма всех, кто разделял с армией ее крестный путь, семей военнослужащих, чинов гражданского ведомства с их семьями и отдельных лиц, которым могла бы грозить опасность в случае прихода врага.

Армия прикроет посадку, памятуя, что необходимые для ее эвакуации суда также стоят в полной готовности в портах, согласно установленному расписанию.

Для выполнения долга перед армией и населением сделано все, что в пределах сил человеческих.

Дальнейшие наши пути полны неизвестности. Другой земли, кроме Крыма, у нас нет. Нет и государственной казны. Открыто, как всегда, предупреждаю всех о том, что их ожидает.

Да ниспошлет Господь всем силы и разум пережить и одолеть русское лихолетье».

Эвакуацию Белой армии впоследствии изучали в военных академиях как образец проведения военной операции. Врангель сдержал слово и вывез всех, кто выразил о том желание, причем из иностранцев оказали помощь его армии только французы. Всего с 11 по 16 ноября по новому стилю к Царьграду прибыло и сосредоточилось в Босфоре 126 судов военного и торгового флота, имевших на борту около 150 тысяч человек, из числа которых было свыше 100 тысяч воинских чинов и пятьдесят — гражданского населения, включая свыше 20 тысяч женщин, около 7 тысяч детей и 6 тысяч больных и раненых. Немалое число колеблющихся осталось, поверив большевистским посулам амнистии, — эти сто с лишним тысяч, расстрелянных вскоре Розалией Землячкой и Бела Куном,

стоят в самом начале миллионных рядов «от большевиков умученных», кровь которых вопиет к небу.

...В Турции армия генерала Врангеля расположилась в лагерях Галлиполи (который русские быстро переиначили на свой лад в «Голое поле»), Чаталджи и Лемносе, флот был отведен в североафриканский порт Бизерту.

Солдаты и офицеры белого воинства тогда надеялись еще вернуться в свободную от коминтерновского захвата страну. Судьба уготовила им иное, не менее важное задание. Как пишет историк русского рассеяния М. Назаров: «Этим людям не было суждено увидеть Россию. Галлиполийское чудо, длившееся около года, было последним подвигом Белой армии. Но им предстояло оказать решающее влияние на становление русской политической эмиграции».

К 1922 году Врангель понял, что бывшие союзники России помощи последним ее воинам не дадут, и заявил: «Я ушел из Крыма с твердой надеждой, что не вынуждены будем протягивать руку за подаянием, а получим помощь от Франции как должное, за кровь, пролитую в войне, за нашу стойкость и верность общему делу спасения Европы. Правительство Франции, однако, приняло другое решение. Я не могу не считаться с этим и принимаю все меры, чтобы перевести наши войска в славянские земли, где они встретят братский прием».

В 1922 — 1923 годах Русская армия была переведена, в основном, в Югославию (чей монарх Александр I, 1888–1934, получил военное образование в Петербурге. Патриарх Варнава был воспитанником Санкт-Петербургской духовной академии) и Болгарию. Заслуги первой Врангель отмечал в беседе с корреспондентом «Нового времени» 1 февраля 1927 года: «...одно лишь королевство Сербов, Хорватов и Словенцев протянуло нам руку помощи. Все прочие великие державы, за общее дело с которыми Россия пролила потоки крови, поспешили одна за другой признать власть красных насильников». В последней русских воинов сперва очень жаловало левое правительство Стамболийского, но когда в 1923 году они помогли малочисленной болгарской армии справиться с коммунистическим мятежом, положение резко изменилось в лучшую сторону.

Военные структуры не были распущены: армия сохранилась в виде рассеянных по разным странам военизированных формирований РОВС (Русского Обще-Воинского Союза). Его члены шли на самые тяжелые работы — прокладку дорог, в рудники и шахты, после основного занятия, собираясь вечерами вновь по полкам и соединениям.

Такая постановка дела продиктована Врангелем в приказе № 1 от 14 января 1926 года:

«...Как в бою развертывается полк, разбивается на батальоны,

роты, взводы, звенья, принимает рассыпной бой, так Армия изгнанница из лагерей Галлиполи, Лемноса, Чаталджи разошлась по братским славянским странам, рассыпалась по горам Македонии, шахтам Болгарии, заводам Франции, Бельгии, Нового Света. Рассыпалась, но осталась Армией, — воинами, спаянными единой волей, связанными между собой и своими начальниками, одушевленными единым порывом, одной жертвенной готовностью. Среди тяжелых испытаний армия устояла. Не ослабла воля. Не угас огонь. Придет день, протрубит сбор, сомкнутся ряды, и вновь пойдем мы служить Родине. Бог не оставит нас, Россия не забудет».

В конце того же 1926 года генерал Врангель, устроив судьбу врученных его попечению белых воинов, решил переехать на жительство в Бельгию: Франция не устраивала его как страна, оказавшаяся неверной взятым на себя союзническим обязательствам; получать жалованье из оставшейся белой казны не позволяли честь и гордость.

11 октября 1926 года Врангель говорил в своей прощальной речи в зале русского офицерского собрания в Белграде о «подвиге русского изгнанника, который, потеряв Родину, достояние, лишенный правовой защиты, безмолвно несет свой крест, блюдет достоинство русского имени, непосильным трудом обеспечивает свою независимость. В Сербии, Болгарии, Франции, Бельгии, Германии, в Америке и на Дальнем Востоке — всюду, куда злая судьба забросила русских бездомников, они сумели заставить ценить русский труд, русские исключительные дарования. Во всех областях искусства, науки, прикладных знаний русский талант, русский гений, русская самобытность сумели завоевать к себе и в Старом, и в Новом Свете мировую известность. В исключительных условиях существования вне родины сохранилась Русская Церковь, кадры старой Российской Армии, русская школа, русская печать. И всюду, куда забросила судьба русского человека, он сумел создать уголок России».

В ноябре 1926 года генерал Врангель выехал в сопровождении своего личного секретаря Н. М. Котляревского в Бельгию.

В первый день последнего года своей земной жизни Врангель издал обычный новогодний приказ, отмечавший тягостный юбилей: «Ушел еще год. Десятый год русского лихолетия. Россию заменила Триэсерия. Нашей Родиной владеет интернационал. Но *национальная Россия жива*. Она не умрет, пока продолжается на русской земле борьба с поработителями Родины, пока сохраняется за рубежом готовая помочь в ее борьбе зарубежная Армия... Не обольщаясь привычными возможностями, но не смущаясь горькими испытаниями, помня, что побеждает лишь тот, кто умеет хотеть, дерзать и терпеть, будем выполнять свой долг».

8 марта 1928 года генерал простудился и слег в постель. Лечил его русский доктор немецкого происхождения Вейнерт.

Вызванный из Парижа профессор И. П. Алексинский вспоминал такие слова генерала: «Меня мучает мой мозг. Я не могу отдохнуть от навязчивых ярких мыслей, передо мной непрерывно развертываются картины Крыма, боев, эвакуации... Мозг против моего желания лихорадочно работает, голова все время занята расчетами, вычислениями, составлением диспозиций... Меня страшно утомляет эта работа мозга. Я не могу с этим бороться... Картины войны все время передо мной, и я пишу все время приказы... приказы, приказы!»

Однако на первый день православной Пасхи, пришедшейся тогда на 15 апреля, генерал почувствовал себя совершенно здоровым и заявил собравшимся домочадцам, что собирается вставать. Вдруг в полдень произошел сильнейший нервный припадок: от страшного внутреннего возбуждения он кричал минут сорок. Одновременно наступило резкое ослабление деятельности сердца.

Был вызван духовник прот. Василий Виноградов, которому после исповеди и причащения св. Тайн, Главнокомандующий Русской армией сказал:

«Я готов служить в освобожденной России хотя бы простым солдатом...»

25 апреля 1928 года в девять часов утра генерал тихо скончался. Последними его словами были: «Боже, спаси Армию!»

ИСТОРИЯ СЕМЬИ И АРХИВА

Фотографии, публикуемые в этом номере «Родины», принадлежат Марии Николаевне Апраксиной и Владимиру Николаевичу Котляревскому, живущим ныне в Брюсселе. М. Н. Апраксина, урожденная Котляревская, — дочь Николая Михайловича Котляревского, личного секретаря барона Врангеля, чьими стараниями и был сохранен для потомства огромный свод документов, принадлежащих последнему главнокомандующему Русской армией.

Семья Апраксиных-Котляревских насчитывает в своей истории множество славных российских фамилий: Кузьминых-Караваевых, Дурново, Барятинских, Стенбок-Ферморов, Родзянко, Мусиных-Пушкиных, Шереметевых, Воронцовых-Дашковых, Шуваловых. Через поныне здравствующую в Каннах княгиню Марию Илларионовну Романову, урожденную Воронцову-Дашкову, эта семья находится в родстве и с царствующим домом. Есть среди этих звучных имен и те, которые вошли в вечность через литературу: прапрапрадед Марии Николаевны — известный археолог граф Алексей Иванович Мусин-Пушкин (1744—1817), открывший рукопись «Слова о полку Игореве»; другой Котляревский — Иван

Петрович, сочинитель «Энеиды» и «Наталки Полтавки», почитается основателем малороссийской художественной словесности. Вот в таком именитом роду и появился на свет в 1890 году будущий статский советник и секретарь Главнокомандующего Русской армией Николай Михайлович Котляревский, потомственный дворянин Полтавской губернии.

Окончив юридический факультет Новороссийского университета, он с первых дней Великой войны находился на фронте в Красном Кресте. 20 июня 1916 года был отравлен немецкими газами, после чего лечился в Крыму и у себя дома — в родовом имении Вишняки в той же Полтавской губернии. Домашний покой довольно скоро оборвался: сначала его нарушили разложившиеся дезертиры, затем добавили большевики, ненадолго восстановили порядок немцы, затем стали наседать банды... Дедовское гнездо пришлось оставить навсегда.

С конца декабря 1919 года Николай Михайлович, сумевший невредимым пробраться в белый стан, работал у состоявшего тогда начальником Управления снабжения при Главнокомандующем Вооруженными силами на Юге России А. В. Кривошеина, который так отзывается о его качествах: «Хорошо знаю Н. М. Котляревского по совместной службе и могу горячо рекомендовать его как выдающегося работника и прекрасного человека». В апреле-мае 1920 года Н. М. Котляревский командируется лично Врангелем в Киль, Софию, Белград и Париж, а с 11 ноября назначается личным секретарем Главнокомандующего Русской армией, в каковой должности и остается до самой смерти генерала. Свои воспоминания о гражданской войне П. Н. Врангель успел издать еще при жизни — они вышли в 1926—1928 годах в V и VI томах сборника «Белое дело», переизданы в одной книге «Посевом» во Франкфурте-на-Майне в 1969 году.

В 1925 году Врангель решил судьбу первой половины своего архива, военной: она была передана в Гуверовскую военную библиотеку при Стэнфордском университете США (переименован в Гуверовский институт). Наряду с врангелевским, тут находятся архивы командования других белых фронтов, архив Великого князя Николая Николаевича, Российского императорского правительства, русских посольств. В 1926 году Врангель вступил с Гуверовской библиотекой в переговоры относительно передачи и второй, личной части архива, но он еще не был разобран, и генералу пришлось взять его с собой из Югославии в Брюссель. И лишь в 1929 году вдова барона заключила договор о передаче его в Стэнфорд.

Весь громадный труд по приведению 134 объемистых томов в порядок был завершен лично Николаем Михайловичем Котляревским всего за семь месяцев. Причем, как подчеркивалось 2 ноября 1919 года в эмигрантском «Новом времени»: «Вся эта трудная, кропотливая и ответственная работа была произведена

Н. М. Котляревским безвозмездно, во имя увековечения памяти покойного генерала».

Известный военный историк генерал Н. Н. Головин писал на имя председателей белградского и парижского комитетов по увековечению памяти генерала Врангеля: «Перед отправкой архива в Америку я подробно осмотрел его и был в полном смысле поражен тем порядком, в котором этот архив передается на хранение. По совести должен сказать, что ни один из тех довольно многочисленных и самых разнообразных архивов, которые мне пришлось видеть, не был в таком безупречном виде, как ныне отправляемый в Америку личный архив покойного генерала Врангеля. Все дела этого архива переплетены так, что, в сущности говоря, перед глазами имеешь уже не архив, а настоящую библиотеку».

У М. Н. Апраксиной сохранился и подробнейший перечень всех 134 томов собрания с кратким содержанием каждого — личный экземпляр составителя, датированный 4 апреля 1929 года. Врангелевский архив передавался для хранения на пятьдесят лет, по истечении которых все не истребованные материалы перешли в полную собственность Гуверовского института.

Себе вдова Врангеля оставила немногое — личные письма, посвященные мужу стихи. После ее кончины остатками архива владеют здравствующие дети барона — Петр, Алексей, Елена и Наталия. Собственный же архив секретаря Главнокомандующего хранится у его детей — Марии Николаевны и Владимира Николаевича в Брюсселе. Крестным отцом Владимира Николаевича был сам Врангель, крестной матерью Марии Николаевны — великая княгиня Ксения Александровна, родная сестра Николая II, а воспреемницей — жена генерала Ольга Михайловна Врангель. Эта гостеприимная семья и делится теперь щедро своими архивными собраниями с соотечественниками.

ВИКТОР БОРТНЕВСКИЙ

Генерал П. Н. Врангель на чужбине: загадка смерти Белого вождя

25 апреля 1928 г. в 9 часов утра в Брюсселе скончался генерал-лейтенант барон П. Н. Врангель, Главнокомандующий Русской Армией и Председатель Русского Обще-Воинского Союза (РОВС). Болезнь была тяжелой, но весьма скоротечной. Как вспоминала мать генерала, баронесса

М. Д. Врангель, это были «тридцать восемь суток сплошного мученичества!... Его силы пожирала 40-градусная температура. [...] Он метался, отдавал приказания, порывался вставать. Призывал секретаря, делал распоряжения до мельчайших подробностей». *

Многое казалось странным в этой неожиданной болезни, скосившей полного сил и здоровья 49-летнего человека. Уже 26 апреля (на следующий день после кончины!) парижская газета «Echo de Paris» сообщала, что в Брюсселе «циркулируют весьма упорные слухи о том, что генерал Врангель был отравлен, что якобы он «еще недавно говорил одному из своих друзей, что ему следовало бы предпринять крайние меры предосторожности в отношении своего питания, так как он опасается отравления».

Впрочем, никаких документальных свидетельств на этот счет представлено тогда никем не было. Как известно, лечил Врангеля русский врач Вейнерт, несколько раз приглашались авторитетные бельгийские специалисты.

Трижды приезжал из Парижа и давний соратник по антибольшевистской борьбе профессор медицины Иван Павлович Алексинский. По его мнению, «несомненно, сделано было все возможное», но у генерала «была какая-то тяжелая инфекция (грипп?), пробудившая скрытый туберкулез в верхушке левого легкого». **

Однако члены семьи генерала Врангеля всегда были убеждены в том, что «интенсивный туберкулез» был на самом деле вызван искусственным путем, явился результатом проведенной большевистскими спецслужбами диверсии. В 1991-1992 гг. в российской печати появились мнения на этот счет детей Белого вождя Елены Петровны фон Мейндорф и Петра Петровича Врангеля. Последний выступал также в октябре 1992 г. в программе Российского телевидения «О "черном бароне" замолвите слово...», подготовленной при участии автора этих строк.

По семейной версии, причиной всему было то, что накануне болезни в доме Врангелей провел несколько дней неизвестный им ранее человек, якобы брат состоявшего при генерале вестового Якова Юдихина. Этот «брат» (о наличии коего солдат ранее никогда не говорил) был матросом советского торгового судна, стоявшего в Антверпене.

Ни публикации в прессе, ни телевизионная программа не вызвали никакого ответа со стороны нынешних преемников большевистских спецслужб, которые к этому времени уже подтвердили свою причастность к многим загадочным преступлениям нашего века, включая сенсационные похищения и ликвидацию в 1930-м и 1937 гг. преемников Врангеля по руководству генералов РОВСа А. П. Кутепова и Е. К. Миллера.

Никакой информации не поступило и на посланный П. П. Врангелем официальный запрос в Москву...

* Возрождение (Париж). 1928. 12 мая.

** «Новое Время» (Белград), 1928, 16 мая.

Около двух лет назад я ознакомился с документами архива генерал-лейтенанта И. Г. Барбовича, полученными от его родственников, проживающих в штате Вирджиния. Они включали и секретные письма генерала Врангеля 1925—1927 гг. Много работал я с документами коллекции РОВСа Архива Свято-Троицкого монастыря в Джорданвилле, а также различных коллекций Архива Гуверовского института. Эти материалы свидетельствовали о постепенном, но неуклонном отстранении генерала Врангеля (в последние три-четыре года его жизни) от руководящих позиций в Русском зарубежье, ослаблении его влияния на эмигрантские политические организации, воинские группы и союзы — прежде всего вследствие сложных отношений с Великим князем Николаем Николаевичем и особенно с его окружением.***

В этой связи я не мог не задавать себе вопроса: зачем же в таком случае большевикам было «ликвидировать» генерала Врангеля? Ведь они всегда так стремились разжигать противоречия и провоцировать конфликты в эмигрантской среде.

Казалось бы, наоборот — они заинтересованы были в ослаблении обеих сторон, а вовсе не в окончательной победе одной из них.

Будучи интуитивно убежденным в том, что смерть генерала Врангеля вовсе не была естественной, я тем не менее не мог найти ей рационального объяснения, исходя из моего знания истории русской эмиграции и деятельности советской агентуры по ее разложению.

И только в текущем году, после напряженной работы с документами Архива Гуверовского института, также с некоторыми материалами личных архивов, в том числе наследников генерала Врангеля, передо мной, как я полагаю, предстала подлинная картина имевших место событий.

Избранная мною тема ранее находилась, по разным причинам, вне сферы внимания исследователей. Советские публикации были, как правило, безлики и сверхидеологизированы, сфокусированы, главным образом, на антибольшевизме — то есть на общей цели различных эмигрантских организаций, оставляя в тени расхождения в формах, методах и стиле борьбы, не говоря уже о личных характеристиках политических и военных лидеров. Эпоха «гласности» способствовала изучению эмигрантской тематики, но пока лишь на информативном, а не исследовательском уровне: эмоциональные мотивы и фактология явно преобладают над аналитикой.

Эмигрантские авторы, особенно в последние несколько десятилетий, также предпочитали акцентировать внимание не на разногласиях в рядах противников большевизма, а, что вполне объяснимо, хотели оставить в памяти новых поколений красочные портреты Белых вождей и их сподвижников. Портреты эти, правда, при этом не могли не терять многих ярких индивидуальных характеристик.

*** См.: «Ставя Родину выше лиц...» из архива генерала И. Г. Барбовича (Вводная статья, подготовка текста и комментарии В. Г. Бортневского), «Русское прошлое», кн. 5. СПб., 1994, с. 112—147.

В результате оставался в стороне главный, пожалуй, вопрос: почему «белая эмиграция» повторила судьбу Белого движения, не смогла объединить свои силы и стать реальной альтернативой большевистскому режиму? По многим причинам, несмотря на обилие публикаций, до сих пор не имеется адекватного представления о масштабах, формах и методах работы советской агентуры по разложению русской эмиграции.

В ходе моей работы мне пока не удалось обнаружить ни истинных медицинских причин смертельной болезни Главнокомандующего, ни отчета убийцы о проделанной работе, ни материалов о его награждении... Однако по множеству разнообразных, в большинстве своем уникальных документов удалось проследить истинную, а не приукрашенную, историю борьбы генерала Врангеля на чужбине за Россию, за Русскую Армию, за сплочение национальной русской эмиграции, борьбы, которая в конце концов и привела его к преждевременной трагической и неестественной кончине. Мне стало известно, кто помогал и кто мешал Врангелю в его героической деятельности, кто составлял его негласное окружение, какие меры предпринимались этими людьми для противодействия гибельной работе многих других, ведшейся по незнанию, неведению, а то и по злому умыслу. Представляю основные результаты моего исследования, которое сейчас готовится к публикации.****

Борьба за руководство русской эмиграцией 1920-х годов была в значительной степени развитием противоречий и развертыванием конфликтов, имевших место еще в антибольшевистской борьбе периода гражданской войны. На нее существенным образом повлияли личные качества, мировоззрение и политическая линия генералов Врангеля, Деникина, Краснова, Лукомского, Шатилова, Кутепова, Миллера, Хольмсена, Барбовича, Авалова-Бермонта, Великих князей Николая Николаевича и Кирилла Владимировича и др.

В начале 1920-х гг. генерал Врангель, уделяя первостепенное внимание сохранению Армии, единственной реальной русской национальной силы зарубежья, считал необходимым отстаивать принцип непредрешения будущего политического строя России до победы над большевиками. Задача объединения вокруг Армии широких политических сил осложнялась как территориальным ее отрывом от главных эмигрантских политических центров, так и нападками слева (требованиями роспуска Армии, переведения ее чинов на беженское положение) и справа (требованиями открытого принятия монархических лозунгов).

**** При подготовке работы были использованы материалы коллекций П. Н. Врангеля, М. Д. Врангель, семьи Врангелей, Е. К. Миллера, А. С. Лукомского, П. А. Кусонского, А. А. фон Лампе, В. А. Маклакова, П. Б. Струве (Архив Гуверовского института), коллекции Русского Обще-Воинского Союза (Архив Свято-Троицкого монастыря Русской Православной Церкви Заграницей, Джорданвилл, штат Нью-Йорк).

Весной 1922 г. Врангель, будучи сам по убеждениям монархистом, сделал ставку на непредрешенческое объединение центристского характера (на базе Русского Национального Комитета в Париже), не уделив должного внимания попыткам сближения с некоторыми поддерживающими Армию монархическими группами и отдельными лицами (в частности, с А. С. Лукомским и П. Н. Красновым). Он недооценил наметившуюся тенденцию к организационному распаду и падению влияния левых и праволиберальных политических группировок в противовес набиравшему силу монархическому движению. В результате, последнее развивалось в дальнейшем «вопреки», а то и «в противовес» позиции Главнокомандующего, который вынужденно оказывался, таким образом, «в хвосте» важнейших событий.

Лишь после того как Великий князь Кирилл Владимирович объявил себя Блюстителем Престола, Врангелем были поддержаны шаги по созданию политического объединения несоциалистических партий и групп вокруг Великого князя Николая Николаевича. Однако трудноразрешимые межпартийные противоречия, интриги, уклонение Великого князя от открытого выявления своей политической позиции (при нескрываемом покровительстве крайне правых) — все это пагубно влияло на Армию и вынудило генерала Врангеля издать 8 сентября 1923 г. приказ № 82 о запрещении армейским чинам входить в какие-либо политические организации и объединения.

Осенью 1923 г. в кругу людей, близких Врангелю, появляется подготовленный А. И. Гучковым проект создания секретной организации для антибольшевистской работы в России — организации, основанной на личной близости и идейном родстве, независимой от существовавших (как в то время, так и ранее) политических группировок, правительственных учреждений и специальных служб. Не желая, однако, вставать на путь интриг и раскола, Главнокомандующий отверг этот проект и принял решение о передаче своим штабом всей политической разведывательно-информационной работы в ведение Великого князя Николая Николаевича, оставив себе лишь заботы о жизни и быте русского зарубежного воинства. В распоряжение Великого князя для руководства «секретной работой в России» были вскоре переведены генералы А. П. Кутепов и Н. А. Монкевиц. Практически с самого своего начала эта работа оказалась вовлеченной в крупномасштабную чекистскую провокацию — так называемую Монархическую организацию Центральной России (или «Трест»).

Образование Русского Обще-Воинского Союза (РОВС) явилось результатом длительной предварительной подготовки. Решение это само по себе не только не свидетельствовало о какой-либо координации сил, но, по сути дела, являлось отчаянной попыткой Главнокомандующего убедить Великого князя Николая Николаевича в необходимости открыто взять под свое руководство антибольшевистскую борьбу с опорой на эвакуированные из России воинские контингенты, находящиеся под началом генерала Врангеля.

Принятие 16 ноября 1924 г. Великим князем Николаем Николаевичем

«руководства через Главнокомандующего как Армией, так и всеми военными организациями», было вызвано прежде всего нежеланием вести вместе с генералом Врангелем общую борьбу против большевиков, необходимостью противодействовать Великому князю Кириллу Владимировичу, объявившему себя «Императором Всероссийским». Положение Врангеля стало в этой связи еще более неопределенным, поскольку Великий князь и его окружение, подстрекаемые советской агентурой, не желали отводить Главнокомандующему и эвакуированной им Армии какого-либо достойного места в борьбе за будущую Россию. Они предпринимали меры по прекращению финансирования Армии, политической изоляции генерала Врангеля, затруднению его связи с воинскими организациями.

Следует отметить уникальную прозорливость П. Н. Врангеля по отношению к действиям советской агентуры в эмиграции, ее роли в движении «евразийцев», «младороссов», «Братстве Русской Правды», в окружении генерала Кутепова и Великих князей. Не находя для себя возможным встать в открытую оппозицию Великому князю и проводимой его именем гибельной для русского дела и основанной на чекистской провокации «работе в России», генерал Врангель, продолжая неустанно заботиться о жизни и быте зарубежного воинства, в то же время не мог не пойти из патриотических побуждений на подготовку ведения самостоятельной секретной работы.

С конца 1925 — начала 1926 гг. особую роль в жизни Белого вождя начинает играть небольшая группа идейно близких и заслуживающих абсолютного доверия людей, в которую входили его ближайший личный друг и соратник генерал П. Н. Шатилов, глубоко уважаемые Врангелем начальник II отдела РОВС генерал А. А. фон Лампе, известный политический деятель Гучков, профессор-философ И. А. Ильин, капитан А. П. Полунин, оправданный в 1923 г. Лозаннским судом присяжных по делу об убийстве Воровского. Переезд во второй половине 1926 г. из Сремских Карловцев в Брюссель, передача всех штабных функций Управлению Начальника I отдела РОВС — все это, вызывая радость противников слева и справа, служило видимым доказательством ухода генерала Врангеля в частную жизнь...

На самом же деле им и его соратниками ведется большая подготовительная работа по налаживанию контактов с политическими, финансовыми и государственными деятелями различных стран, прежде всего Германии, Англии, США. Предпринимаются меры по созданию секретной организации для работы в Советской России — организации, не имевшей никаких связей с предшествовавшими или существующими разведывательными учреждениями и построенной на принципах строжайшей конспирации. При этом, сотрудничая с дружественными правительствами, члены организации не должны были «ни при каких обстоятельствах содействовать разведке в приграничных с Россией государствах». Предполагалось сделать редакцию альманаха «Белое дело» во главе с А. А. фон Лампе легальным прикрытием этой секретной

организации, создать 5 приграничных ячеек, 9 головных и 15 промежуточных пунктов для связи с 6 крупными центрами СССР. Категорически отвергалось использование в работе двойных агентов и разного рода «подозрительных элементов».

Трудно предположить, что такое постепенное возрождение генерала Врангеля как крупного политического деятеля, потенциального вождя национальной освободительной борьбы проходило незаметно от большевистских руководителей и особенно от их секретных служб, широко развернувших свою деятельность в русской эмиграции. Выдвижение энергичного, решительного, физически крепкого и моложавого генерала было особенно ощутимо на фоне постоянных сообщений о критическом состоянии здоровья Великого князя Николая Николаевича (так и не назначившего себе преемника) и значительном падении авторитета генерала Кутепова после скандальных разоблачений провокаций чекистского «Треста», на связях с коим и была в значительной степени основана деятельность кутеповской организации.

«Иностранный отдел ГПУ оплачивался в значительной мере средствами, передававшимися советским Азефам самим генералом Кутеповым, — писал по этому поводу генерал Врангель И. Г. Барбовичу. — Таким образом, те жалкие гроши, которые несли русские беженцы на национальную работу, шли, по существу, на содержание этого органа наших врагов, который эту работу разрушал».*****

По всей видимости, чекистам не удалось добиться удовлетворительного «информативного освещения» конспиративной деятельности самого Врангеля и узкого круга его ближайших соратников, не удалось ввести в этот круг своего агента-провокатора. Не исключено, что большевики просто все это «проморгали», уделяя первостепенное внимание кутеповской организации, а также окружению Великих князей Николая Николаевича и Кирилла Владимировича. Когда же им стала поступать информация из косвенных источников, то на кропотливую работу по вербовке и внедрению времени уже не оставалось. В таких случаях для чекистов единственно надежным выходом из положения является «ликвидация объекта»...

Разумеется, окончательно все точки над «і» может поставить только рассекречивание соответствующих чекистских «разработок» на генерала Врангеля и его ближайших сподвижников. Судя по всему, это не под силу «обыкновенным» исследователям и может быть осуществлено только по инициативе нынешних наследников ВЧК-ОГПУ-НКВД-МВД-КГБ, как это было ими не так давно сделано в отношении обстоятельств «таинственных исчезновений» белых генералов Кутепова и Миллера — преемников Петра Николаевича Врангеля во главе Русского Обще-Воинского Союза.

***** «Ставя Родину выше лиц...», с. 128.

А. КРУЧИНИН

«ПРОЯВЛЯЯ ВО ВСЕМ И ВСЮДУ ДОБЛЕСТЬ РУССКОГО ОФИЦЕРА»

Эпизод из боев Белой армии под Царицыном

Взятие «Красного Вердена» – Царицынской укрепленной позиции – стало одним из ярких успехов вооруженных сил юга России в начале лета 1919 года. Решающую роль в прорыве обороны советской 10-й армии 16 июня[1] сыграла недавно сформированная 7-я пехотная дивизия (временно командующий – полковник П. П. Непенин), наступавшая непосредственно за взломавшими первую линию большевистских укреплений танками. 7-я дивизия, бывшая Отдельная Одесская бригада Добровольческой армии, после сдачи Одессы эвакуированная в Румынию и вернувшаяся оттуда лишь в конце апреля, за месяц с небольшим переформирования не могла, конечно, полностью восстановиться как боевое соединение и была брошена в бой только по настоятельным требованиям командующего Кавказской армией (бравшей Царицын), генерал-лейтенанта барона П. Н. Врангеля.[2] 9 июня первые эшелоны дивизии начали прибывать в Кавказскую армию, а буквально через неделю два ее полка (стрелковый и пехотный полк 15-й дивизии; 42-й пехотный Якутский полк находился в «отделе»: по одному свидетельству, его кадры остались на формировании в Таганроге,[3] по другому – полк все-таки успел под Царицын, но был отвлечен на атаку станции Воропаново[4] уже громили врага, восполняя свою малочисленность доблестью и отвагой. Один из эпизодов боя 16 июня и описывается в документе, препровожденном начальником команды разведчиков стрелкового полка (кадровой части прославленной 4-й стрелковой «Железной» дивизии) командиру полка при рапорте от 24 июня 1919 года за № 88.[5]

ПОДВИГ ПОДПОРУЧИКА ПАВЛА МАРУСИНА в бою 16 июня 1919 г.

Подпоручик Марусин, получив лично приказание от начальника дивизии полковника Непенина[6] с 12 человеками разведчиков и 20 спешенными казаками занять и охранять левый фланг нашей дивизии, блестяще выполнил возложенную на него боевую задачу. Ни сильнейший огонь бронепоезда,[7] ни превосходство сил противника, – ничто не могло смутить подпоручика Марусина. Проявляя во всем и всюду доблесть русского офицера, находясь

впереди, он близко придвинулся со своим отрядом к окопам противника и установил тщательное наблюдение за большевиками. Как только было замечено, что противник предпринимает обход нашего левого фланга и выдвигает вперед пулеметы с целью поражать наших фланговым огнем, подпоручик Марусин стал в полный рост и, ободряя свой маленький отряд, открыл по пулеметам залповый огонь. Завязалась сильная перестрелка, во время которой подпоручик Марусин был ранен ружейной пулей в ногу. Не желая смущать двух своих подчиненных, он тихонько сделал себе перевязку и, оставаясь в строю, продолжал руководить боем. Противник смолк. Подпоручик Марусин отправился на перевязочный пункт, но от эвакуации отказался, а возвратился во вверенную мне команду и снова горит желанием поработать на благо родины.

Считая подвиг подпоручика Марусина безусловно геройским, прошу Вашего ходатайства о предоставлении его к чину поручика со старшинством с 16 июня 1919 года, т. е. со дня совершения подвига.

Начальник команды разведчиков
капитан (подпись неразборчива. – *А. К.*)[8]

У 26-летнего подпоручика Павла Андреевича Марусина, младшего офицера команды разведчиков стрелкового полка, за спиной была вся великая война, на которую он пошел в августе 1914-го вольноопределяющимся-добровольцем, не закончив обучения в Киевском землемерном Таксановском училище. Почти через год он был командирован в Ораниенбаумскую школу прапорщиков и окончил ее в январе 1916 года. Дальнейшая его боевая служба проходила в 222 пехотном Краснинском полку, начальником 1-й пулеметной команды которого он, уже в чине подпоручика (произведен 20 мая 1917-го, со старшинством с 20 января того же года), был на момент демобилизации полка – 10 декабря 1917 года. 25 февраля 1919 года подпоручик Марусин, будучи в Одессе, поступил в Отдельную бригаду Добровольческой армии, и со следующего месяца принимал участие в боях против петлюровцев и большевиков. [9] 19 сентября 1916 года он был тяжело контужен в голову, а первое ранение – уже от русской пули – нашло его в пыльной степи под Царицыном...

Совершенный подпоручиком Марусиным подвиг на «нормальной» войне с «внешним врагом» мог быть, пожалуй, отмечен орденом Св. Георгия или, по меньшей мере, Георгиевским оружием. «Отличный воинский подвиг, увенчанный полным успехом и доставивший явную пользу» (статья 7 Орденского Статута),[10] вполне соответствовал требованиям Статута, относящего к достойным, например, того, «кто, лично предводительствуя войсками какого-нибудь отряда или частью боевого порядка, находясь под сильным и действительным огнем и при сильном натиске или сопротивлении противника, настолько очевидно

способствует своими действиями победоносному успеху всего отряда, что без оных невозможен был бы упомянутый успех» (статья 8, пункт 2), [11] или, «командуя разведчиками, охотниками или небольшою частью, блестящими действиями окажет незаменимое содействие успеху части, при коей команда разведчиков состоит постоянно или временно» (статья 112, пункт 7: часть III Статута – «О Георгиевском оружии»).[12] Дополнительным фактором было и ранение подпоручика Марусина, хотя само по себе и не являвшееся поводом для награждения («ни высокий род, ни прежние заслуги, ни полученные в сражениях раны не приемлются в уважение при удостоении к ордену Св. Георгия» – статья 7),[13] однако замечательное по своим обстоятельствам. Принципиальный отказ командования вооруженных сил юга России во главе с генерал-лейтенантом А. И. Деникиным от восстановления награждений императорскими орденами в Гражданской войне оставлял единственной возможностью для поощрения героев производство в следующий чин, чего и испрашивал непосредственный начальник подпоручика Марусина для своего подчиненного.

Впрочем, у нас нет сведений даже о том, было ли удовлетворено это ходатайство: летом 1919 года, в дни непрерывных успехов белых войск на юге России, на общем победном фоне подвиг подпоручика Марусина вполне мог затеряться, отнюдь не выделяясь как что-либо необыкновенное. Не случайно же и сам этот образ – офицера Добровольческой армии, вставшего в полный рост под пулеметным огнем – вошел в историю как типичная, повседневная картина той героической борьбы за возрождение России.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Даты указаны по старому стилю.

2. См. об этом: Деникин. А. И. Очерки Русской Смуты. – Т. V. Вооруженные силы юга России. – [Берлин]: Книгоиздательство «Медный всадник», [1926]. Стр. 11.

3. Чернопысский. 42-й пехотный Якутский полк в Гражданской войне // Военная быль. Издание Общекадетского объединения, № 126, Париж, январь 1974. Стр. 43.

4. Месснер Е. Э. В «иррегулярной» войне // Первопроходник. Летопись Белой Борьбы, № 15, Лос-Анджелес: издание Объединения первопроходников, октябрь 1973. Стр. 58.

5. См.: Российский государственный военный архив (РГВА), ф. 40215, оп. 2, д. 43, л. 49.

6. Начдивом 7 был (с 13 июня) генерал-лейтенант Н. Э. Бредов, остававшийся в Ростове-на-Дону. Как уже упоминалось, полковник П. П. Непенин исправлял эту должность временно, будучи командиром стрелкового полка (или Сводного полка 4-й стрелковой дивизии), хотя официально приказ о его назначении был издан

только 18 июня. С 27 июня Непенин совмещал с командованием полком должность командира бригады 7-й пехотной дивизии.

7. При взятии Царицына были захвачены два красных бронепоезда – «Ленин» и «Троцкий» (см.: Врангель П. Н. Записки (ноябрь 1916 г. – ноябрь 1920 г.) // Белое дело. Летопись Белой Борьбы / Под редакцией А. А. фон-Лампе. [Кн.] V. [Берлин]: Книгоиздательство «Медный всадник», [1928]. Стр. 159).

8. РГВА, ф. 40215, оп. 2, д. 43, л. 50 и об.

9. Там же, л. 48 и об. (Краткая записка о службе подпоручика П. А. Марусина.)

10. Статут Императорского военного ордена Святого Великомученика и Победоносца Георгия, принадлежащего к сему ордену Георгиевского креста и причисляемых к тому же ордену Георгиевского оружия и Георгиевской медали. – Изда. 2-е, доп. по 1 марта 1914 г. СПб.: издание В. А. Березовского, 1914. Стр. 11.

11. Там же. Стр. 13.

12. Там же. Стр. 70.

13. Там же. Стр. 11.

НЕИЗВЕСТНЫЙ АВТОГРАФ В. В. ШУЛЬГИНА

Имя Василия Витальевича Шульгина (1878–1976) неотъемлемо вошло в российскую историю XX столетия, вне зависимости от отношения к нему сторонников тех или иных политических партий и движений. Многочисленные труды В. В. Шульгина, которые раньше не всегда можно было найти даже в спецхранах, теперь свободно издаются на родине массовым тиражом.

Тем не менее, многое в жизни и судьбе этого незаурядного человека до сих пор неясно, загадочно и окружено покровом тайны. В частности – его поистине титанический труд по созданию секретной разведывательно-осведомительной организации «Азбука», поставлявшей во время Гражданской войны уникальную информацию вождям Белого движения.

Работая над историей «Азбуки», которая в качестве одной из глав войдет в мою будущую книгу, я обнаружил среди множества служебных записок и отчетов впечатляющий личностный документ: письмо В. В. Шульгина от 6 (19) января 1919 г. своему соратнику по «Азбуке», известному политическому деятелю В. А. Степанову. В этом письме рассказывается о гибели старшего сына В. В. Шульгина,

Василия, который в составе студенческой добровольческой дружины после бегства гетмана Украины П. П. Скоропадского защищал Киев от наступавших на город петлюровских войск.

Документ публикуется полностью, старая орфография и пунктуация заменены на современные. Публикация осуществлена с согласия администрации Архива Гуверовского института войны, революции и мира (Стэнфорд, Калифорния, США).

«В дополнение к информационной странице позвольте послать Вам сердечный привет и поблагодарить Вас за письмо из Крыма. С тех пор как мы с Вами расстались, я потерял еще сына. Утешение мне то, что он умер смертью честного, чистого мальчика, у которого слово не расходится с делом.

Их было там на Святошинском шоссе 25 юношей. Их начальник уехал в город и не вернулся, поручив им защищать шоссе. Утром 1/14 декабря Киев был сдан. Соседние части стали отходить. Товарищ из соседней дружины подошел к Васильку и сказал: «Мы уходим, уходите и вы». Он ответил: «Мы не можем уйти, мы не получили приказания. Зайдите к моей матери...» Это были последние слова от него. Они остались...

Крестьяне видели, как, втащив на дерево пулемет, они крутили его до последнего патрона. Потом отстреливались из винтовок. Никто не ушел. Все до единого умерли, исполняя приказание. Когда-то, может быть, Россия вспомнит этих бедных детей, которые умирали, пока взрослые предавали.

Мать откопала тело его из общей могилы-ямы. Лицо было спокойно и прекрасно, пуля попала прямо в сердце, и, должно быть, смерть была быстрая. Почти накануне, после трех недель на позициях, он пришел домой на один день. Хотели его удержать еще на один день. Он ответил: «В такой семье не может быть дезертиров».

А кто вынул его тело из груды других, кто, рискуя жизнью (их едва не расстреляли), откопал его из общей ямы? Четверо волынских крестьян из нашей деревни, которые знали его с детства, и ведь любили «помещика». Вот судьба. Я работаю до изнеможения. Тем скорее пройдет время до могилы.

Весь Ваш В. Шульгин».

Публикацию подготовил Виктор Бортневский
СПб университет, Россия — Йельский университет, США

ВЛАДИМИР БУТКОВ

К 300-ЛЕТИЮ ОСНОВАНИЯ РОССИЙСКОГО ФЛОТА

Краткая история Морского корпуса в Петербурге . Участие гардемарин и кадет корпуса в Белом движении

В предлагаемом вниманию читателей-кадет, суворовцев и нахимовцев в сегодняшней России исторический фрагмент Морского корпуса в Петербурге и других городах автор счел своим долгом описать доблесть и служение Великой России гардемарин и кадет морских корпусов Петербурга и других городов, самоотверженно боровшихся против коммуно-большевизма и советской власти за освобождение России от коммунистического рабства и восстановление исторической традиции – *верного и нелицеприятного служения идее российского христолюбивого воинства в рядах Российского Императорского флота.*

Предлагаемые сведения являются уникальными, их теперь почти невозможно найти. А они нужны, чтобы новое поколение морских кадет и офицеров могло бы ознакомиться с тем, что замалчивается и в печати, и в жизни сегодняшнего российского возрождения.

Автор сочтет свой долг исполненным, когда эти строки будут напечатаны в «Кадетской перекличке» и дойдут до нового поколения морских кадет России и их командиров, офицеров нового Российского флота.

Наш труд – дань священной памяти героев-патриотов России. Поэтому мы не только называем их имена, но и даем краткое описание их подвигов во имя Национальной Великой и Неделимой России.

Многовековая блестящая и героическая история создания и развития Морского корпуса Петром Великим уже описана в многочисленных источниках, посвященных истории Российского флота. Мы остановимся лишь на последнем отрезке истории существования Морского корпуса и других морских корпусов России. Да будет память героев – морских кадет священной и дай Бог донести эту память в новую Россию, ибо это долг русских патриотов-националистов!

С революцией погиб Российский флот: исчезла дисциплина, разложились команды кораблей. Чувство патриотизма и долга заставило множество русских офицеров испить чашу тяжких

страданий – тысячи их были зверски убиты. И в это жуткое для флота время немцы, подтянув все свои силы, после взятия островов Эзель и Даго в бухте Тагалахта, готовили операцию по прорыву главной русской позиции. И за несколько часов до начала, в последний момент немцы отменили эту операцию. Даже к еле дышащему льву они не решились подойти близко, опасаясь, что в последних конвульсиях этот лев заставит их дорого заплатить за нападение. *Это был лавровый венок, положенный врагом на могилу Балтийского флота!*

28 февраля 1917 года последний директор Морского корпуса вице-адмирал Карцев, после того, как корпус отразил нападения революционной толпы, был отвезен в Государственную Думу. Заменявший его генерал-лейтенант Бриггер распустил воспитанников по домам, и на этом нормальная деятельность и жизнь Морского корпуса была закончена. Русская монархия рухнула, император отрекся от престола.

В мае 1917 года 147 старших гардемаринов, вернувшиеся в корпус стараниями генерал-лейтенанта Бриггера, были произведены в мичманы. Ввиду отмены плавания в этом году, гардемарины и кадеты старших классов по их желанию были распределены на суда Балтийского и Черноморского флотов. Большинство кадет плавали на миноносцах и быстроходных катерах в Балтийском море, все они старались попасть в самые опасные места и принять участие в боевых операциях. 30 молодых патриотов среди них были награждены Георгиевскими крестами. Некоторые погибли или были тяжело ранены.

После большевистского переворота, вскоре после Рождества регулярные занятия были прекращены. Декретом Совета народных комиссаров от 29 февраля 1918 года было объявлено, что Российский флот распускается и организуется «социалистический рабоче-крестьянский флот» на вольнонаемных началах. 24 февраля (9 марта) 1918 года приказом военно-морского комиссара Л. Троцкого Морское училище было распущено. Последние 208 выпускников получили свидетельства об окончании училища и звание «военных моряков». Одновременно старшим кадетам были выданы аттестаты об окончании курса соответствующего общего класса.

И флот, и Морской корпус возродились в Белых армиях. В начале ноября 1917 года гардемарины и кадеты из Петербурга, при помощи секретной офицерской организации при Союзе казачьих войск, пятерками стали пробиваться в Новочеркасск. Здесь собирались юнкера и кадеты всех военных училищ и корпусов Российской империи. У казармы, где все они собирались, к стоящему на посту кадету Морского училища подошел старичок в штатском и отрекомендовался: «Алексеев». Это был никто иной, как бывший главнокомандующий Русской армией при Керенском, генерал-от-инфантерии Михаил В. Алексеев, ставший мозгом русских вооруженных сил юга России. Добровольческая армия стала

официально существовать с 2 ноября 1917 года. Классный наставник Морского училища капитан В. Д. Парфенов направлял прибывающих в лазарет на Барачной улице, № 36, где под его командованием формировалась воинская часть возрождающейся Русской армии – юнкерский батальон, состоявший из двух рот с командирами ротмистром Скосырским и штабс-капитаном лейб-гвардии Волынского полка Мизерницким. Последний взвод роты был укомплектован исключительно моряками. Командиром взвода был поручик Зотов. 27 ноября батальон вышел на позиции и блестяще провел свой первый бой у Нахичевани. Начинался долгий крестный путь добровольцев со славным «Ледяным походом» генерала Корнилова.

Походом... В конце ноября генерал Алексеев поручил капитану 2-го ранга В. Н. Потемкину сформировать морскую пехоту, в которую вошли офицеры и кадеты-моряки, воспитанники Ростовского мореходного училища. Сначала в роте было 76 человек, потом состав увеличился почти до 150 человек.

30 января 1918 года морская рота вышла на защиту Батайска против многочисленного отряда Сорокина, поддерживаемого бронепоездами. В этом бою рота потеряла половину своего состава, был убит лейтенант Энвальд и тяжело ранен командир – капитан Потемкин (он потерял и глаз). В командование ротой вступил старший лейтенант Б. Я. Ильвов. Рота отступила на северный берег Дона. В течение 10 дней февраля моряки участвовали в упорных боях под Таганрогом и Матвеевым курганом. Теснимые многочисленным противником добровольцы в количестве 3000 человек вынуждены были уходить в степи. Так начался легендарный 1-й Кубанский поход Добровольческой армии. Остатки морской роты влились в Офицерский полк. Половина состава роты погибла в Кубанском походе.

20 октября 1919 года в Севастополе возобновилась деятельность Морского корпуса. Тогда же Верховный правитель России адмирал Колчак направил всех воспитанников Морского корпуса, гардемаринов всех морских училищ и юнкеров флота на Дальний Восток, где открылось Морское училище. Директором училища был назначен капитан 1-го ранга М. А. Китицын, герой-подводник, прославившийся своими дерзкими походами и атаками на немецкие корабли.

Одновременно на севере капитан 1-го ранга А. Д. Кира-Динжан возобновляет учение гардемарин и кадет, прерванное революцией. Он представил генералу Е. К. Миллеру список для производства в мичманы окончивших курс. В Севастопольском училище была неразбериха: туда стали принимать помимо старых морских кадет и гардемаринов «охотников флота» из гимназистов и реалистов. Команда эскадренного миноносца «Живой», полностью составленная из кадровых морских кадет и гардемаринов под

командованием капитана 2-го ранга Кисловского, стала ядром обороны Севастополя. В критические для Добровольческой армии моменты этот отряд вместе с гардемаринской ротой Севастопольского Морского корпуса, под командованием капитана 2-го ранга Машукова, помогал генералу Слащеву, командовавшему войсками в Крыму, защищать подступы к Крыму со стороны Азовского моря, где особенно отличилась канонерская лодка «Терец» под командой капитана 2-го ранга Я. В. Шрамченко. Ввиду того, что экзаменов Морское училище не производило, в начале 1920 года воспитанники морских училищ были произведены в чин подпоручика по адмиралтейству или корпуса корабельных офицеров. Часть гардемарин отказалась от производства в «ластовые офицеры» и предпочла остаться в звании гардемарин и кадет. Но большинство на производства согласились.

22 марта 1920 года командование вооруженными силами юга России было переименовано в Русскую армию, в командование которой заступил генерал барон П. Н. Врангель. 25 мая переформированная Русская армия Врангеля вышла на просторы Северной Таврии. Флот принимал деятельное участие в боевых операциях и немало способствовал успеху. Под руководством капитана 1-го ранга Машукова производились высадки 10000 десанта в Азовском море в обход Перекопских позиций. Хорошо проведенная высадка десанта решила успех наступления. На левом фланге отряд капитан 1-го ранга Н. К. Федневского обеспечивал высадку с диверсионной целью в Хорлах, а затем поддержал фланг армии и оперировал вместе с отрядом капитана 1-го ранга Собецкого в устье Дибиревского лимана. Конечно, маленькая территория Крыма с ограниченными возможностями не могла справиться с массами большевистских войск, но армия и ее части из моряков держались там до последнего. Сотни гардемарин и кадет, горячих российских патриотов, погибли в этих тяжелых и непосильных операциях. С запозданием пришел приказ командования об отозвании всех кадет и гардемарин, как и сухопутных кадет и юнкеров, и направлении их в созданные военные институты: кадетские корпуса и военные училища в Крыму. Часть кадет и гардемарин сдавала выпускные экзамены уже по приходе эскадры адмирала Кедрова во французский порт Бизерту на африканском берегу. Более 350 кадет и гардемарин приняли активное участие в вооруженной борьбе против большевиков на юге России.

В Мурманске собралось около 40 бывших кадет морского корпуса. Они сразу же включились в боевые действия и помогли капитану Китицину произвести в Мурманске переворот, взяв власть на военных кораблях из рук разложившихся команд. 2 августа 1918 года они помогли капитану 1-го ранга Чаплину совершить переворот в Архангельске. После этого была создана Онежская флотилия, геройски сражавшаяся с большевиками. В 1919 году лейтенант

Борис К. Шульгин с помощью гардемарин создал отряд моторных катеров в Мурманске и присоединился к Онежской флотилии. Впоследствии экипажи Онежской флотилии укомплектовали командами бронепоездов.

Белая борьба на севере кончилась трагически. Брошенные союзниками на произвол судьбы, белые воины не были побеждены силой на фронте, но внутренними переворотами с населением – сторонниками большевиков. Таким образом, Архангельск и Мурманск попали в руки красных раньше, чем стоявшие на фронте части и Морской корпус во Владивостоке и Севастополе. На севере последние гардемарины и кадеты отступили к финской границе и были интернированы. Только энергичному защитнику севера лейтенанту Шульгину не удалось пробиться к Финляндии, и он вместе с лейтенантом Лиссановичем был захвачен красными и расстрелян. Так же погибли на эскадренном миноносце «Капитан Юрасовский» его командир лейтенант Николай Милевский и лейтенант Влад. Дм. Державин, расстрелянные своими командами, а лейтенант Анин застрелился в кают-компании миноносца.

Личный состав на Двинском фронте морских бронепоездов под командованием капитана 1-го ранга Юлия Ю. Рыбалтовского после переворота в Архангельске бросил свои бронепоезда и отступил к финской границе. В деревне Сухое они были окружены красными, захвачены в плен и расстреляны: капитан Рыбалтовский, ст. лейтенант Борис Лобода, командир бронепоезда «Адмирал Колчак» ст. лейтенант Николай Олюнин, старший офицер крейсера «Чесма» и бронепоезда ст. лейтенант Юрий Витте, командир миноносца «Бесстрашный» и командир бронепоезда ст. лейтенант граф Гейден Георгий, ст. лейтенант барон Рокоссовский, ст. гардемарин Олег Зайцев, лейтенант Вернер и много других.

Только смельчаки лейтенанты Яновицкий, Миловский, гардемарин Еловский, лейтенант старший кадет Былим-Колоссовский, лейтенант Евгений Максимов пробились в Финляндию, а позже – вся команда бронепоезда «Адмирал Непенин» под командой капитана 2-го ранга Н. М. Лемана. Все оказавшиеся в Финляндии офицеры и гардемарины были произведены в следующий офицерский чин и позже отправились на юг России. Более ста офицеров и гардемарин погибли на русском севере.

Мы уже упоминали, что в Сибири распоряжением адмирала Колчака были собраны все гардемарины и кадеты и затем направлены во Владивосток под директорством капитана 1-го ранга Китицына. Это случилось в начале ноября 1918 года. Из Индокитая удалось вырвать застрявших там в плавании 5 офицеров и 62 гардемаринов. В Шефнеровских казармах во Владивостоке было открыто Морское училище. Много препятствий пришлось преодолеть М. А. Китицыну, прежде чем он поставил на ноги

занятия и дисциплину. Прежний состав училища был настроен левацки, и всех новоприбывших участников гражданской войны на стороне белых принимали не очень ласково. Китицын все это преодолел. 20 человек из старого состава училища были отчислены и 10 ушли добровольно. В училище остались 99 гардемаринов, постепенно рота выросла до 120 человек.

Другая военная молодежь была зачислена в военную школу на острове Нокса. Весной 1919 года был объявлен прием в младшую роту. В начале апреля Морское училище приняло участие в подавлении партизанских действий красных в районе Сучанских рудников, где красные окружили гарнизон Владимиро-Александровска. Гардемарины были отправлены в десант. Многие отличились в бою и были представлены к наградам. В начале лета гардемарины были произведены после успешных экзаменов, в младшие роты был произведен новый набор из числа окончивших средние учебные заведения. Большинство «новичков» были кадетами сухопутных корпусов. Старшая рота кадет ушла в плавание к берегам Камчатки.

К осени 1919 года деятельность Морского училища во Владивостоке достигла своего расцвета. Приехало много морских офицеров, и Китицын заполнил все необходимые вакансии преподавателей и воспитателей. В середине января 1920 года, после бунта школы на Русском острове генерала Нокса, во всем Приморье единственными надежными воинскими частями оставались Морское училище и Военно-Морская учебная команда капитана 2-го ранга Потолова. Политическое положение в Приморье складывалось угрожающе, и командующий морскими силами контр-адмирал Михаил Ал. Беренс приказал начальнику Морского училища капитану Китицыну формировать отряд судов особого назначения из всех способных двигаться кораблей сибирской флотилии, исключая миноносцы. Их оказалось очень немного. Морское училище и Военно-Морская команда погрузились на корабли. На миноносцах были сняты замки с орудий. На корабли взяли около 500 человек с их семьями.

На владивостокском рейде стояла эскадра «союзников», которые вели двойную игру. Они были против ухода русских кораблей. Американцы прямо угрожали открыть огонь по отходящим судам. Только вмешательство японского флагмана вице-адмирала Кавахара разрешило вопрос. Ночью с 30 на 31 января контр-адмирал Беренс прибыл на крейсер «Орел» и дал приказ об эвакуации. Американский крейсер «Бруклин» навел прожектора и орудия, угрожая начать стрелять. Но японский броненосец «Миказа», сыграв боевую тревогу, навел свои орудия на «Бруклин». Русский отряд судов, увеличивая ход, прошел мимо обоих кораблей. Проходя мимо Русского острова, опасались, что оттуда откроют стрельбу, но там не проявляли признаков жизни. Из Владивостока вышли только крейсер «Орел» и

канонерка «Якут» и направились в Цуругу. Продовольствия и угля было достаточно. Японские офицеры с «Миказы» преподнесли в подарок 10 тысяч йен. В Цуругу японские власти разрешили всем сойти на берег и обещали помощь в дальнейшем продвижении. Капитан Китицын решил пробиваться в Европу. Экипаж состоял из 40 офицеров и 250 гардемарин плюс охотники и команда. Суда пошли в Гонконг и Сингапур. Там пришлось простоять в сухом доке, и Китицын воспользовался этим, чтобы провести экзамены в 1-й роте училища.Через 5 недель отряд пошел в Калькутту. Там опять застряли из-за нехватки денег. Из Калькутты «Якут» самостоятельно пошел в Порт-Саид, через Малдивские и Сейшельские архипелаги и через остров Маз пришел в Аден.

В Порт-Саиде капитан Китицын узнал, что Белая армия закрепилась в Крыму и продолжает борьбу против большевиков. Пришел приказ сдать суда Добровольческому флоту, а всем остальным двигаться в Севастополь. Русский консул в Порт-Саиде не оказывал Китицыну никакого содействия. Положение становилось катастрофическим: кончились уголь, вода и провизия. Под давлением русского консула английский начальник порта не давал разрешения даже сняться с якоря. Решительный Китицын поставил ультиматум английскому командованию, что если через 36 часов ему не будут даны уголь и провизия, он выведет корабли на оставшиеся две тонны угля и затопит их поперек Суэцкого канала. Это произвело действие, и через 24 часа англичане предоставили кораблям все необходимое. 12 августа 1920 года «Якут» и «Орел» пришли в сербский порт Дубровник.

В гостеприимной Югославии кораблям и гардемаринам была дана возможность привести себя в порядок. Капитан Китицын разобрался в споре, «Орел» вернули Добровольческому флоту с получением каких-то денег, которыми было уплачено жалование команде. «Якут» пошел в Севастополь, взяв в Константинополе полный груз военного снаряжения. На него перешел Китицын с частью офицеров и 49 гардемаринами корабельными, 47 гардемаринами 2-й роты и 15 гардемаринами 3-й роты, которые приняли участие в боях в Крыму. Большинство из тех, кто перешел на гражданское положение, потом уехали в Чехию учиться, часть осталась в Сербии. В Югославии король Александр организовал сербское Морское училище и привлек некоторых русских офицеров к себе на службу. Так, старший лейтенант Бунин служил в сербском Морском училище до самой 2-й Мировой войны. Несколько корабельных гардемарин польского происхождения отправились в Польшу и там продолжили военную карьеру, став морскими офицерами.Например, Антоний Дорожковский в чине капитана 2-го ранга командовал отрядом миноносцев, прорвавших немецкую блокаду из Гдыни в Англию в начале войны.

«Якут» пришел в Крым к шапочному разбору, как и «Илья

Муромец» из Белого моря, и героический «Китобой», о котором мы напишем подробнее, из Балтийского. Все сошлись в Константинополе. Более 129 кораблей вместе с «Якутом» ушли с эвакуированными войсками генерала Врангеля опять в Константинополь, затем в Бизерту, где сосредоточился весь Белый флот под командованием адмирала Кедрова. 49 корабельных гардемаринов там были произведены в мичманы.

Капитан Китицын перешел на учебный парусный корабль «Великая княгиня Ксения Александровна». Этот корабль Китицын вытащил из Константинополя и использовал для учебного плавания гардемаринов и кадет. Гардемарины в Бизерте были вовлечены в строевой состав Морского корпуса, а остальные разошлись по кораблям эскадры.

В Севастополе Морской корпус образовался 11 июля 1919 года, когда старший лейтенант Машуков подал рапорт начальнику портов и судов Черного моря контр-адмиралу Саблину. Адмирал Саблин полностью поддержал идею Машукова. Морское управление в Таганроге под начальством вице-адмирала А. М. Герасимова помогло открыть занятия в новом Морском корпусе к началу учебного года. Директором был назначен молодой старший лейтенант Машуков, несмотря на его отговорки. (Машуков командовал вспомогательным крейсером «Цесаревич Георгий».) Требовалось согласие генерала Деникина на легальное существование корпуса. И 15 августа адмирал Герасимов получил все нужные официальные документы и кредиты. Машуков имел самые широкие полномочия. Герасимов ему сказал: «Делайте что нужно и как можно лучше, ибо в этом вопросе вы были душою».

В короткий срок было достроено огромное здание Морского корпуса. Кухню и столовую поместили в стоявшей рядом даче главного командира «Голландии». Машуков носился в Таганрог, Одессу и Новороссийск, доставал обмундирование и разное оборудование. Ему во всем энергично помогал капитан 2-го ранга Берг, остававшийся заместителем Машукова в Севастополе.

На должность командира гардемаринской роты назначили капитана 2-го ранга И. В. Кольнера, бывшего командира канонерской лодки «Кубанец». Помощником по учебной части явился академик-математик капитан 2-го ранга Н. А. Александров; заведующим хозяйственной частью флота – генерал-майор А. Е. Завалишин и медицинской частью – известный доктор Н. М. Марков.

Частные предприятия Севастополя подарили корпусу библиотеку в 3500 томов, английская база в Новороссийске дала солдатское обмундирование и голландки, и матросские брюки, а французы – несколько пар синих брюк... Каждая мелочь – тетрадки, карандаши, чернила – требовала поисков и переписки, ибо Крым был полностью разграблен и пуст. Машукову удалось получить из порта крейсер

«Память Меркурия», у которого англичане взорвали золотниковые коробки. Пришвартованный у корпусной пристани, крейсер превратился в базу и учебное судно. Воспитанники несли на нем вахты и проходили практические занятия.

6 сентября 1919 года в газетах объявили о приеме в корпус, без различия сословий, воспитанников от 16–18 лет в гардемарины и 130 человек от 2 до 14 лет, окончивших 3 класса средней школы, – в младшую роту (7-я рота корпуса). В октябре стали съезжаться воспитанники корпуса со своими родителями, которых трудно было устраивать на квартиры.

Машуков опять просил назначить директором корпуса одного из адмиралов, но вместо этого получил производства в капитаны 2-го ранга за все свои труды и оставался директором корпуса. Все работы были закончены, нужные вещи и предметы приобретены.

И тут директором корпуса назначили контр-адмирала Ворожейкина, в 1916 году бывшего директором Петербургского Морского корпуса. Ворожейкин много плавал, но ни в одной войне не участвовал. В 1918 году он служил у гетмана Скоропадского. Многие офицеры и Машуков были против этого назначения. Машуков отошел от дел и был назначен командиром крейсера «Алмаз».

20 октября 1919 года в присутствии вице-адмирала Ненюкова и контр-адмирала Саблина состоялось торжественное открытие корпуса. Новый протопресвитер военного и морского духовенства епископ Вениамин отслужил молебен на плацу корпуса. Офицеры и воспитанники корпуса устроили овации капитану 2-го ранга Машукову и долго его качали.

Два года боев в кипящем котле революции превратили большинство юношей, воспитанников корпуса, во взрослых людей, приучили их к самостоятельности и критическому отношению к окружающему. Поэтому гардемаринская рота была очень пестрой. Многие имели по два года службы на кораблях, были специалистами и имели чины и звания. Среди них были и кадеты сухопутных корпусов, главным образом, Одесского корпуса. Капитану 2-го ранга Кольнеру, их командиру, и его офицерам – старшему лейтенанту А. Элленбогену, лейтенантам Д. Запольскому и Н. Солодкову и мичману М. Л. Глотову было очень трудно работать с таким составом.

Гардемарины, как и их ротный командир и взводные, были одеты в английскую пехотную форму. Кроме русских кокард на фуражках никаких знаков отличия не было. У многих на груди были Георгиевские ленточки с серебряными крестами или знаки одного из легендарных походов. Фельдфебелем был безусый хорунжий донской казак Поляков с двумя крестами и простреленной рукой. Не только внешне, но и психологически новые гардемарины были похожи на прежних. Пережив трудные времена, потому что из-за гражданской войны и общего упадка морали и дисциплины пришлось исключить

20 человек, благодаря усилиям воспитателей рота блестяще выполнила задачи, которые на нее возлагались. Командир роты капитан Кольнер был строгим по службе, но справедливым в своих требованиях. Его замкнутый характер не располагал к любви, но он, безусловно, пользовался большим уважением и авторитетом; его приказания исполнялись не за страх, а за совесть. Полной ему противоположностью был командир кадетской роты капитан 2-го ранга В. В. Берг. С белой бородой, сильно его старившей, он походил на доброго дедушку и, действительно, искренне любил кадет, отдавал им все свободное время. Он был очень романтичен и передал молодежи свою любовь к морю, читая книги и рассказывая с упоением о действиях русского флота. Кадеты его очень любили и стали дисциплинированными «марсофлотами».

Френчи у кадет провисали до колен, рукава закрывали концы пальцев, а синие французские брюки 3-й и 4-й взводы подвязывали веревочками на груди или носили в виде украинских шаровар, на ногах носили «танки», длина которых и тяжесть не позволяли бегать, Но из-под козырьков шапок, державшихся на ушах и закрывавших носы козырьками, выглядывали 130 веселых мордочек, довольных своею судобою. Многие дети были сиротами. Корпус явился им спасением, и они были благодарны своим воспитателям лейтенанту Б. В. Галанину, впоследствии перешедшему в гардемаринскую роту, старшему лейтенанту Б. В. Брискорному, лейтенанту И. И. Помаскину, лейтенанту Е. А. Куфтину, старшему лейтенанту Н. В. Иваненко и поручику Н. В. Тарасову. В дальнейшем френчи и брюки были перешиты.

21 октября начались занятия. Инспектор классов капитан 2-го ранга Н. А. Александров (в США был деканом семинарии Русской Зарубежной Церкви в Джорданвиле), очень энергичный и изобретательный, отлично организовал учебную часть. В переполненном беженцами Крыму легко было найти отличных преподавателей. Математику преподавал И. В. Дембовский, прослуживший в корпусе до его ликвидации в Бизерте. В гардемаринской роте преподавал «бог девиации» генерал-лейт. К. Н. Оглоблинский. Сам капитан Александров читал курс высшей математики, капитан 2-го ранга Берг читал курс морской практики, капитан 2-го ранга Кольнер – артиллерию, старший лейт. Цингер – мореходную астрономию, капитаны-инженеры Н. К. Арцеулов и С. А. Насонов – кораблестроение и теорию корабля.

Из-за участия в Крыму в боях гардемаринская рота имела полное пехотное вооружение, вплоть до станковых пулеметов, гранат, винтовок и «драгунок». Так же были вооружены и два взвода кадет. Заведующие кухней устроили на даче ферму с курами, свиньями. Старший лейтенант И. С. Рыков прислал стадо баранов, отбитых им у красных, а старший лейт. А. А. Геркет – коров и лошадей. При корпусе была составлена гребная флотилия. Флагманским судном

стала бывшая царская 16-весельная баржа из красного дерева, бывшая в полном порядке и со всеми парусами. С кораблей в порту гардемарины привезли много утвари, компасы с нактоузами, мины, прицелы, прибор Длусского, снаряды до 12" включительно, секстаны, электрические приборы.

В усиленных занятиях спокойно прошел весь остаток года. Корпусной праздник 19 ноября был отпразднован по старой традиции и тогде же было производство воспитанников старшей роты кадет в гардемарины. На Рождество 1920 года большинство кадет уехало к родным. Занятия возобновились 20 января.

Но положение на фронте стало тревожным. Красные заняли Геническ и 12-го начали атаку на Перекопе. Ставился вопрос об эвакуации корпуса. Войсками в Крыму тогда командовал генерал Слащев. Командующий флотом решил закрыть корпус, расписать гардемаринов на суда, а кадет совсем уволить, что означало сделать их беспризорными. Но корпус подчинялся непосредственно Военно-морскому управлению в Екатеринодаре, во главе которого стоял генерал-лейтенант Лукомский; его помощником по морской части был капитан 1-го ранга Тихменев. Генерал Лукомский послал адмиралу Ненюкову телеграмму: «Главнокомандующий (генерал Деникин) приказал корпус не распускать». Все же десятка два гардемаринов были расписаны по судам, чему были очень рады.

Занявший в конце февраля должность командующего флотом вице-адмирал Герасимов посетил корпус и интересовался его нуждами. В мае гардемарины сдавали годовые экзамены и репетиции и были переведены в «средний специальный класс» (2-я рота). Кадетская рота стала 6-й. По программе гардемарины должны были провести 6 недель на крейсере «Генерал Корнилов» с хорошо сплававшейся и образцово дисциплинированной командой. С морской практикой кадет было сложнее из-за нехватки судов. Капитан Берг нашел на «кладбище судов» старые миноносцы «Свирепый» и «Строгий», миноносцы № 1 и № 3 типа «Охотник». Все эти суда поставили на бочку в одну линию от корпуса к Инкерману.

На каждое судно был назначен взвод кадет. Они с азартом вычистили трехлетнюю грязь на судах, и миноносцы были готовы к плаванию. На них подняли Андреевские флаги и отслужили молебны. Во время этих торжеств на соседней пристани Килен-балка начался пожар и взрывы снарядов. Осколки стали падать на миноносцы. Капитан Берг приказал снять кадет с кораблей, оставив там лишь вахтенных. Адмирал Ворожейкин приказал снять всех с миноносцев. С приказом понеслась царская баржа, осыпаемая непрерывно снарядами. По приказу генерала Кольнера кадеты сели в шлюпки и в полном боевом порядке спокойно ушли в Сухареву балку. На миноносцах добровольно остался гардемарин Бутаков, потомок защитника Севастополя, считавший, что нельзя оставлять

Андреевский флаг без охраны. Поступок капитана Кольнера произвел на всех очень хорошее впечатление.

Нормальные занятия по плаванию проходили все лето по расписанию. 15 июля внезапно был получен приказ командующего флотом отправить 40 гардемаринов на линейный корабль «Генерал Алексеев», уходивший под флагом командующего флотом адмирала Саблина на операцию. Ими командовал лейтенант Запольский. Флот предпринимал большую операцию прорыва на Днепро-Бугский лиман и должен был уничтожить батареи Очаковской крепости.

Самая дисциплинированная часть команды была рота морских стрелков, которую по приходе на Тендру высадили на берег. Рота гардемарин была посажена на дредноут из-за неуверенности в надежности команды. Гардемарины как бы состояли при охране штаба. 19 июля дредноут пришел в Тендровский залив и присоединился к отряду стоявших там уже судов. С 21-го производился систематический обстрел берега. 26-го гардемарин отпустили в корпус, и они пересели на яхту «Лукул», на которой возвращался в Севастополь командующий флотом со своим штабом.

Однажды корпус посетил главнокомандующий генерал Врангель. Проходя по фронту, он останавливался перед теми, у кого были Георгиевские кресты и спрашивал, за что они получены. Генерал Врангель произнес сильную патриотическую речь и сказал, что привык видеть моряков в синем и приказал сшить им настоящую морскую форму. Ликованию кадет не было предела. Скоро всем сшили новую морскую форму.

5 сентября практические занятия окончились, пришел приказ вице-адмирала Саблина отправить гардемаринов на крейсер «Ростислав», стоявший у Керченского пролива. Машины на крейсере были взорваны, но артиллерия была в полном порядке. Команде крейсера не доверяли. «Ростиславом» командовал капитан 1-го ранга М. В. Домбровский. Лейтенанта Запольского заменили лейтенантом Шмидтом, совсем не знавшим гардемаринов. Офицеры крейсера и команда относились к гардемаринам недружелюбно. Их назначали на самые тяжелые и грязные работы, от которых увиливала команда крейсера. Мичман оказался дружелюбным и давал им советы – с кем как себя держать в этой обстановке. «Ростислав» принял участие в операции 2-го отряда судов под командованием контр-адмирала М. А. Беренса у северо-восточной части Азовского моря. Часто на «Ростислава» падали воздушные бомбы.

15 сентября гардемарин сняли с крейсера и на канонерской лодке «Кача» отправили в Севастополь для прохождения экзаменов. А первая полурота застряла в Тендре. Переход на «Корнилове» был под градом снарядов и пуль. Три гидросамолета красных обстреливали и бомбили крейсер. Пища ухудшилась, упала температура, а гардемарины в поход не взяли с собой шинели и мерзли.

По дороге «Корнилов» брал на буксир баржи, которые отрывало, и

они пропадали. Гардемарины натерпелись, но убитых среди них не было.

Наконец, 25 октября гардемарины, пересаженные на транспорт «Добыча», пришли в Севастополь и смогли помыться, поесть и отдохнуть. 27 октября их отпустили в отпуск до 3 ноября.

Здесь необходимо заметить, что летом 1920 года главное командование Русской армии издало приказ №2288 о демобилизации учащихся. Был поднят вопрос о судьбе учащихся петроградских морских училищ, не завершивших своего образования. В это время они уже почти все были офицерами, но не имели аттестатов об окончании корпуса. Поэтому в Севастополе при корпусе была сформирована сводная рота из 70 примерно человек под командованием капитана 2-го ранга А. П. Воробьева. Два взвода имели свою программу. Старший готовился к выпускным экзаменам. При эвакуации Севастополя рота была собрана на посыльном судне «Якут», на нем и пришла в Бизерту. 12 октября контр-адмирал Кедров был назначен командующим флотом, начальником штаба – контр-адмирал Н. Н. Машуков. Кедров сменил директора Морского корпуса и на его место назначил вице-адмирала А. М. Герасимова.

Эвакуация корпуса из Севастополя проходила под командой капитана 1-го ранга Александрова, инспектора класов. Узнав об эвакуации, находившиеся в отпуске воспитанники стали собираться у корпуса. Целая группа пришла пешком из Симферополя. Находившимся в Ялте пришлось эвакуироваться самостоятельно. Но ни один гардемарин не остался в Крыму. С лихорадочной поспешностью сносили имущество, съестные припасы и даже трех коров на пристань и грузили на баржу «Тилли». Находившиеся в швейной мастерской черные шинели не были доставлены, но другое матросское одеяние было получено. Утром 30 октября (12 ноября) «Тилли» подошла к стоявшему в Южной бухте линейному кораблю «Генерал Алексеев» (капитан 1-го ранга Борсук). Корпус покидали без церемоний, хотя капитан Берг хотел сделать прощальный парад. Все же кадетская рота прошла на пристань под звуки горнов, и вид ее поднял настроение у всех. С разрешения капитана Александрова одно отделение гардемаринов осталось в «Голландии». На стоявшую там баржу погрузили стадо коров, свиней и 80 баранов и привели со шлюпками этот «ноев ковчег» к «Александрову», который благодаря этому был обеспечен мясом.

Накануне еще командующий флотом приказал капитану 1-го ранга Кольнеру перейти с гардемаринами на крейсер «Алмаз» (капитан 1-го ранга В. А. Григорков). Гардемарины встали к котлам и машинам и несли сигнальную вахту. Только благодаря этому крейсер смог самостоятельно выйти в море. Под командой кап. Александрова гардемарины весь день и всю ночь перегружали вещи на «Алексеева». По прибытии на корабль старшие из кадет заняли караульные посты у погребов, в кочегарках и у механизмов, охраняя все это от

возможного саботажа со стороны уходивших на берег матросов. Свободные от наряда гардемарины грузили уголь и перевозили на шлюпках из складов порта разные материалы. Как курьез – заведующий медицинским складом отказался выдать медикаменты на «Якут» без формального ордера. Его к этому принудили.

Гардемарин Афанасьев с группой друзей погрузил на «Забаву» муку и провизию, хотел идти в Константинополь самостоятельно, но адмирал Ворожейкин воспротивился и потом приказал яхту оставить. «Забаву» взял на буксир пароход «Псезуапс», но в пути бросил ее в море, и она погибла. Около 7 часов утра 31 октября «Генерал Алексеев» вышел на внешний рейд и стал на якорь у Стрелецкой бухты. Туда же подошел и крейсер «Алмаз». Новый старший офицер на «Алексееве» старший лейт. А. Н. Павлов проверял наличие команды и принимал меры для похода. В помощь нескольким оставшимся кочегарам были мобилизованы пассажиры, главным образом, юнкера Атаманского Казачьего училища. Гардемарины и кадеты составили сигнальную вахту. Гардемарины и кадеты сменялись, неся вахту в важных пунктах кораблей, присутствие нескольких тысяч пассажиров могло угрожать кораблям. Накануне одно отделение гардемарин с «Алексеева» было отправлено в распоряжение штаба флота и заняло караулом Графскую, потом Минную пристани. Они посылали и патрули в город. Утром один патруль встретил возвращавшегося с парада на Нахимовском бульваре генерала Врангеля, шедшего в сопровождении лишь одного адъютанта. Гардемарины на всякий случай повернули и незаметно проводили главнокомандующего до штаба. Вечером почти все суда уже вышли в море. Лишь против графской пристани под флагом главнокомандующего стоял крейсер «Генерал Корнилов» и ледокол «Гайдамак» и у Килен-балки транспорт «Саратов», который грузил последние части «цветных» полков генерала Кутепова. Гардемарины патруля сняли с берега всех беженцев и посадили их на баржу «Путник», которую привел к «Алексееву» буксир «Воевода Путник». Весь день к дредноуту подходили буксиры и баржи с беженцами и грузом. Три сторожевых катера были подняты на борт дредноута.

31 октября «Генерал Алексеев» дал ход, «Алмаз» ушел немного раньше и примерно тогда же ушел из Северной бухты «Якут», имея на борту 150 беженцев и 70 юнкеров Константиновского военного училища. Гардемарины с капитаном Китицыным побывали в Морском собрании, и оттуда они взяли несколько дорогих сердцу батальных картин флота. Последним видением покидаемой родины был херсонский маяк. Но гардемаринам и кадетам было не до эмоций, они настолько выбились из сил, что тут же на палубе заснули крепким сном...

Вечером 4 ноября «Генерал Алексеев» стал на якорь на рейде Мода при входе в Мраморное море. 141 судно самых разных типов, начиная с боевых кораблей и кончая землечерпалками, плавучими

маяками и катерами, с расшатанными машинами и текущими котлами, только с помощью Николая Угодника дотянули до Константинополя. На них, не считая команд, находилось 130 тысяч русских людей, не пожелавших остаться у красных. Скученность на судах была невероятная, многие падали за борт, и течение их уносило навсегда. С «Алмаза» моментально выслали вельбот с гардемаринами, которые смогли кое-кого из этих бедняг спасти. После прихода в Константинополь вице-адмирал Ворожейкин, генерал-майор Завалишин, капитан 2-го ранга Подашевский и некоторые другие покинули корпус. Питание на судах было скудное, не хватало хлеба, ели консервы и получали несколько картофелин в день. В такой обстановке прошло 19 ноября, отмеченное молебном на юте корабля. Вместо парадного обеда ели противную ржавую хамсу...

Эскадра готовилась к походу в Бизерту. Беженцев распределяли в лагеря. Бывшие на «Алмазе» гардемарины и кадеты 26 ноября были переведены на «Алексеева». В Золотом Роге стояло учебное судно Мариупольского мореходного училища «Свобода», бывшее «Великая княгиня Ксения Александровна». Его записали в учебный отряд корпуса, привели в порядок и свезли на него грязных, во вшах, в оборванных френчах гардемарин и кадет с «Алмаза». Командиром судна был старший лейтенант А. Р. Рыбин, офицеры: Г. А. Мейрер, лейтенант Скупенский (был тогда мичманом) и Б. И. Нифонтов. Сводная рота была собрана на «Якуте». Семьи чинов корпуса и преподаватели перешли на пассажирский пароход «Великий князь Константин», который был первым русским кораблем, пришедшим в Бизерту 21 декабря 1920 года. На «Алексееве» остался директор корпуса с прочими офицерами, кадетская рота, лазарет и имущество. На «Ксении» поставили паруса и в пути ее все время проверяли. В Коринфском проливе и в Ионическом море судно попало в шторм. Утром пришли в Аргостоли, где грузили уголь, набрали воды и провизии. Но паруса знали немногие, они мешали, их убрали и до конца шли машинами. На «Ксению» прибыл командующий флотом, осмотрел судно и произвел 49 корабельных гардемарин в мичманы. Вице-адмирал Кедров произнес речь о роли офицера. На «Ксении» испортилась машина, и «Корнилов» взял судно на буксир. После поправки машины «Ксения», опять подняв паруса, самостоятельно вышла в море, но потом ее опять взяли на буксир. В походе буксиры лопнули, «Ксению» било о борт «Корнилова», но все обошлось благополучно. «Ксения» пришла все же в Бизерту, где уже стояли все суда эскадры. «Якут» с Китицыным тоже чуть не затонул, но, пройдя 16.000 миль, благополучно пришел в Бизерту с гардемаринами и подпоручиком «Сводной роты».

По приходе в Бизерту по приказу французов на всех кораблях был поднят карантинный флаг и сообщение с берегом было строго запрещено. Кругом эскадры ходили французские сторожевые катера,

на берегу стояли часовые. Создавалось впечатление, что эскадра в плену, и это действовало на настроение. Командующий флотом отбыл во Францию для переговоров с французским правительством, а его заместитель контр-адмирал Машуков вступил в переговоры с местными властями. Французский адмирал Варреней пошел навстречу просьбам Машукова снять карантин и свезти на берег пассажиров и Морской корпус. Варреней, не дожидаясь распоряжений из Парижа, предоставил корпусу на выбор один из находившихся в районе Бизерты лагерей или форт Джебель-Кебир. Для осмотра лагерей и помещений поехал капитан 1-го ранга Александров и выбрал форт Джебель для корпуса и лагерь Сфант для персонала и складов. В связи с переходом на берег в корпусе произошли изменения. Владивостокская рота имела большую морскую практику с 1918 года и океанский переход на «Орле». Севастопольская рота, получив практику и опыт на боевых кораблях и в операциях на суше в Крыму, не уступала Владивостокской. Но в последней была высокая дисциплина, и с 36 гардемаринами она была зачислена по настоянию капитана 1-го ранга Китицына первой ротой корпуса. Из ее состава были назначены фельдфебели и унтер-офицеры в другие роты. Ротным командиром был назначен старший лейтенант Брискорн, совмещавший должность помощника начальника строевой части. Севастопольская рота стала второй, и с первоначальными 11 гардемаринами ее численность была доведена до 110 человек. «Сводная рота» была расформирована. Старшее отделение в составе бывших гардемарин ОГК и морского училища, часть которых оставалась гардемаринами, а другая часть — подпоручикам или мичманами, произведенными в Добровольческой армии. Они были назначены на «Якут», составляя его экипаж и одновременно продолжая начатые в Севастополе занятия. Командиром «Якута» был назначен капитан 1-го ранга Гильдебранд, а потом капитан 2-го ранга Ульянин. Необходимо отметить большие труды мичмана Н. Н. Андреева, занимавшегося мореходной астрономией и лоцией. Остальные предметы проходили под руководством офицеров эскадры или с приезжавшими преподавателями Морского корпуса. Остальная часть «Сводной роты», пополненная кадетами сухопутных корпусов и волноопределяющимися и доведенная до 90 человек, образовала под командой ст. лейтенанта Н. А. Окрашевского, потом капитана 2-го ранга А. А. Остолопова новую — 3-ю роту. 13 января начался съезд воспитанников на берег. Бывшие на «Алексееве» замарашками кадеты совсем преобразились. Хорошо одетые, стройными рядами под бой барабанов ушли они по шоссе. Все прошли через дезинфекцию. После утомительного, все время в гору, похода они прибыли на новое место жительства. 4 февраля последней пришла 3-я рота, которая прожила в лагере Сфант один месяц и была отправлена в плавание на переименованную в «Моряк» «Свободу»,

где командовал старший лейтенант Рыбин, а потом – старший лейтенант Максимович. После экзамена воспитанники были произведены в младшие гардемарины. Остальные роты поселились в форте Джебал-Кебир. В корпусе числилось 17 офицеров, около 250 гардемарин, 110 кадет, 60 офицеров и преподавателей, 40 человек команды и 50 членов семейств. Всего – 527 человек.

Гора Кебир находилась в трех километрах от Бизерты по прямой линии, но по извилистому шоссе надо было пройти 6 км. С вершины горы открывался с двух сторон вид на море, впереди виднелся город и огромное озеро. На самой горе в постройке прошлого века находился французский военный форт. Фасад крепости, длиной около 100 метров, состоял из ряда больших и малых каменных сводчатых казематов и двух капониров. В пяти метрах от казематов тянулся высокий вал, образуя вдоль всего форта ров. Четыре больших каземата, в которых поселились 2-я и 6-я роты, имели железные нары в два яруса и были рассчитаны на 64 человека каждый. Через орудийную бойницу и амбразуру проникал свет, но после 16 часов в половине помещения уже нельзя было читать. 1-я рота поселилась в одном из капониров, в другом была устроена церковь. Корпусным священником был о. Георгий Спасский. Во внутреннем дворе находился лазарет и комната дежурного офицера. Под навесом стояли походные кухни и кое-какие склады. Был еще отдельный барак, где в декабре поселилась 5-я рота. Электричества не было, но вскоре гардемарины установили вывезенную из Севастополя дизель-электрическую станцию. Перед главным входом в форт находился большой плац, на котором проходили строевые учения и устраивались парады. Директор корпуса адмирал Герасимов, все офицеры и преподаватели поселились в барачном лагере Сфанг. Вице-адмирал Герасимов поручил начальнику строевой части капитану 1-го ранга Критицыну непосредственное наблюдение за воспитанием и жизнью в Джебель-Кебире. Капитан Китицын был единственным холостяком и жил вместе с воспитанниками, полностью разделяя их быт и распорядок, разрешая все вопросы распорядка в форте.

Из-за разнообразного состава кадет 6-й роты по возрасту, учебной подготовке и развитию, учебно-воспитательный совет постановил выделить наиболее способных кадет старше 15 лет в особый взвод, где занятия проходили по усиленной программе. 15 мая «особый взвод» из 30 человек образовал 5-ю роту. Ротным был назначен старший лейтенант Н. Н. Солодков, преподававший гардемаринам историю военно-морского искусства. Отделенным был назначен мичман С. В. Васильев. Вскоре 6-я рота под начальством лейтенанта А. А. Сокольникова была отправлена на «Моряк», сменив 3-ю роту. Капитану Бергу было предложено сформировать 7-ю роту из малышей. 6-ю роту принял старший лейтенант Е. Г. Круглик-Ощевский с «Корнилова», а воспитанники трогательно попрощались

со своим прежним командиром – капитаном Бергом, он понимал кадет и заботился по-отцовски о них, не забывая и о развлечениях. Кроме того, в 6-ю роту были назначены мичманы Макухин и Арбузов, а в 7-ю роту – лейтенант Б. А. Калинович, лейтенанты Д. В. Запольский, Куфтин, Богданов и Жук; впоследствии эти трое перешли на нестроевые должности. Вместо Остолопова командиром 3-й роты был назначен лейтенант Мейер.

Со дня прибытия на африканскую землю хозяйственная часть под началом лейтенанта И. Д. Помаскина, Богданова делала большие усилия для обеспечения 500 человек. Французское правительство уменьшило первоначальные ассигнования с 2 франков 12 сантимов в день на человека до 80 сантимов. Воспитанники стали получать паек, в который входили 150 граммов хлеба и два раза в день суп из чечевицы со следами консервированного мяса. Заведующий кухней полковник А. Ф. Калецкий изощрялся всеми способами, чтобы не пропала ни одна крошка провизии, лично мешал котлы и строго следил, чтобы порции у всех были равные. Но благодаря хлопотам адмирала Кедрова в Париже и русского морского агента капитана 1-го ранга В. И. Дмитриева к лету паек увеличился и считался достаточным.

Чтобы подготовить воспитанников корпуса к требованиям французских школ, программа занятий была изменена. В гардемаринских классах сократили занятия артиллерией и минным делом, сильнее развернули программу по математике. Гардемарины с увлечением слушали курс корпусного священника о. Георгия Спасского по истории богословия и церкви. В «африканском корпусе» не было дядек и прислуги, и все приборки и чистки делали сами гардемарины и кадеты. Особенно тяжело было, когда начинал дуть африканский ветер сирокко, тогда невозможно было ни заниматься, ни работать. Большинство в это время сидели у фонтана и стирали свое белье. Но несмотря на все невзгоды и лишения, воспитанники корпуса, сдавая экзамены уже в присутствии французских инспекторов, чтобы попасть во французские высшие учебные заведения, получали полный балл и аттестат зрелости. После выпуска многие воспитанники блестяще прошли курс высших технических учебных заведений во Франции, Бельгии и Чехословакии. Многие стали выдающимися инженерами, врачами, учеными. Честь им и слава!

В начале лета 1921 года, после сдачи экзаменов, 17 офицеров-экстернов бывшей «Свободной роты» получили аттестаты об окончании полного курса Морского корпуса. Собственно, это был первый выпуск в Бизерте Морского корпуса. 16 июля корпус посетил вице-адмирал Кедров и капитан 1-го ранга Дмитриев. Адмирал благодарил воспитанников за хорошее учение и блестящий парад и их бодрый вид.

На Рождество в корпусе была устроена прекрасная елка. 12 апреля

приказ главнокомандующего давал право ношения на груди знака «Бизерта», как это было «Галлиполи» и «Лемнос». Общее бодрое настроение было омрачено приказом французских властей о сокращении личного состава корпуса. Ожидалось и дальнейшее сокращение.

2 марта 1922 года адмирал Кедров произвел 34 старших гардемарина. 14 марта был отъезд большинства окончивших корпус в Прагу для продолжения учебы в высших чешских учебных заведениях. Средства на переезд и начало устройства выхлопотал капитан 1-го ранга Дмитриев. Весь батальон корпуса с капитаном Китицыным провожал отъезжающих.

По плану ликвидации корпуса курс в гардемаринских ротах пришлось сокращать. Благодаря хлопотам адмирала Кедрова и капитана Дмитриева в Париже, при поддержке М. М. Федорова и графини С. В. Паниной в Праге, почти все окончившие курс Морского корпуса в Бизерте были приняты в высшие учебные заведения Чехословакии. Постепенно разъезжались и офицеры, и преподаватели. Капитан Китицын уехал в Америку с адъютантом старшим лейтенантом Соловьевым. К концу 1922 года благодаря хлопотам капитана Дмитриева французы согласились дать возможность кадетам получить среднее образование и оставить корпус еще на год-два. С нового 1923 года корпус был официально переименован в «Орфелинат» (сиротский дом). Там оставались юноши моложе 15 лет, что соответствовало действительности.

17 июня 1923 года получили среднее образование и были приняты в гардемарины 33 кадета 4-й роты. В их распоряжении оставался «Моряк» – последнее судно севастопольской саги. 6 ноября 1924 года произошел спуск флагов русской эскадры, и флот перестал существовать. Его французы взяли в счет приюта и продовольствия чинам флота до 23-го года... В 1925 году корпус закончили последние две кадетские роты, набранные уже в Бизерте. 1 мая было последним днем корпуса!

Таким образом, под командой вице-адмирала Герасимова 300 русских юношей получили среднее морское образование для дальнейшей жизненной борьбы. Приказом по Морскому корпусу №51 от 25 мая 1925 года корпус был расформирован и закрыт... Приказ был трогателен.

Заканчивая эту памятку к 300-летию основания Российского флота императором Петром Великим и основания «колыбели флота» – Морского корпуса, мы хотим рассказать о героическом рейде маленького корабля Балтийского флота – тральщика «Китобой». Подвиг «Китобоя» в день 300-летия веры и верности будет венком жертвенной службы русских моряков Великой, Единой и Неделимой России!

...Революция в России в полном ходу. Балтийский флот

разложился. Героических офицеров флота озверелые матросы убивали и бросали в топки кораблей...

И вот вдруг на рейде Копенгагена весной 1918 года появился маленький русский тральщик «Китобой». Он гордо нес свой Андреевский флаг и сигналил в порт с просьбой дать ему право ошвартоваться у пристани или стать на рейде. А на рейде Копенгагена в это время стояли гиганты – военные суда Британского флота. Начальство порта страха ради иудейска не решилось само давать разрешение, а испросило такового у английского адмирала – командующего флотом. С флагманского корабля английского дредноута просигналили: «Корабль должен спустить свой флаг и сдаться английским морским властям». Получив это сообщение, командир «Китобоя», доблестный потомственный российский моряк старший лейтенант Ферсман, сразу же просигналил флагману: «Русский Андреевский флаг спущен не будет. Предлагаю английской команде приготовиться к бою!» На «Китобое» прозвучала тревога: «К бою!» 12 человек команды разбежались по своим боевым постам: к маленькой пушчонке, годной лишь расстреливать мины, и к двум тяжелым пулеметам...

Наступила большая пауза. Одного попадания снаряда английского дредноута было бы достаточно, чтобы отправить «Китобой» ко дну... Ферсман напряженно ждал, как и его команда, состоявшая из гардемаринов и кадет. Пауза затянулась. Вдруг взлетели сигнальные флаги: «Особое внимание!» И английский адмирал просигналил: «Я вам передал приказ моего правительства. Теперь я лично преклоняюсь перед вашим мужеством. Вы можете свой флаг не спускать, вам будет оказана всякая помощь!» Дальнейшее пребывание «Китобоя» в Копенгагене было сплошным триумфом. Вдовствующая императрица Мария Федоровна приняла лейтенанта Ферсмана с его командой в своей резиденции, мэр города устроил команде прием, их всюду приглашали, поили, кормили...

А через 24 часа «Китобой» вышел в Средиземное море и в Севастополь, чтобы принять участие в Белой борьбе русских патриотов. О нем мы уже писали, он пришел в Бизерту!..

Слава Андреевскому флагу! Слава русским морякам!

Содержание юбилейной Памятки основано, главным образом, на следующих книгах:

Висковатов А. В., историк. – «История Русского флота». М, 1946.

Колыбель флота – Навигацкая школа – Морской корпус. Сборник к 250-летию со дня основания Школы математических и навигацких наук. 1701-1951. Издание Всезарубежного объединения морских организаций. Париж, 1951.

Кероновский А. А. – История Русской армии. Части I-II. Белград, 1936.

Монастырский, кап. 2-го ранга. – Морские рассказы. Париж, 1938.

Апрелев, кап. 2-го ранга. – Морские рассказы. Две книги. Париж, 1936.

Бострем М. Ф., адмирал. – Воспоминания. Адмирал В. В. Берг, А. А. Бубнов, Д. Н. Вердеревский, кап. 1-го ранга Г. К. Граф, К. Г. Житков, Н. Л. Клало, М. И. Смирнов, Д. Н. Федотов-Уайт и др.

Ф. Ф. Веселаго. – Очерки истории Морского кадетского корпуса с приложением списка воспитанников за 100 лет. СПБ, 1852.

А. С. Кротков – Морской кадетский корпус. СПБ, 1901.

Я. И. Павлинов. – Обзор преобразований к 200-летию Морского кадетского корпуса. СПБ, 1901.

А. Г. Тарсаидзе – «Морской корпус за четверть века». Нью-Йорк, 1944.

Русский биографический словарь. Изд. Русского Императорского Исторического общества А. А. Половцева. СПБ, 1897–1914 гг.

М. С. Стахович – «Морской журнал». Прага, 1936–1940 гг.

«Морской сборник» в зарубежье. 1930–1940 гг.

Я. И. Подгорный – «Зарубежный Морской сборник». Прага, 1938.

«Русская старина». СПБ . (За многие годы.)

Военная Энциклопедия, СПБ. Изд. 1914 г.

Воспоминания графа С. Ю. Витте.

Кроме этого использованы статьи в журнале «Часовой» за 1924–1960 гг. Авторы: адм. Кедров, Машуков, Герасимов, ст. лейт. Солодков, Стеблин-Каменский и многие другие.

ЕВГЕНИЙ КОРМИЛЕВ

РЕДКО ПРОИСХОДЯТ ЧУДЕСА, НО ОНИ СЛУЧАЮТСЯ

Описываемое мною произошло больше 75 лет тому назад, и я остался единственным живым свидетелем. Забыть это невозможно, и я не хочу, чтобы память об этом ушла в могилу вместе со мной. Это ярко врезалось в мою память, и ничто не в состоянии затмить происшедшее.

Когда в январе 1920 года началось наступление Красной армии на город Орел, наша семья, состоявшая из мамы, старшего брата, двух сестер-близнецов и меня, самого младшего в семье, 11-летнего мальчишки, решила продвигаться на юг, где еще находилась Белая армия, и спасаться в случае нужды за границей. Отец в это время

находился в Белой армии со своим старшим сыном от первого брака, и никаких сведений о них мы не имели.

Достигнув с большими трудностями Одессы, спасаясь от приближавшейся Красной армии, мы узнали, что отправиться за границу можно было только на борту большого грузового парохода, с которого еще раньше большевиками были сняты все двигательные машины. Хозяин его, грек, договорился с англичанами перетащить его на буксире в Болгарию, в Варну. Об этом намерении почти никто не знал, а погрузиться на какой-нибудь другой пароход, отходящий за границу, не было никакой возможности, так как все они были до отказа переполнены отступающими войсками Белой армии и беженцами.

Погода стояла тихая, море спокойное и, погрузившись, после полудня мы отплыли, ведомые на буксире. Однако под вечер стал дуть все усиливающийся ветер, перешедший в ураган. Все пассажиры разместились на нижней крытой палубе и должны были все время держаться за большие железные крючья, вделанные в борта для привязывания грузов.

Помещение, в котором мы расположились, шло от одного борта до другого; посередине находилось квадратное отверстие со сторонами длиной 8-10 метров, ведущее в три этажа трюмов, наверху огороженное лишь канатом, привязанным к столбам на высоте одного метра. У противоположного борта, между двух иллюминаторов, лежала огромная куча мелкого каменного угля; остальные места под бортами занимали пассажиры, разместившиеся, как и мы, на полу. Команда парохода состояла из помощника капитана и десятка греков, рыбаков, заменявших матросов. Несмотря на большой размер парохода, на нем находилось лишь 123 человека.

Как выяснилось впоследствии, наш пароход попал в налетевший циклон, и если бы не крючья, за которые мы держались, нам пришлось бы скользить от одного борта до другого.

На следующее утро мы узнали ужасную весть: трос, на котором буксир «Ланина» вел наш пароход, лопнул! Англичане с буксира некоторое время пытались перебросить ракетой другой канат, но, видимо, побоявшись близко подходить к нашему пароходу, вскоре покинули нас на произвол судьбы в бушующем море. Волны иногда перехлестывали через палубу, и наш пароход, как говорится, «без руля и без ветрил», понесло, как щепку.

Помощник капитана по компасу установил, что нас несло к малоазиатскому побережью, вдоль которого еще оставались поставленные во время войны подводные мины.

От страшной качки, накренявшей пароход иногда до 45 градусов, куча каменноугольной трухи рассыпалась, какой-то сундук и чемоданы кувыркались от одного борта до другого, угрожая людям, пока не упали в трюмы.

Слева от нас лежала одна дама с двумя маленькими детишками,

которых она чем-то привязала к себе, а сама держалась за железный крюк.

Нас мучил голод, непрестанное физическое напряжение и страшная жажда. Надежды на спасение ни у кого не оставалось, и измученные люди только молились. Мама сказала мне, чтобы я молился святому Николаю Чудотворцу, так как он считается защитником плавающих и путешествующих. Я усердно молился и мне начинало казаться, что бешеная качка немного утихала.

Вдруг дама с детьми вскрикнула: «Смотрите!», указывая рукой на противоположный борт. Над тем местом, где раньше находилась куча угля, я заметил прямоугольник, светящийся как бы от солнечных лучей. Свет усиливался, и ясно обрисовалась икона святого Николая Чудотворца в митре! Продержавшись какое-то время, свет стал бледнеть, и видение исчезло. Оно было замечено нашей соседкой, моей мамой, одной из моих сестер и мной. Никто другой этого не видел. У всех нас, сподобившихся увидеть это чудо, появилась твердая уверенность, что мы будем спасены. Впоследствии, когда мы описывали это видение друг другу, оказалось, что все мы видели совершенно одно и то же.

Брат был в это время на палубе. Спустившись к нам, он сказал, что вдали показались высокие горы, к которым несло наш пароход, и посоветовал подложить к бортам мягкие вещи, чтобы предохранить себя при столкновении парохода со скалами.

Через некоторое время наш пароход был приподнят огромной волной и с силой брошен на прибрежные скалы. Удержаться за крючья мы не смогли и покатились по полу, задержавшись только у загородки около лестницы, ведущей на палубу. Несколько человек, находившихся в середине помещения, оторвавшись от крюков, упали в трюмы, где разбились насмерть.

После первого удара мы услышали, будто горный поток вливается в трюмы. Последовало еще два аналогичных удара. Пароход осел и начал наполняться водой, но качка почти прекратилась, и пароход стал ерзать вперед и назад. Вода подтекала к нашему помещению, и мы все начали пробираться на палубу. Палуба и все вокруг было покрыто толстым слоем льда. От мачты, находившейся недалеко от выхода, отвязалась стрелка для подъема грузов и с силой носилась с одной стороны палубы на другую Надо было проскочить это место, чтобы не быть сброшенным за борт, и забежать за рубку со стороны берега, под навесом которой можно было укрыться от волн. Несколько человек были сброшены стрелкой в море. Перед нами возвышались крутые скалистые горы, внизу бушевало море.

Вскоре наступила ночь. Все стояли под навесом рубки, промокшие до костей, в промерзшей одежде, дрожавшие от холода. Вдруг высоко в горах появился движущийся огонек, а рядом с ним человеческие фигуры. Оказалось, это были турки со спасательной станции, находившейся неподалеку от места кораблекрушения. Они

спустились и перебросили нам канат для перетягивания людей на берег. Кажется, одного или двух человек успели перетянуть, но на этом работы прекратилась. Турки просигналили, что канаты ненадежны, наутро они принесут другие и продолжат спасательные работы. Выбора у нас не было, и в адских условиях, изголодавшимся, промерзшим и изможденным, нам пришлось дожидаться утра.

Под утро ветер и море поутихли. Вернулись турки и начали переправу людей на берег. К канату был подвешен спасательный круг с широкими кожаными штанами. Надо было становиться в эти штаны, чтобы не выпасть во время переправы. Поодиночке нас доставляли на берег. Когда набиралась группа из 10 человек, проводник вел их куда-то по протоптанной в глубоком снегу тропинке. Переправа людей затянулась до вечера. Нас приводили в какой-то дом в маленьком поселке и распределяли по кроватям, стоявшим рядами в большой комнате. Через некоторое время всем дали по маленькому стаканчику чая с малюсеньким кусочком хлеба. Это было все, чем нас накормили. На следующее утро, кажется, нам опять дали по стаканчику чая с кусочком хлеба.

Днем было замечено проходящее невдалеке от побережья большое военное судно. Турки связались с ним и дали знать о нас. Судно оказалось английским дредноутом «Император Индии». Он остановился, бросил якорь и послал к берегу катер. Прибывшие матросы сварили рис и раздали каждому по тарелке вместе с большой сухой галетой. Тогда мне казалось, что я никогда в жизни ничего вкуснее не ел.

На следующее утро нас посадили на открытые телеги, запряженные волами, и повезли по изрытой и размытой каменистой дороге вдоль берега к какой-то маленькой пристани. По дороге мы видели торчащие из воды концы пароходных труб и мачт разбитых и затонувших пароходов. Это побережье носило название «Пароходного кладбища», так как обычно во время бурь к нему прибивало и разбивало о скалы корабли.

С нашего парохода удалось спасти около ста человек, остальные погибли: одни упали в трюм, другие были сброшены в море оторвавшейся от мачты стрелкой.

Когда мы очутились на берегу, у нас из всех вещей остались лишь небольшой чемоданчик и саквояж с какими-то безделушками и некоторыми документами.

Впоследствии было установлено, что наш пароход получил в дне пробоину длиной около трех сажен, наскочив на подводную скалу. Наполнившись быстро водой, он представлял собой тяжесть, которую даже огромные волны не смогли сорвать со скалы. Благодаря этому пароход не затонул и мы спаслись.

Да, хоть и не часто, но случаются на свете чудеса! Никак иначе происшедшее с нами не назовешь. Какая судьба постигла буксирный пароходик «Ланина», мы не узнали.

Когда мы подъехали к пристани, англичане посадили нас на небольшой пароходик и отправили в госпиталь «Фанор» в военно-полевом лагере, находившемся на малоазиатском побережье. Там нас приняли на английский паек, дали возможность выкупаться, выдали кое-какое белье и военное обмундирование. Через несколько дней нас отправили на остров Принкипо, один из Принцевых островов, лежавших в Мраморном море. Этот остров тогда находился под английским управлением и временно служил для размещения русских беженцев. Остров считался курортным, но зимой дачи на нем пустовали. К весне нас перевезли на остров Лемнос, лежащий в Эгейском море. Там мы провели все лето, живя в маленьких круглых палатках в одном из восьми беженских лагерей, разбитых в песчаной пустыне вдоль морской бухты.

К осени начали дуть сильные норд-осты, часто срывавшие палатки, и нас перебросили в Сербию, где пришлось начинать новую жизнь.

«Православная Русь», № 22, октябрь 1991 г.

НАТАЛИЯ ПОРФИРЕНКО

«НА МНЕ НЕТ НИКАКОГО ПЯТНА...»

(к изданию воспоминаний Э. Н. Гиацинтова)

Сейчас в России публикацией мемуаров «белых», казалось бы, трудно кого-либо удивить. Огромными тиражами различные журналы и издательства, словно в бешеной гонке, стремясь опередить друг друга, «открывают» отечественному читателю Деникина, Врангеля, Краснова, Шкуро... И делать это несложно, благо русская эмиграция оставила им, по сути дела, неисчерпаемое литературное наследство. И издателям остается только брать и перепечатывать, не мучая себя ни вопросами о возможных правах наследников автора (пусть они черным по белому и зафиксированы на самом видном месте – как в случае с воспоминаниями барона П. Н. Врангеля) или о целесообразности подготовки обстоятельных научных комментариев специалистов – последнее отнимает драгоценный выигрыш во времени перед конкурентами и обязывает выплачивать гонорары, без чего вполне можно обойтись...

Вышедшая в Петербурге 50-тысячным тиражом книга Эраста Гиацинтова «Записки белого офицера» привлекла наше внимание

именно тем, что она принципиально отличается от всех подобных изданий. Подготовленная к печати Виктором Бортневским, главным редактором историко-документального альманаха «Русское прошлое», она, как и альманах, содержит никогда ранее не издававшиеся материалы, тщательно исследованные и прокомментированные публикатором.

История появления этой книги имеет почти детективный характер. В конце 80-х годов, получив возможность работать с хранящимися в Москве коллекциями бывшего Пражского Русского заграничного исторического архива, Виктор Бортневский обнаружил там рукопись воспоминаний своего двоюродного деда – кадрового офицера Эраста Николаевича Гиацинтова (1894–1975), о судьбе коего после революционной смуты он не имел никаких сведений. Последовавшие затем поиски выявили новые и новые материалы, в том числе и у обнаруженных в Америке детей Э. Н. Гиацинтова. В результате анализа и обобщения различных по происхождению документальных материалов и появилась рецензируемая книга.

Основную часть «Записок белого офицера» составляют три толстые ученические тетрадки, переданные в 1926 г. автором, в то время студентом Пражского Политехнического института, на хранение в Русский заграничный исторический архив. Содержание их, пожалуй, не имеет аналогов в отечественной мемуаристике по обилию фактического материала о неизвестных или малоизвестных событиях 1917 г. и русской эмиграции. В первой тетрадке приводится уникальная информация о борьбе с разложением армии и подавлении антиправительственных выступлений на Юго-Западном фронте, в которых «волею судеб» довелось принять самое деятельное участие автору, штабс-капитану 3-й гренадерской артиллерийской бригады. Изучение и сопоставление материалов различных архивов позволило определить, что речь идет о карательной операции, наиболее значительной по своим трагическим результатам и потерям бунтовщиков, никак не отраженной в необозримом море исследовательской и мемуарной литературы о русской армии 1917 года. В двух других пражских тетрадках – «Белые рабы. Воспоминания капрала о жизни русских в Иностранном легионе». Посвящены эти записки одному из поистине белых пятен трагической истории русской эмиграции первой волны – службе эмигрантов (а их было более 10 тысяч!) во французском Иностранном легионе на Ближнем Востоке. Автор был легионером в 1921–1922 гг. и ярко описал как свой собственный «печальный опыт», так и широкую панораму событий. Перед читателем встает впечатляющая картина беспросветной нужды и лишений, заставлявших полковников вставать в строй рядовыми и подчиняться беспрекословно сержантам, а то и ефрейторам. При этом наши соотечественники были зачастую лишены даже тех прав, которые предоставлялись французским солдатам. Однако добросовестное отношение русских людей к любому, даже самому черному труду, их

сплоченность, взаимовыручка, чувство собственного достоинства, религиозность, патриотизм – все это заставляло относиться к ним с уважением как со стороны населения заморских провинций, так и французов.

Вторую часть книги составляют воспоминания «Моим детям и внукам», условно озаглавленные так публикатором. Это обработка магнитофонных записей, сделанных Э. Н. Гиацинтовым на рубеже 60-70-х гг., в конце его долгой и трудной жизни. Здесь и родословная автора, и рассказ о семье, бабушках и дедушках, близких и любимых людях, описание жизни в обеих столицах и родовых усадьбах. Николаевский кадетский корпус, Константиновское артиллерийское училище, фронтовой быт Первой мировой войны, белое подполье в большевистской Москве и, наконец, Добровольческая армия, служба в прославленной Марковской артиллерии, крымская эвакуация ноября 1920 г. И через все эти годы красной нитью проходит неистребимое благородство, поразительная скромность, чувство долга, глубокой ответственности перед Родиной, предками и потомками. И если отец автора, тайный советник и директор Департамента железнодорожных дел, имея право по должности на собственный салон-вагон, считает совершенно необходимым покупать в этот вагон для членов своей семьи билеты первого класса, никакими контролерами не проверяемые, то сам Э. Н. Гиацинтов скупо и лаконично рассказывает о подвиге, за который он в 1915 г. был представлен к ордену Св. Георгия и искренне убежден, что проведенная под его началом в сентябре 1919 г. фантастическая по дерзости и успеху конная атака восьми марковцев артиллеристов на красный батальон (!) – «никакое не геройство, а выполнение своего воинского долга и ничего больше».

Третью часть книги составляют письма, которые Э. Н. Гиацинтов через надежных людей переправлял в 60-х – начале 70-х гг. в Москву своей двоюродной сестре, известной артистке С. В. Гиацинтовой, самому близкому для него на родине человеку. Письма эти после смерти Гиацинтовой в 1982 г. хранились в личном архиве ее племянника И. М. Родионова. В этой трогательной переписке Софья Владимировна была для Эраста Николаевича не просто любимой кузиной и даже не просто незабываемой любовью его юности, а олицетворяла боготворимую им Россию, отрезанную от него навсегда. «Ты пишешь, что нас разделяют океаны. Я думаю, что мы живем в разных мирах. Ты не ближе от меня, чем если б Ты жила на Венере или на Марсе. Все это сделала человеческая подлость». И, рассказывая о себе, он как бы исповедуется перед Родиной, отчитывается в выполнении своего нравственного долга. Поэтому через все письма проходит мысль о правильности сделанного им в 1917 г. выбора: «*Если бы часовая стрелка передвинулась бы на 50 лет назад, я бы снова повторил то, что когда-то сделал, ничего не изменив в своей судьбе... Что касается меня, то, даже зная все катастрофы* **я не**

мог и не смел поступить иначе. *По крайней мере я уйду из этой жизни[...] с чистой совестью. На мне нет никакого пятна...»*

Особо следует сказать об академической части «Записок белого офицера». Книга снабжена обстоятельной вступительной статьей и подробными биографическими сведениями об авторе и источниковедческим анализом публикуемых воспоминаний. Богатый информативный материал содержат комментарии, подготовленные, главным образом, на основе изучения Виктором Бортневским многочисленных документов государственных и частных архивов России и русского зарубежья. Это позволило как подтвердить историческую ценность и высокую степень фактической точности мемуаров, так и выявить неминуемые неточности и ошибки памяти. Для примера приведем лишь один характерный факт. Рукопись воспоминаний о 1917 г. была зашифрована Э. Н. Гиацинтовым, «дабы не навлечь ни на кого карающей десницы советской власти»: названия воинских частей, фамилии офицеров и нижних чинов обозначались лишь первыми буквами. Бортневскому удалось не только выявить участвовавшие в событиях полки, бригады, дивизии, определить фамилии нескольких десятков фейерверкеров, фельдфебелей, прапорщиков, штабс-капитанов, полковников, но и дать им в комментариях яркие характеристики на основе архивных послужных документов и штабной переписки. Несомненный интерес представляют первые публикуемые фотографии из семейных архивов, сохранившиеся родственниками автора в России и Америке.

И последнее, что хочется сказать по поводу «Записок белого офицера». У читателя сегодняшней России после их прочтения, пожалуй, не может не возникнуть впечатления об авторе как о каком-то особо выдающемся человеке. А он в действительности был всего лишь одним из многих и многих тысяч людей своего времени, представителем той культурной среды, которая безвозвратно ушла в небытие на Родине и пыталась как-то приютиться на чужбине. И от этого еще более значительными и в то же время еще более трагичными представляются мемуары Эраста Гиацинтова. «Читаю книги, вижу, так много фальши как с одной, так и с другой стороны, – писал он, находясь в эмиграции. – Нас изображают как каких-то извергов или как святых. Все это чушь. Мы никогда не были ни теми, ни другими».

Хорошо бы, чтоб историки находили и публиковали все новые и новые документальные свидетельства таких людей. Это не только позволит понять истоки и сущность Белого движения, трагедию русской эмиграции, но и, хочется верить, поможет гражданам огромной, но пока еще больной и бедной России стать чище, духовнее, порядочнее.

* Гиацинтов Эраст. Записки белого офицера./ Вступит. статья, подготовка текста и коммент. В. Г. Бортневского. СПб, «Интерполиграфцентр», 1992, 267 с., илл.

С. НОВИКОВ

КОНЕЦ РОДНОГО ЛЕЙБ-ГВАРДИИ УЛАНСКОГО ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА ПОЛКА

25 октября 1917 года в Петрограде большевики свергли Временное правительство. Переворот этот произошел почти безболезненно. Бой был только у Зимнего дворца, который защищали в ночь с 25 на 26 октября женский батальон и юнкера. Жители города, выйдя 26-го утром на улицы, не знали даже, что власть уже в руках большевиков.

Не то было в Москве. Начавшееся там 27 октября восстание продолжалось неделю (по 4 ноября), в продолжение которой между войсками Временного правительства и большевиками велся ожесточенный бой. Вся Москва обстреливалась тяжелой и легкой артиллерией, по улицам рылись окопы, и не было дома, на котором не осталось бы следа семидневного кровопролития. В этих боях должна была принять участие и наше бригада, на которую Временное правительство возлагало большие надежы.

Двинутая в конце октября 1917 года из района города Старо-Константинов, где она стояла в армейском резерве, бригада наша погрузилась на станции Шепетовка. Командовал бригадой полковник князь Эристов (командир улан Его Величества), уланами Его Величества временно командовал полковник Домонтович (погиб в армии адмирала Колчака). Гродненскими гусарами командовал полковник Лазарев и 3-й гвардейской конной батареей – полковник Лагодовский (описание пути следования бригады в Москву и прибытие ее в Гжатск взяты из записок полковника Лагодовского).

О движении бригады в Москву стало известно повсюду, и железнодорожники делали все, чтобы затормозить движение эшелонов. Многие узловые станции, через которые проходил путь бригады, были стоянками запасных батальонов, наиболее распропагандированных и вообще потерявших уже воинский вид. Во избежание нападения таких вооруженных толп на отдельные эшелоны бригада двигалась так, что каждый эшелон шел на хвосте у предыдущего. Таким образом, на каждую станцию приходила почти вся бригада, представляя собой такую внушительную организованную силу, что напасть на нее никто не осмеливался. Но такой способ движения сильно замедлял скорость переброски бригады.

Шла бригада почему-то не кратчайшим путем через Киев, а

кружным – через Смоленск. Прохождение через эти два пункта было особенно трудным. В Смоленске стояло несколько запасных батальонов и были получены сведения о том, что бригаду через Смоленск не пропустят. Когда эшелоны бригады уже находились на запасных путях станции Смоленск, вокзал и все кругом кишело серой толпой в солдатских шинелях. На перроне был выставлен караул от уланского полка и посланы унтер-офицерские патрули от всех частей бригады – улан, гусар и батареи – для наблюдения за порядком. Часть офицеров (по очереди) была отпущена в станционный буфет закусить. В своих воспоминаниях полковник Лагодовский пишет:

«В буфет мы шли среди густой толпы солдат запасных батальонов, еле раздававшихся, чтобы дать нам пройти. Чести никто из них не отдавал. Три четверти часа спустя мы возвращались обратно в вагоны: на перроне была почти полная пустота и лишь виднелись красные погоны наших уланских и малиновые гусарских патрульных в полной боевой амуниции. Изредка встречались отдельные фигуры, боязливо отдававшие честь солдат смоленского гарнизона, менее часа тому назад нагло и вызывающе глазевших на нас, не отдавая чести. Понадобилось меньше часа времени на то, чтобы в районе вокзала был восстановлен полный порядок и чинопочитание».

Несколько тысяч (как говорили – более десяти) солдат Смоленского гарнизона не решились привести в исполнение свои угрозы и никаких враждебных действий по отношению к нам не предпринимали.

Почти то же самое произошло и в Вязьме. Местный гарнизон не хотел пропустить бригаду дальше, но грозный вид эшелонов с пулеметами, выставленными в окнах вагонов, воздействовал, и гарнизон не посмел препятствовать дальнейшему движению.

Так бригада благополучно дошла до Гжатска. Здесь она была встречена делегацией от московских эсэров, человек 5-6, в большинстве студентов, которые устроили митинг с речами в стиле Керенского о завоеваниях революции, свободе, о мире без аннексий и контрибуций, об измене большевиков, о революции в опасности и т. д. Этим они, вероятно, думали раздуть военный пыл бригады для предстоящих уличных боев в Москве.

В разгар митинга слева, со стороны Москвы, показался дымок, и к станции подошел паровоз, скрывавшийся под украшавшими его красными флагами. С паровоза слезли три каких-то человека. Один из них, лет 40-45, в форме инженера путей сообщения отрекомендовался: «Делегация Викжеля» (Всероссийский исполнительный комитет железных дорог).

– Прошу слова, товарищи! – заявил он совершенно охрипшим, очевидно, от речей голосом.

– Слово предоставляется товарищу председателя делегации

Викжеля, – провозгласил уланский унтер-офицер, председатель бригадного комитета.

И охрипший инженер начал свою речь, которую закончил призывом перебить всех офицеров и идти на Москву, где борьба между «реакцией» и революцией уже закончена, для усиления рядов международного пролетариата.

Присутствовавшие на митинге солдаты бригады стояли молча, потупив головы.

Наведенные по телефону справки подтвердили, что бои в Москве закончились победой большевиков. Теперь вопрос шел уже не о подавлении восстания, а о свержении большевиков, захвативших власть.

Положение офицеров было тоже затруднительным. Обстановка изменилась, и временно командующий бригадой командир уланского полка полковник князь Эристов, не беря на себя ответственности выполнять прежнюю задачу при сложившейся новой обстановке, решил запросить ставку Верховного Главнокомандующего.

Во избежание всяких недоразумений, подозрений и кривотолков во время разговоров, проходивших по прямому проводу с самим Верховным Главнокомандующим генералом Духониным, в телеграфную комнату станции Гжатск командующим бригадой были приглашены командиры полков, командир 3-й гвардейской конной артиллерии и председатели комитетов, бригадного, полковых и батарейного.

Верховному Главнокомандующему было доложено, что Викжель отказывается везти бригаду дальше и что, если прежнее приказание остается в силе, бригада должна будет двигаться на Москву походным порядком. Ввиду полученных сведений о прекращении борьбы в Москве и захвата власти большевиками, испрашиваются дальнейшие указания.

Затаив дыхание, смотрели все присутствовавшие на безмолвствующий аппарат. Проходили минуты, казавшиеся бесконечными. Наконец аппарат застучал.

– У аппарата генерал Духонин, – медленно читал телеграфный чиновник. – При создавшейся новой обстановке не считаю возможным отдать приказ о выполнении прежней задачи. Прошу вас передать мою благодарность обоим полкам и батарее. Возрожденная Россия не забудет имен тех частей, которые в эти тяжелые минуты разрухи и развала беспрекословно исполнили приказ своего Верховного Главнокомандующего и, несмотря ни на какие трудности и препятствия, прошли с далекого юго-западного фронта почти до самой Москвы, оставаясь до конца непоколебимо верными долгу перед родиной и своей присяге. Недаром командование избрало для этого похода именно вашу бригаду. Оно в ней не ошиблось. Возрожденная Россия не забудет ни вас, ни ваших частей.

Поход на Москву был окончен. Бригада разгрузилась в Гжатске и в первых числах ноября разместилась в окрестных деревнях. Дальнейшее показало, что делать здесь было абсолютно нечего. Когда проезд в Москву стал возможен, из полка уехали полковник князь Эристов – в Грузию, полковник Гершельман – на Дон. В командование бригадой вступил полковник Домонтович 1-й, уланами командовал полковник Домонтович 2-й. Перед отъездом князю Эристову были устроены офицерами скромные проводы. Хоры песенников и балалаечников сами просили спеть и сыграть в последний раз командиру полка (отмечаю этот случай, так как с начала революции он был единственным). У офицеров, присутствовавших на проводах, на глазах стояли слезы. Не радостное и бодрое чувство навевали теперь чудные песни эскадрона Его Величества, грустно было их слушать. Вспоминался старый славный родной полк.

Остановлюсь на причинах неудачи движения бригады на Москву для подавления восстания большевиков. Бригада была послана слишком поздно и по длинному, тормозившему движение пути. Кроме того, Временное правительство имело случай еще раз порадоваться своим революционным нововведениям в армии: резолюциям комитетов, переговорам, разговорам, голосованиям и т. д. – все это тогда сыграло на руку большевикам и не дало правительству возможности воспользоваться своими наиболее надежными частями войск. Верховное командование, то есть ставка, в решительную минуту показала свое безволие и чуть ли не предложила комитетам частей принять дальнейшее решение.

Узнав, что полк в Гжатске, я с нетерпением ждал возможности вырваться из Москвы и вернуться в полк. Царившие в те дни полный хаос и растерянность самих же большевиков позволили мне сразу же выехать из Москвы. Вообще вначале я свободно ходил по Москве, не сняв своих погон. Только при выходе из Кремля, где жили мои родители, меня останавливали караульные и угрожали, видя погоны. Я понял, что долго оставаться в Москве нельзя. И вот после моего отъезда еще из района Старо-Константинова я снова увидел полк и немногих остававшихся там офицеров уже в Гжатске.

В конце сентября 1917 года, когда полк стоял на позиции в местечке Гжималув, практиковавшееся в других частях выражение доверия и недоверия солдат к своим офицерам проникло и в наш полк. Доверие и недоверие выражались солдатами официально, через эскадронные и полковые комитеты, как того требовал революционный порядок, – голосованием. Это было введено Керенским, разрешившим для поддержания якобы спайки, единения и боеспособности частей, удалять из частей офицеров, коим выражено недоверие. Здесь Керенский несколько ошибся, недоверие стало выражаться, главным образом, только настоящим

офицерам, начальникам. Но этот приказ имел все-таки и положительную сторону, так как дал возможность многим офицерам уехать, избавившись от кошмарной обстановки, царившей в полках в то время. Начался разъезд офицеров и из нашего полка. Офицеры поляки воспользовались тем, что имели право перейти в свои части.

В то же время отношение улан к оставшимся в полку немногим офицерам стало исключительно хорошим. Полковой комитет с председателем своим, унтер-офицером Соболевым, относившийся еще недавно с таким недоверием и враждой к офицерам, увидел, что большевики окончательно разваливают части, что отсутствие офицеров только ослабляет полк. Начавшееся же в бригаде «украинское» движение заставило вожаков как-то опомниться. Многие офицеры должны были уехать с украинцами, таким образом в полку оставалось не более 5-6 офицеров. Полковой комитет стал выносить резолюции с выражением полного доверия остающимся и с просьбой не покидать полка, а совместно поддерживать дисциплину...

Но сохранить после национальных отделений, только красными погонами с синим кантом напоминавшими когда-то славный лейб-гвардии уланский Его Величества полк, вряд ли уже было возможно. Об этом говорило все, и это видели оставшиеся в нем офицеры во главе с полковником Домонтовичем 2-м, который взял на себя нелегкую задачу покинуть полк последним, дав предварительно всем офицерам возможность под разными предлогами уехать.

Когда бригада стояла в Гжатске, в частях проводился приказ о выборах в Учредительное собрание. Уланы, за редким исключением, голосовали за большевистские списки. Тяжела была жизнь офицеров в этом полку. Нелегко было быть свидетелями гибели своего родного полка, и каждый с нетерпением ждал очереди уехать. Все чаще доходили слухи о восстаниях на юге, становилось ясно, что в своих частях делать было нечего. Оставалось одно: искать другой путь для спасения России, на котором могли бы объединиться с оружием в руках одинаково мыслящие патриоты. Для этого надо было любыми способами пробраться в южную часть России, где обстановка еще позволяла осмотреться и принять решение.

Поэтому офицеры полка решили попасть на юг, восстановить фронт против немцев и не допустить позорного мира.

Немалую роль в истории полка во время революции сыграло украинское движение. Еще несколько месяцев назад Временное правительство разрешило украинцам постепенно формировать свои национальные части.

В описываемое время, в конце октября и начале ноября 1917 года, украинизация прогрессировала, как и во всей революционной стране. Солдат украинцев это как нельзя больше устраивало. Они таким образом попадали к себе домой. О том, что это ослабляло фронт, что эшелоны с формирующимися частями забивали железные

дороги, свободные граждане не задумывались. Большевики, сменившие Временное правительство, вначале не препятствовали этим формированиям. Украинским движением воспользовались и офицеры нашего полка. Половина солдат в нашем полку были украинцы. У гродненцев было примерно то же самое. Они решили на полковых радах организовать отдельную часть для отправки на Украину. В начале октября делегаты от полковых рад поехали в Москву, чтобы переговорить там с представителями Краевой рады и получить разрешение на отделение, которое и было получено. Из нашей бригады разрешалось сформировать украинскую бригаду из двух полков с батареей. Уланы должны были сформировать Сердючный запорожский конный полк, гусары – полк гетмана Сагайдачного, а 3-я гвардейская конная батарея – батарею еще какого-то гетмана.

Солдаты новой бригады просили полковника Домонтовича 1-го принять командование. Он согласился и приступил к формированию. Уланы-украинцы тоже приглашали к себе наших офицеров, что совпадало с желанием последних пробраться на юг. Часть офицеров таким образом могла уехать. У полковника Домонтовича 1-го была мысль попасть на Украину, в казачьи области. Там он хотел подробнее узнать о движении, начавшемся на Дону.

На предложение служить в Запорожском полку согласились: ротмистр Стасюлевич, штабс-ротмистр Ковалинский, штабс-ротмистр Борзенко, штабс-ротмистр Афанасьев, поручики Полянский, граф Ферзен и прапорщик Арцимович.

Каждый эскадрон уланского полка выделял в Запорожский полк 40-50 шашек. Имущество тоже делилось пополам.

Так произошло разделение полка на две части. В конце ноября предполагалась отправка бригады на Украину.

Одновременно и поляки получили разрешение на выделение из бригады своих солдат в отдельный эскадрон, отправлявшийся в Польшу. Формировать его приехал поляк – ротмистр Масловский. В этот польский эскадрон ушли из полка его командиром штабс-ротмистр барон Бистром, поручик Фаневич и прапорщик Велиовейский.

В эскадронных комитетах вызвало большие споры еще одно формирование, происходившее в полку, а именно – отряда особого назначения для охраны посольств и консульств в Персии. На этом формировании стоит остановиться подробнее, так как оно тесно связано с началом существования улан Его Величества в Добровольческой армии.

В конце августа 1917 г., после неудачи корниловского выступления (28 августа), много офицеров, командированных из частей в ставку для участия в нем, не могли вернуться обратно в свои полки. От нас ездили в ставку офицеры: полковник Домонтович 1-й,

штабс-ротмистры Алексеев, Хан Нахичеванский 2-й, Линицкий, И. Н. Фермор и поручики Муханов и Головин. Хан Нахичеванский был послан генералом Корниловым с письмом к генералу Каледину, каковое и доставил. Чтобы устроить хоть часть этих офицеров, Генерал Алексеев ходатайствовал о разрешении Главковерха на формирование вышеназванного отряда. Местом формирования предполагался город Новочеркасск. Но донские казаки отклонили это, и был выбран гор. Ставрополь. Истинное назначение отряда сводилось к созданию надежной части, без комитетов, которую можно было бы использовать для борьбы с анархией. Близость места формирования к восставшим уже казакам должна была способствовать осуществлению замысла.

Сформировать дивизион в два эскадрона с пулеметной командой было поручено ротмистру 4-го гусарского Мариупольского полка Л. Д. Яновскому, позже – полковнику, командиру 4-го Кубанского казачьего полка в Добровольческой армии.

Офицеры нашего полка, принимавшие участие в корниловском выступлении, сразу зачислялись в дивизион. Как будет видно ниже, дивизиону так и не суждено было существовать, но печать его была, находилась у штаб-ротмистра И. Н. Фермора, намечавшегося в адъютанты, и многих офицеров выручила. С ее помощью они могли свободно перемещаться, а коменданты городов в творящейся безалаберщине едва ли знали, есть такая часть или нет.

Ротмистр Яновский приехал к нам в конце ноября для набора солдат в дивизию. С разрешения полкового комитета он обходил эскадроны, предлагая записываться в дивизион, указывая, что служба в нем будет нестись по старому уставу и без комитетов, так как в Персии, то есть за границей, разрешено части находиться только на этих условиях. Это должно было удержать нежелательный элемент от поступления в дивизион. Как ни странно, полковой комитет после долгих прений принял резолюцию, что не будет препятствовать желающим поступать в этот дивизион.

Отношение к этому в эскадронах было различным. В одном кричали, что затевается ловушка, и категорически отказывались кого бы то ни было отпускать. В другом отпустили людей, но не дали лошадей и снаряжения, в третьем никому и ничему не препятствовали. Из команды связи записалась почти половина. К тому же в дивизион ехал ее начальник штабс-ротмистр Потоцкий 2-й, которого солдаты любили. Всего записалось около 40 улан. Таким образом, маленький эшелон Персидского конного дивизиона в составе трех офицеров: штабс-ротмистра Потоцкого, штабс-ротмистра Новикова (то есть меня) и поручика Головина, около 40 улан и 40 лошадей, должен был отправиться из Гжатска по маршруту Могилев–Киев–Ростов-на-Дону вместе с эшелонами украинской бригады, шедшей тоже на Киев.

Общая погрузка и отправка были назначены на 1 декабря.

При погрузке произошли недоразумения. Из-за того, что не было официальных бумаг ни на формирование дивизиона, ни на погрузку, то железнодорожники не давали вагонов и запрашивали Москву. Там, конечно, ничего не знали. Помог нам, как и не раз впоследствии, повсеместный хаос. Дивизиону предоставили пять вагонов. Но когда наши вагоны стали прицеплять к составу украинцев, 5 и 6 эскадронам Запорожского полка, те отказывались, говоря, что, может, это контрреволюционный дивизион и украинцы могут невольно способствовать его переброске, и что из-за этого их могут задержать в пути. После долгих увещеваний их удалось убедить.

1 декабря под вечер украинцы, поляки и зачатки Персидского дивизиона покинули Гжатск и свой старый родной полк. В Гжатске с полком остались: командующий полковник Домонтович 2-й, штаб-ротмистр Молоствов, штабс-ротмистр Салтыков, корнет Силин, прапорщик князь Меликов и прапорщик Трейдон, произведенный во время революции из вахмистров.

Нелегко им было оставаться, видя, как все разъезжаются, хотя большевизм еще не проник в полк. Видно это было из следующего: в Гжатске стояли пехотные армейские части полностью большевизированные. Комитеты этих частей предлагали и нашему полку снять погоны. Но наш полковой комитет ответил, что если им нравится не носить погоны, пускай снимают, наш полк этого не сделает, и чтобы впредь с подобными требованиями во избежание недоразумений не обращались.

Орша, вторая большая станция после Гжатска на пути следования, и была камнем преткновения. Здесь закончила свое недолгое существование украинская бригада, та же участь ожидала и польский эскадрон, и Персидский дивизион. Но судьба, а скорей все тот же хаос, оказалась еще раз верным нашим помощником.

На станции Орша начальники наших эшелонов пошли узнать у коменданта, скоро ли дальнейшая отправка. Но того не оказалось на месте, он отправился в город усмирять пьяную чернь, разбившую цистерну со спиртом и перепившуюся. Примерно через час появился революционный комендант – молодой солдат-большевик в расстегнутой шинели без погон, в фуражке на затылке, сильно навеселе. На обращение украинцев он ответил: «Украинцев? Никуда не пущу. Здесь будете разгружаться. На то есть у меня приказ главковерха Крыленко». Полковые рады стали запрашивать Могилев, ставку. Оттуда такой же ответ: украинские эшелоны на юг не пропускать!

Мы, офицеры Персидского дивизиона, думая, что украинцам все же удастся после переговоров со ставкой двинуться дальше, о себе пока не напоминали, думая проскочить незаметно. Но когда украинцы получили категорический отказ, штаб-ротмистр Потоцкий применил тактический ход: когда же отправят нас, пять вагонов

Персидского дивизиона, *случайно* прицепленных к украинскому эшелону?

– А это что еще такое? Насчет вас у меня никаких указаний из ставки нет, а без ее разрешения тоже не пропущу! – ответил подвыпивший комендант.

Он был прав. Относительно нас едва ли где было известно. Рассчитывать на разрешение ставки не было никакой возможности. Убедить коменданта взялся штабс-ротмистр Потоцкий, пытаясь воспользоваться его опьянением, убеждая его, что тот и сам может решить простой вопрос, будучи поставленным на такой ответственный пост. Несмотря на то, что это все льстило пьяному солдату, отправить эшелон он побоялся и только разрешил Потоцкому лично переговорить по прямому проводу со ставкой. Делать было нечего, пришлось стать к аппарату и вызывать Могилев. Переговоры со ставкой прекрасно характеризуют те дни: задача главковерха сводилась тогда к тому, главным образом, чтобы пропустить или задержать, как в нашем случае, такой-то эшелон из двух-трех десятков людей и разоружить или нет какую-либо часть.

Разговор был таков:

– У аппарата начальник эшелона формирующегося конного дивизиона для охраны посольств и консульств в Персии. Прошу разрешения на пропуск, без коего комендант станции Орша не пропускает.

– У аппарата такой-то. Сейчас передам главковерху... Главковерх спрашивает, что это за дивизион и кем разрешено его формирование?

– Дивизион идет для несения службы в Персии, а формирование разрешено революционным главковерхом.

На благоприятный ответ мы почти не рассчитывали, наоборот, ждали, что нас арестуют или в лучшем случае мы разделим участь украинцев. Поэтому понятно, в каком волнении мы стояли у аппарата. Наконец телеграфист прочел ленту:

– Главковерх знает и пропустить разрешает. Сколько офицеров и солдат?

Видимо, малочисленность состава его успокоила окончательно. Едва ли товарищ Крыленко знал что-либо о нашем дивизионе, ему просто хотелось показать, видимо, что он в курсе всех дел, в особенности дел своего предшественника. Так или иначе разрешение было получено, и мы облегченно вздохнули. Теперь, когда вспоминаешь обо всех этих разговорах с комендантом и с Крыленко, находишь их достойными страниц юмористического журнала, тогда же это были жуткие минуты.

Теперь было самое время напомнить полковой украинской раде о препирательствах в Гжатске: «Из-за вас, мол, контрреволюционеров, нас задержат в пути».

Полякам в те дни большевики ни в чем не препятствовали, и они получили пропуск без затруднений. Нам было с ними по пути до

Могилева, наши пять вагонов сцепили и дали паровоз. Железнодорожные маневры заняли всю ночь и часть следующего дня. Ночью из Гжатска подошел второй эшелон украинцев во главе с полковником Домонтовичем 1-м. Мы тотчас поставили их в известность о событиях. Приходилось вообще опасаться за дальнейшую судьбу украинской бригады. Полковник Домонтович решил дождаться, когда здесь сосредоточатся все украинские эшелоны и затем пробиваться силой. Это казалось возможным, так как в Орше уже стояли донские части, которые большевики не пропускали на Дон, чем казаки немало возмущались, и можно было рассчитывать на их содействие.

Но командный состав в те времена не представлял собой ничего, все командование находилось, в сущности, в руках самих солдат и комитетов. Так было и у донцов, и у украинцев. Все были разложены и развращены революцией наравне с русскими частями. У солдат вступать в бой не было ни малейшего желания. Украинцы хотели уладить вопрос переговорами. Настроение у них было очень подавленное.

На следующий день утром в вагонах появились делегаты от местного большевистского гарнизона – два-три солдата и один офицер военного времени. Держались и говорили они очень сдержанно и очень не шел к их лицам заискивающий тон, с которым они обращались к украинцам. Заметна была еще старая уланская школа, смущавшая делегатов. Возможно, им было приказано только произвести разведку о намерениях бригады. На их предложение снять погоны, украинцы ответили, что их, украинцев, большевистские приказы не касаются. Говорили также, что если эшелоны не пропустят, то они пробьются силой.

Отправка нашего польско-персидского эшелона состоялась под вечер того же дня. Мы попрощались с остающимися в Орше однополчанами. Эшелон наш двинулся на Могилев. Не думали мы тогда, что не увидимся уже с полковником Домонтовичем 1-м. Его расстреляли в Киеве 27 февраля 1918 года. Расстрелянный вместе с ним штабс-ротмистр Борзенко, получивший несколько ранений револьверными пулями, чудом был спасен.

На следующий день после нашего отъезда из Орши на рассвете были обнаружены залегшие по обеим сторонам железнодорожного полотна, где стояли эшелоны украинцев, сильные большевистские цепи с пулеметами. Большевики потребовали от солдат сдать оружие и конский состав. Так украинцы были обезоружены, имущество отобрано, и все они без погон были отпущены на все четыре стороны. Полковник Домонтович 1-й с офицерами проехал в Киев, назначив солдатам тот же сборный пункт. Из этого плана ничего не вышло, в январе 1918 года Киев был занят большевиками. Солдаты предпочли разойтись по домам, а некоторые вернулись даже в Гжатск. Каким-то

чудом удалось проскочить на Украину только одному эшелону Запорожского полка под командованием штабс-ротмистра Афанасьева, вышедшему из Гжатска за сутки до начала общего движения.

Наш эшелон дошел до Могилева благополучно. Здесь все эшелоны задерживались и пропуска давала сама ставка. Начальника нашего эшелона вызвал к себе сам «товарищ» Крыленко. Пошел к нему командующий польским эскадроном штабс-ротмистр барон Бистром. Мы решили о себе не напоминать, а проскочить вместе с поляками. С нетерпением ждали возвращения барона Бистрома от главковерха. Придя в нашу теплушку, Бистром рассказал о свидании с Крыленко. Главковерх жил не в городе, а в великолепном штабном поезде. Охранялся поезд сильным конвоем, у дверей вагона Крыленко стояли парные часовые. Прежде чем начать разговор с Бистромом, Крыленко долго на него пронизывающе смотрел, желая, по-видимому, произвести впечатление. Затем, отчеканивая каждое слово, проговорил:

– Вы идете с поляками к себе, национализируетесь. Так, так, хорошо! Что же, поезжайте!

Это было сказано тоном, подразумевающим: «Удираете от большевиков. Ну ничего, пока мы вам не мешаем, а там посмотрим». В этих словах как бы подозревалась угроза уже всей Польше. Крыленко, по всей вероятности, только для этого и вызвал Бистрома, чтобы попугать и поиздеваться.

Так проскочили мы Могилев и дошли до станции Гомель, где расстались с бароном Бистромом и его эскадроном. Дальнейший путь нашего эскадрона был очень длинен, а продвижение стало еще более тяжелым. На станциях приходилось ждать подолгу. Уже в Киеве ходили слухи, что в районе Александровска идут бои между большевиками и казаками и путь там разобран. То одна, то другая узловые станции на пути к войску донскому переходили из рук в руки, с чем нам и приходилось сообразовывать наш маршрут.

Наши вагоны постоянно прицепляли к эшелонам донцов, ехавших на родину, и это значительно облегчало наше продвижение. Говорили, что в Александровске мы неминуемо попадем в бой. Казаки из эшелона, к которому мы были прицеплены, решили, как и мы, пробиваться хоть силой. Опасения, однако, оказались напрасными. Действительно, за несколько часов до нашего проезда большевики наступали на Александровск и громили станцию за станцией. Но какие-то донские части отстояли ее. Каждую минуту ждали мы, что наступление возобновится. Но проскочили благополучно и Александровск. Нужно заметить, что у казаков, с которыми мы сталкивались в пути, настроение было не воинственное, им хотелось скорее попасть на Дон и разойтись по станицам. В указанных же выше столкновениях с большевиками принимали участие, главным образом, казаки, посланные с Дона. С

кем нам приходилось выдерживать настоящие бои в пути, так это с осаждавшими вагоны «товарищами». На каждой станции их была уйма, все дезертиры с фронта. Они представляли собой немалую опасность, так как все были вооружены. Они на практике выработали свои революционные способы передвижения по железным дорогам: частные лица и офицеры просто выгонялись из вагонов, их места занимались «товарищами». Такой способ добывания плацкарт получил законность с первых дней революции. На одной из станций в наш вагон 3-го класса намеревалась хлынуть такая толпа. Мы кричали из окна, что это воинский эшелон и все переполнено, но вразумить толпу ничто не могло. Послышались голоса:

– Да что там разговаривать, товарищи. Наваливай, мы им покажем!

Толпа солдат кинулась к дверям вагона, предусмотрительно закрытым на замок. Раздались удары кулаков и прикладов. Мы стали у дверей, вынули револьверы и приказали уланам зарядить винтовки. Товарищи кричали: «Ломай двери!» В наш адрес раздались угрозы. Через окна мы грозили ломившимся в двери солдатам открыть по ним стрельбу. Это подействовало, толпа замялась. В этот момент поезд тронулся. Ворвись толпа в вагон, с нами было бы то же, что и с сотнями офицеров в таких случаях.

Наконец 16 декабря 1917 года часть Персидского конного дивизиона благополучно добралась до Ростова-на-Дону, пробыв в пути 17 суток.

На станции мы увидели сразу, что слухи, ходившие еще в Москве о каких-то офицерских и юнкерских организациях на Дону, оказались действительностью. Все воинские чины носили погоны, отдавали честь. На станции – полный порядок, поддерживаемый патрулями. Поговорив со встреченными офицерами, мы узнали, что в Новочеркасске генералом Алексеевым формируется Добровольческая армия. Уже был сильный бой с большевиками под Нахичеванью, большевики были разбиты. На душе стало как-то легче.

Как уже было сказано выше, в дивизион записалось около 40 улан. В дороге несколько человек отпросилось в отпуск, обещая потом догнать эшелон. Должно быть, желая попасть домой, они и записались в дивизион, так как никто из них эшелона, конечно, не догнал. Осталось у нас человек 30. Что они собой представляли? Наиболее надежными были уланы команды связи и наши вестовые.

В районе Добровольческой армии должны были находиться из наших офицеров: полковник Гершельман, штабс-ротмистр Алексеев и поручик Фермор, уехавшие на Дон еще в ноябре, чтобы подробнее ориентироваться и решить нашу судьбу. Мы пошли в город их разыскивать. Полковника Гершельмана мы нашли в одном из штабов, штабс-ротмистр Алексеев и А. Фермор находились в

Новочеркасске, где А. Фермор набирал добровольцев в формировавшийся полковником В. С. Гершельманом кавалерийский дивизион. Он очень обрадовался нашему прибытию: состав Персидского дивизиона давал существенное пополнение и начало кавалерийскому дивизиону Добровольческой армии. У нас был и офицерский состав, и люди, и лошади, и оружие в количестве достаточном, чтобы называться эскадроном. К тому же Ставрополь, где должно было идти формирование отряда особого назначения, был занят большевиками. Переговорив с В. С. Гершельманом, мы решили выгрузиться в Ростове и положить начало кавалерийскому дивизиону, войдя в него уланским эскадроном старого полка. Офицеров улан набралось немало: полковник Гершельман, штабс-ротмистр С. Потоцкий, штабс-ротмистр Алексеев, штабс-ротмистр Новиков, поручик А. Фермор и приехавший вскоре корнет Мейер.

Дивизион выгрузился и разместился в Таганрогских казармах. Через несколько дней приехал из Новочеркасска поручик Фермор с добровольцами, преимущественно юнкерами и вольноопределяющимися. Теперь было кому передать лошадей. Объяснив уланам назначение Добровольческой армии, мы предложили желающим остаться служить в ней. Остались трое, а остальным мы, как и обещали, выдали увольнительные билеты.

Добровольцы дивизиона были вооружены и посажены на лошадей. Из казармы Таганрогского полка перешли в отведенный для 1-го кавалерийского дивизиона полковника Гершельмана Проскуровский госпиталь номер 10. Так 31 декабря 1917 года был сформирован 2-й эскадрон 1-го кавалерийского дивизиона, в котором на офицерских должностях были уланы Его Величества.

В оставшемся в Гжатске после всех национальных разделений уланском полку комитеты решили выжидать дальнейших событий. Эта нерешительность комитетов находила в их глазах оправдание в предстоящем в ближайшее время созыве Учредительного собрания, которое, мол, разберет, кто прав, кто виноват, и всех успокоит без всякой борьбы. Захвата власти большевиками не признавали. Держали в страхе большевистски настроенный местный гарнизон и неоднократно заступались за офицеров.

Полковой комитет просил командующего полком полковника Домонтовича 2-го достать в Кречевитских казармах эвакуированные из Варшавы парадные формы полка. По получении этих форм песенники и трубачи выступали в старом парадном обмундировании в городском саду Гжатска и имели большой успех. Это была последняя красивая страница в жизни полка.

Красный главнокомандующий Москвы прислал приказание бригаде перейти в район Курска для реквизирования хлеба. Комитеты очень резко ответили, что никаких мураловых не признают, повиновались Духонину, а после его убийства, ввиду отсутствия впредь до созыва Учредительного собрания какой-либо

законной власти, считают себя в своих действиях самостоятельными. Эмиссары от комитета были в Москве. Вернувшись, они предупредили, что Муралов, узнав о решении бригадного комитета, заявил, что поступит с бригадой как «нож с картошкой», и грозил послать из Москвы красные эшелоны. В Гжатске были приняты меры охранения и отданы распоряжения на случай боя. Но угроза Муралова осталась лишь на словах.

После разгона большевиками Учредительного собрания бригадный комитет решил ввиду невозможности принести какую-либо пользу для восстановления порядка ликвидировать остатки бригады. Была назначена ликвидационная комиссия в составе командиров эскадронов и членов комитетов. Решили разъехаться по домам обозами, часть лошадей раздали крестьянам, артиллеристы спрятали орудия и погребах Гжатска и замуровали их. Оставшимся офицерам были выданы документы, благодаря которым они смогли уехать. Полковник Домонтович 2-й, ротмистр Молоствов и поручик Головин 1-й, пробрались в армию адмирала Колчака.

Так закончил свое столетнее (после разделения на два полка) существование (7 декабря 1817 года – декабрь 1917 года) родной мне по трем поколениям лейб-гвардии уланский Его Величества полк.

РОМАН КУМОВ

К БРАТСКОЙ МОГИЛЕ НА «ПИРАМИДАХ»

Ах, сколько, сколько пало их
В борьбе за край родной –
Отважных, гордых, молодых...

Плещеев

Пусть позволит мне ваша чистая память возложить к подножию ваших безвременных могил несколько смиренных благодарных, благоговейных былинок. Я не погублю для этого в своем маленьком цветнике ни пышных маков, ни тонкостебельных синеоких васильков – пестрое, но непрочное богатство. Пусть они живут и дышат в память вашу.

Но я отдам вам то, что мне дороже всех пышных маков, синих

васильков и благоуханных левкоев: несколько былинок седой горькой полыни и полевого цветущего чебора.

Пусть они напомнят вам, как напоминали когда-то мне на чужбине о прекраснейшей стране под солнцем, где течет единственная в свете по синеве своих вод старая речка и где на пустынных прибрежных горах колышется белая подсохшая полынь да сладко курится розовый ладонный чебор.

Пусть расскажут они вам, как рассказывали когда-то мне в далеких землях, о нашей тихой станице под высокими горами – Пирамидами, о милых, изрытых дождевыми потоками улицах, о старом задумчивом соборе, на котором чудесно трезвонят ко всенощной под праздники, о сиреневых палисадниках, о заросших шумящими пахучими левадами и садами Базах и Клинах, о коротеньких переулках к Дону с восхитительными видами на старую синюю богатую воду...

Пусть скажут они вам о ваших оставленных на степной стороне беленьких домах под лепечущей вишней, о грустных лампадках, зажженных в вечерний час близкой рукой во имя ваше, о родных, о близких людях, – обо всем том, что вами, высокими, оставлено ныне беззаветно и беспрекословно ради долга и высокой чести...

И пусть передадут они вам, что вся великая донская степь с седой полынью и розовым чебором, с чистой ромашкой и важными красноголовыми татарниками, с холодной мятой и узорчатым тысячелистником, со всяким, всяким полевым разнотравьем ныне клонится перед вами ниц и поет, как под сильнейшим свежим ветром: «Слава вам, слава».

Клонятся ниц полинявшие под солнцем деревянные голубцы при дорогах, взмутились в глубоких тенистых оврагах ключевые воды, восшумели полевые дикие красавцы-боярышники и луговые терны, задымила травяным ароматом дебелая яркая «рожа» под подъемным крохотным слуховым окошком: «Слава вам, слава».

Падают ниц до самой сырой земли степные народы – и те, которые пьют воду из старой синей реки, и те, которые пьют воду из далеких степных жемчужных озерец на белых хуторах: «Слава вам, слава».

Слава вам, слава!

«Донская волна», № 12, 26 августа 1918 г.

Граф де РОШЕФОР

ПЕРВЫЙ КАДЕТСКИЙ КОРПУС

Указ Императрицы Анны Иоанновны 1731 г. об учреждении Первого кадетского корпуса

29 июля (11 августа) 1731 г. императрица Анна Иоанновна, следуя советам графа Павла Ягужинского – ока Петрова, – дала Сенату следующий указ:

«Божиею милостию Мы, Анна, Императрица и Самодержица Всероссийская и проч., и проч., и проч.

Хотя вечнодостойные памяти Дядя Наш, Государь Петр Великий Император, неусыпными Своими трудами Воинское дело в такое уже совершенное состояние привел, что оружие Российское действия свои всему Свету храбростию и искусством показало, а для произвождения определено было указом Его Величества, все младое Шляхетство в Гвардию с начала писать, и тем путем, яко школою, далее дослуживаться; також и в гражданских и политических делах не меньше старания прилагать изволил посылкою для обучения в чужие краи, и потом в Государстве указом определил, во всех Коллегиях из Шляхетства быть Коллегия Юнкерам, дабы из них, по примеру других Европейских Государств, чрез Секретарство до высших градусов происходить могли, и на последок Академию Наук учредил. А понеже воинское дело поныне еще в настоящем добром порядке содержится, однакож, дабы такое славное и Государству зело потребное дело наивящше в искусстве производилось, весьма нужно, дабы Шляхетство от младых лет к тому в теории обучены, а потом и в практику годны были; того рода указали Мы: учредить Корпус кадетов, состоящий из 200 человек Шляхетских детей, от тринадцати до осмнадцати лет, как Российских, так и Эстляндских и Лифляндских Провинций; которых обучать Арифметики, Геометрии, Рисованию, Фортификации, Артиллерии, Шпажскому действу, на лошадях ездить и прочим к Воинскому искусству потребным наукам. А понеже не каждого человека природа к одному воинскому склонна, також и в Государстве не меньше нужно политическое и гражданское обучение: того рода иметь при том учителей чужестранных языков, Истории, Географии, Юриспруденции, Танцеванию, Музыки и прочих полезных наук, дабы видя природную склонность, потому б и к учению определять. И на содержание того Корпуса и Учителей и прочих расходов определяем сумму 30.000 рублей, и повелеваем нашему Сенату по сему учинить учреждение, каким порядком содержать и обучать, також и Штат как Офицерам, Учителям и прочим при том служителям определя из вышеписанной суммы по достоинству жалованье и к тому способный дом приискать, и Нам о

всем том немедленно донесть; для известия всему Шляхетству, сей Наш Указ публиковать, дабы желающие явились в Сенате. На подлинном Собственною Ея Императорскаго Величества рукою написано: «Анна».

И наконец, 17 февраля 1732 года после двух новых указов, разъясняющих дворянам всю пользу и выгоду, которые предоставляются им учреждением корпуса, таковой был открыт лишь при 30 кадетах сподвижником Петра Великого, знаменитым строителем Ладожского канала и будущим фельдмаршалом графом Минихом, неутомимым деятелем восьми последовательных царствований.

Из первых дворян, откликнувшихся на призыв Императрицы и доверивших своих чад Миниху, были: Новосильцев, Фелькерзам, Меншиков, Вяземский, Маслов, Унковский, Брандт, Мартынов, Корсаков, Палицын, Перфильев, Костюрин, Змеев, Коптев, Литвинов, кн. Львов, Мартынов, Лихачев, Мелиссино, Шатилов и другие. В этом числе находились и те 12 человек, которых императрица определила сама из пажей недавно умерших – царицы Евдокии Феодоровны и царевны Прасковии Иоанновны. Кадеты размещены были в пожалованном корпусу дворце опального вельможи, сосланного Петром II, светлейшего князя Меншикова, построенном архитектором Готфридом Шейденом в 1710-1716 гг. и занимавшим со своим садом и дворами пространство более 2 верст в периметре на Преображенском, впоследствии названном Васильевским острове, выходящем на набережную Большой Невы. Миних пригласил в помощники свои строителя канала Петра Великого барона фон Люберас, который был тоже сподвижником великого преобразователя России. Оба эти выдающиеся инженеры-строители повели дело учреждения первого дворянского военно-образовательно-воспитательного заведения в России столь энергично, что цвет передового дворянства, отказавшись от рутинного домашнего образования своих недорослей, потянулся из своих поместий на Васильевский остров в колымагах с целым штатом слуг, с охотничьими собаками, отдавая детей своих в учебу на пользу Российского государства. 14 июня 1732 года в корпусе были открыты классы для преподавания наук, названные Рыцарскою академией. К открытию этой академии штат воспитанников состоял уже из 282 человек: князя Петра Путятина; Михаила Бахметьева; графов Мартына и Ивана Скавронских; кн. Алексея Черкасского; князей Алексея, Николая и Михаила Волконских; Иван Озеров больший; князей Александра и Петра Прозоровских; Отто, Александра и Христофора Эссен; Петра и Адама Олсуфьевых; Федора Богдановича; Моисея Давыдова; Василия Лопухина; Савелия Милюкова; Густава, Отто и Карла Розен; Василия и Александра Сумароковых; Георга, Ивана и Карла Веймарн; Алексея Пушкина;

князей Феодора и Бориса Голицыных; графов Андрея и Ивана Гендриковых; графов Ивана и Андрея Ефимовских; Антипатра Коровина; Сергея Орлова; Василия и Николая Радищевых; Ермолая, Бориса и Николая Чоглаковых; кн. Феодора Лобанова; Евграфа Татищева; Алексея Чаадаева; Александра Колюбакина; Николая Хвостова; Ивана Уварова; Георгия Кайзерлинга; кн. Репнина; Янга Врангеля; Петра Яковлева; Петра и Томаса Гревс; Якова Будберга; Николая и Александра Васильчиковых; Янга и Карла Икскуль; Ивана Козляинова; Петра и Николая Долгоруких; Льва Кознакова; Янга Медема; Ивана, Павла и Якова Протасовых; кн. Сергея Урусова; Луки Павлова; Александра и Егора Воейковых; Михаила и Александра Собакиных; Фридриха Рененкампфа; Ивана Пущина; Христофора Глазенапа; Ивана Глебовского; Ивана Баранова; Ивана Новикова; барона Казимира фон Кайзерлинга; Магнуса Берга; Арвида и Густава Фок; Тимофея Батурина; Алексея Толбухина; Рейнгольда Буксгевдена; Андрея Кошелева; Андрея Голенищева-Кутузова; Феодора Обольянинова; Алексея Полякова; Николая и Александра Бобрищевых-Пушкиных; Семена Рыкачева; кн. Феодора Чагадаева; Дмитрия Яхонтова; Григория Языкова; Иосифа Бутурлина; Якова Лилиенфельда; Афанасия Брянчанинова; Александра Исленьева; Христофора Штофеля; Марка Рыкачева; Алексея Соловой; Отто Криденера; Степана Юшкова; Василия Хмелевского; Михаила Кологравова; Александра Самарина; Феодора Анненкова; графа Сергея Шереметьева; Матиаса Миллера; Романа Теляковского; Андрея Самарина; кн. Емельяна Шаховского; Каспера Штакельберга; Ивана Ремезова; Семена Арцыбашева; Якова Засецкого; Петра Назимова; Ивана Грекова; Радиена Дмитриева и других.

Все эти пионеры нового дворянского воспитания юношества указали российским дворянам путь, по которому надлежало им идти, отрешившись от мыслей, что наука не дело благородного дворянского ума. Из их числа и числа их последователей вышли впоследствии знаменитые деятели не только в области военного искусства, но многие из них украсили своими именами все области русского искусства, как например, Сумароков, Херасков, Мелиссино, Бортнянский, Волков, Дмитревский, Круковский и целая плеяда других.

В 1743 году, т. е. через одиннадцать лет со времени основания корпуса, 34 кадета из дворян Новгородской губ. были переведены в Морскую академию для образования из нее Морского кадетского корпуса по примеру Сухопутного. В этом числе находился и И. Л. Голенищев-Кутузов, известный впоследствии директор Морского корпуса; в том же году корпус наш был переименован в Сухопутный кадетский для отличия его от Морского, который был окончательно сформирован по настойчивому ходатайству Адмиралтейств коллегии,

добивавшейся для Морской академии прав Сухопутного корпуса производить своих кадет в офицеры непосредственно, не быв в солдатах, матросах и других нижних чинах. И 15 декабря 1752 года императрица Елизавета дала Указ об учреждении для «государственной пользы» Морского Шляхетского кадетского корпуса.

В 1745 году повелено было в случае недостатка в инженерных офицерах употреблять армейских, воспитывавшихся в Сухопутном корпусе. В 1746 г. 38 кадет командируются из этого корпуса для межевания земель в Ингерманландию. В 1756 г. из выпущенных кадет 68 отправляются в Главную Межевую канцелярию. И в том же году 30 августа императрица Елизавета дала Указ Сенату об учреждении Российского театра с отдачей под него «Головкинского каменного дома по Васильевскому острову близ Кадетского дома. И набрать в актеры певчих и ярославцев из обучающихся в кадетском корпусе, которые к тому будут надобны...» Директором этого театра тем же указом был назначен бригадир Александр Сумароков, бывший кадет, поступивший в корпус в год его основания и ставший впоследствии первым русским драматургом, прозванным творцом русской трагедии. Им же было основано при корпусе Общество любителей русской словесности, членами которого были кадеты и офицеры корпуса и гвардии. Он же был и редактором первого русского литературного журнала «Трудолюбивая пчела», а по его закрытию – редактировал корпусной журнал «Праздное время».

В основанный в 1754 году Московский университет был назначен директором Ив. Ив. Мелиссино, поступивший в корпус и окончивший его вместе с Сумароковым и разделивший с ним труды по основанию Общества любителей русской словесности и по подготовке первых русских артистов, знаменитых Волкова и Дмитревского. По предложению Мелиссино с 1755 г. университет стал издавать «Московские ведомости», в которых он помещал свои статьи. Одним словом, Мелиссино проделывал в Москве на пользу российской словесности ту же работу, что и его друг и однокашник Сумароков в Петербурге.

В 1757 году основана при корпусе типография для печатания учебников, а через три года в ней печаталось порученное Сухопутному корпусу географическое описание России. В том же году при корпусе основана публичная аптека для продажи медикаментов населению. В 1761, 30 апреля основана при корпусе школа из солдатских и мещанских детей для снабжения армии учеными мастеровыми. Все эти нововведения были сделаны в корпусе в бытность директором его (1752–1763) известного мецената И. И. Шувалова.

В 1765 г. корпус поступил в непосредственное ведение императрицы Екатерины II, которая повелела управлять оным Ив. Ив. Бецкому, сотрудничая с ним по составлению нового Устава.

Устав этот считался одним из лучших законоположений Екатерининского века. По сему уставу в 1766 г. корпус был переименован в Императорский Сухопутный Шляхетный Кадетский, и воспитанники, отличившиеся на экзаменах в лучших ответах, получали золотые и серебряные медали и право носить на кафтанах нашивки из галунов в виде лавровых венков с корпусным гербом внутри, а по окончании корпуса всем воспитанникам разрешалось путешествовать три года в чужих краях на счет казны.

В 1772 г. повелено было принимать в корпус через каждые три года вместе с кадетами 16 мещанских детей, дабы образовать из них для корпуса воспитателей и учителей. Мера эта была проведена Ив. Ив. Бецким для создания в России посредством воспитания образованного третьего сословия, недостаток которого особенно чувствовался во всем русском строе. Разумное ведение обучения и воспитания в корпусе не замедлило сказаться уже в Турецкую войну, закончившуюся Кучук-Кайнарджийским миром. В ней почти все старшие генералы армии были бывшие кадеты корпуса: князья Прозоровский и Долгорукий; Штофельн и Веймарн, не исключая и самого главнокомандующего графа Петра Румянцева-Задунайского; а из числа гражданских чинов – посланник при Оттоманской порте, при котором война эта началась, был тоже бывший воспитанник корпуса – действительный тайный советник Обрезков, запертый в Семибашенный замок при начале войны с турками в 1768 г. и освобожденный из плена победоносными русскими войсками.

Видя такой блестящий результат своего Сухопутного корпуса, Императрица Екатерина II почтила его лестным названием – «рассадника великих людей России».

Несмотря на существование Морского корпуса, с 1752 года Сухопутный продолжал поставлять и во флот, как и в армию, сведущих офицеров. Так, в 1788 году значительное число воспитанников из Сухопутного корпуса были выпущены во флот, действующий против шведов, под начальством принца Нассау Зигена. Из них многие дослужились даже до флагманов. Тут уместно будет упомянуть и капитана 1-го ранга, известного исследователя новых стран Отто Августовича Котцебу, окончившего первый корпус и выпущенного мичманом во флот 22 сентября 1806 года. В 1793 г. состоялся последний выпуск в офицеры из корпуса по уставу 1766 года, из которого 12 человек, выдающихся по занятиям, были выпущены на службу прямо в капитаны: И. М. Елагин; В. Л. Иванов; А. Я. Минут; И. Г. Гогель; Г. А. и А. А. Стахеевы; С. М. и Н. М. Ушаковы; Г. И. Фролов; В. Ф. Молчанов; А. Ф. Вольф; А. Н. Черняев. Генерал-поручик Голенищев-Кутузов, будущий герой двенадцатого года, был назначен директором корпуса 15 сентября 1794 года, который учредил класс тактики не только для кадет, но и для офицеров. Он сам и преподавал ее, заставляя вычерчивать

фигуры лучшего своего слушателя, кадета К. Ф. Толя, ставшего впоследствии графом и генералом-от-инфантерии. 10 марта 1800 года корпус был переименован в Первый кадетский.

Эпоха царствования Александра Благословенного с Отечественой войной отметила ряд героев, вышедших из Первого корпуса, среди которых особенно выделялся природный кавалерист Яков Кульнев, выпущенный вначале поручиком в пехотный Черниговский полк и переведенный затем в Переяславский конно-егерский, переименованный в Сумской Гусарский, и, сражаясь со шведами в 1808 и 1809 гг. был пожалован чином генерал-майора и орденом Св. Георгия 3-го класса, убитый затем в сражении при Клястицах в 1812 г., занес свое имя в список русских героев, вследствие чего император соизволил повелеть 6-му Гусарскому Клястицкому Е. К. В. В. Г. Гессен Эрнест Людвига полку именоваться впредь 6-м Гусарским Клястицким генерала Кульнева полком.

Декабрьский бунт 1825 года в царствование императора Николая I, положивший в начале было тень на корпус из-за участия в нем бывшего кадета поэта Рылеева, впоследствии реабилитировал себя известным инцидентом перенесения кадетами в свой лазарет раненых и умиравших от потери крови и стужи бунтовавших солдат, добравшихся до церковного подъезда корпуса. Император, поняв дух милосердия и гуманности, который закладывал корпус в основу воспитания доверенного ему юношества, поместил в него сначала своего Наследника – будущего Царя Освободителя, а затем и остальных своих Августейших сыновей: Константина, Николая и Михаила, а 25 июля 1831 года принял шефство первого корпуса, дав ему первого державного шефа.

И наконец, величайший акт освобождения крестьян, данный в 1861 году бывшим августейшим кадетом Императором Александром II своему народу, не миновал рассадника великих людей России, ибо акт этот выработан комиссией под председательством графа Ростовцева в стенах Первого корпуса, в ознаменование чего одна из зал, где комиссия эта работала, названа была Ростовцевской; в ней же поставлен был мраморный бюст Я. Ив. Ростовцева на том месте, где стоял стол, на котором сей знаменательный акт был составлен, и стол этот хранился среди других реликвий корпусных в его музее. Главным деятелем и вдохновителем Царя Освободителя был другой августейший кадет Великий князь Константин Константинович. Наступившие затем реформы гр. Милютина, превратившие корпуса в военные гимназии, должны были печально отразиться на славных традициях Первого корпуса, переименованного в Первую военную гимназию и переведенного из своего насиженного гнезда – Меншиковского дворца, где все дышало его славным прошлым, с его знаменами, музеем и говорящими стенами Ангальтова времени. Но и тут счастливая путеводная звезда корпуса не оставила его, дав в директора Первой военной гимназии такого руководителя, как Павел

Иванович Носович, – просвещенного офицера Генерального штаба и врожденного педагога. В краткой записке нет места говорить о той счастливой эре Первой военной гимназии, а через 19 лет по воле августейшего бывшего кадета Императора Александра III опять ставшей Первым кадетским корпусом.

После смерти Павла Ивановича корпус имел целый ряд выдающихся директоров-педагогов, которые хоть и подходили к молодежи, ими опекаемой, имея разные точки зрения на воспитание юношества, все вели поручаемое им дело прямо и честно: добрейший Вас. Пар. Верховский, может быть, излишне строгий В. Ив. Покотило и, наконец, последний директор – истый екатерининский вельможа, великолепный педагог и кристальной души человек Ф. А. Григорьев. Они, как и все предшествующие, руководя корпусом, подготовляли молодежь на славное служение России, и труды их не пропали даром, о чем свидетельствует список бывших кадет, из которых за недостатком места я беру лишь некоторые из числа почивших: генерал-адъютанты Дрентельн, Обручев, Бобриков, Вановский, Куропаткин, Сухомлинов (все три последние последовательные военные министры) и Рузский; генералы-от-артиллерии Нищенков, генерал-от-инфантерии Ганецкий; ген.-лейтенанты Мошнин и Кондзеровский; генерал-майоры барон А. Врангель, кн. М. Мышецкий, бывш. нач. Главного управления почт и телеграфа В. Похвистнев и другие.

Заканчивая мой краткий очерк хронологического перечня событий из жизни это «рассадника великих людей России», мне остается упомянуть тех августейших особ, которые за время существования корпуса украшали его своим пребыванием: в его составе державные шефы – Император Николай I и последний Император Николай II; главные директора Великий князь, наследник престола Петр Федорович; Константин Павлович; бывшие августейшие кадеты императоры – Александр II и Александр III; Наследники Цесаревичи – Николай Александрович (брат Имп. Александра III) и Алексей Николаевич; Великие князья Николай Николаевич Старший и Михаил Николаевич – фельдмаршалы; Владимир Александрович; Сергей Михайлович; принц Александр Петрович Ольденбургский; князь Иоанн Константинович и проходивший строевое учение в корпусе Гавриил Константинович.

Краткий очерк этот составлен по историческим очеркам: 1) 100-летнего юбилея Алекс. Висковатова,1832 г.; 2) 120-летнего юбилея – «Словесность»,1857 г. и 3) по архивным материалам, собранным Петром Лузановым, и др.

АЛЕКСАНДР ГЕРШЕЛЬМАН,
камер-паж, выпуск 1913 г.

ПАЖЕСКИЙ ЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА КОРПУС

Моя служба камер-пажем при дворе Императора Николая II

Я родился 12 ноября 1893 года в городе Ревеле на Нарвской улице, дом № 21 (кажется), впоследствии там помещалась почта. Часа своего рождения не знаю, да это неважно, под конец своей жизни гороскопа составлять не собираюсь.

Мой отец, Сергей Константинович, кончил Пажеский корпус фельдфебелем в 1872 году, был записан на Мраморную доску как окончивший первым. На Пасху Государь Александр II подарил ему яйцо Императорского Фарфорового завода, на котором была написана икона Св. великомученика Георгия Победоносца, пожелав отцу заслужить этот орден доблестной службой Российскому Царю. Отец получил орден Георгия IV степени за бои под Мукденом 22-27 февраля 1905 года.

Дед, Константин Иванович, был генерал-адъютантом, что давало моим братьям и мне право быть зачисленными в списки пажей Императорского двора. По обычаю, запись в списки пажей-кандидатов делалась в первый год рождения мальчика. Приказ о зачислении меня в списки пажей был подписан Императором Александром III незадолго до Его смерти. Вот отчего в издании «Пажи», выпущенном еще до столетнего юбилея корпуса, в числе сыновей моего отца я приведен с отметкой: «Последний паж Царствования в Бозе почившего Государя Императора Александра III».

Самым ярким воспоминанием о моем шестилетнем пребывании в стенах Пажеского Е. И. В. корпуса было, несомненно, несение придворной службы. Мой выпуск 1913 года заканчивал свое воспитание в корпусе в юбилейные годы, в которые Россия праздновала столетие Отечественной войны и трехсотлетие царствования Дома Романовых.

В торжествах на Бородинском поле и в Москве участвовало незначительное количество пажей из числа проводивших летние каникулы вблизи столиц — С.-Петербурга и Москвы. Характер торжеств не требовал привлечения всего выпуска. Во время Бородинских празднеств Государь Император соизволил произвести всех пажей, выполнивших условия для производства (перешедшие в старший специальный класс с 9 баллами в среднем по учению и I разрядом по поведению) в камер-пажи. Таким образом, прибыв 1 сентября в корпус, мы сразу надели на погоны две поперечные нашивки, и 15 сентября, когда сменили лагерную форму на городскую, украсили свои мундиры добавочными галунами на задних карманах, навинтили шпоры и получили право ношения шпаги вместо

тесака. Тогда же потомки участников Отечественной войны надели памятные Бородинские медали.

Первую службу камер-пажем я нес при Великой княгине Виктории Федоровне во время благотворительного базара, устраиваемого ежегодно под Рождество в залах Дворянского Собрания Великой княгиней Марией Павловной Старшей. Это было не столько придворное торжество, как событие, собиравшее в Дворянском Собрании все петербургское общество.

В зале, занимая всю его середину, стоял в форме буквы «О» стол, за которым лицом к входу сидела Великая княгиня. Дальше на нем были расположены отдельные «лотки» с предлагаемыми вниманию посетителей «товарами». Вдоль стен зала тоже тянулись столы. Стол Великой княгини Виктории Федоровны был установлен слева от главного входа в зал. «Продавщицами» у лотков были дамы и барышни петербургского общества. Базар продолжался неделю.

Камер-пажем при Великой княгине Марии Павловне был князь Барклай де Толли Веймарн. Мы были одеты в свои городские мундиры, и лишь на каски нам разрешили надеть султаны, чтобы хоть этим обозначить придворный характер нашей службы. Служба наша была несложная, но достаточно утомительная. В собрание мы являлись около часу дня и оставались, ни разу не присевши, до 7 вечера. К часу же приезжал к боковому подъезду собрания и заведующий дворцом Великого князя Кирилла Владимировича — Эттер. «Сядем, — говорил он мне, усаживаясь на ступеньки лестницы. — Великая княгиня будет здесь без четверти два, а пока подождем, ведь половина придворой службы проходит в ожидании. Вы должны к этому привыкать».

«Их Высочество изволит подъезжать», — сообщал нам швейцар, и мы выходили навстречу. Сняв шубу, Великая княгиня входила в зал и занимала место у своего стола. Затем прибывала Великая княгиня Мария Павловна и обходила зал, здороваясь с приседающими за столами дамами.

На хорах играла музыка, пел Леонарди итальянские песенки. Зал быстро наполнялся гостями. Съезжались Великие князья, дамы, офицеры Гвардии и вообще петербургское общество. В зале царило оживление, все входившие подходили к столу Великой княгини, потом расходились по столам знакомых «продавщиц», а так как большинство было между собой знакомы, то ходили от стола к столу, от «лотка» к «лотку», весело разговаривая с продающими и покупая всякие безделушки.

Как я уже сказал, обязанности камер-пажей были несложные. Мы стояли около столов своих Великих княгинь, исполняя их поручения и сопровождая их по залу. Великая княгиня Виктория Федоровна обошла за неделю несколько раз все столы, останавливаясь и разговаривая со знакомыми дамами и барышнями, покупая вещи на лотках. Следуя с подносом за ней, я принимал эти вещи и нес их за Ее Высочеством. Эти прогулки по залу были развлечением, так как, пока Великая княгиня останавливалась и покупала, я мог тоже разговаривать со знакомыми. Так,

во время одного из таких обходов, когда мой поднос был уже почти полон, приехал Великий князь Кирилл Владимирович, и Их Высочества вышли в соседний зал, где остановились курить. Я скромно задержался около дверей, не желая своим присутствием мешать их беседе.

С закрытием базара закончилось мое пребывание камер-пажем при Великой княгине Виктории Федоровне, так как она уехала и на последующих торжествах не присутствовала.

Как первый по старшинству после старших камер-пажей на время празднеств 300-летия Дома Романовых я был назначен состоять при Великой княгине Марии Александровне, Герцогине Саксен-Кобург-Готской, дочери Царя Освободителя Императора Александра II. Ей было в то время около 60 лет, небольшого роста, полная, Великая княгиня при поражающей простоте обращения и светящейся в ее глазах доброте все же сохраняла в движениях и разговоре что-то неизъяснимо царственное. Ко мне, тогда 19-летнему юноше, она относилась со всегда меня удивлявшей внимательностью, даря ласковым словом и отдавая мне на память на балах и обедах всякие мелочи. Я бесконечно благодарен судьбе, что на закате Российской Империи мне суждено было состоять при представительнице нашего Царствующего Дома и именно при такой, каковой я себе представлял Русскую Высочайшую Особу.

Службу при дворе я нес все время вместе и рядом с князем Николаем Лонгиновичем Барклаем де Толли Веймарном, старшим камер-пажем и знаменщиком нашего выпуска (я был ассистентом при знамени). Он состоял при Великой княгине Марии Павловне Старшей, я же сначала при Великой княгине Виктории Федоровне, супруге Великого князя Кирилла Владимировича, а затем при Великой княгине Марии Александровне, сестре покойного супруга Великой княгини Марии Павловны. Обе Великие княгини жили вместе, и во время торжеств держались все время вместе, будучи одного возраста и стоя в старшинстве Царского Дома рядом.

Великая княгиня Мария Павловна, как про нее говорили, любила придворный этикет, а также окружать себя «малым двором». Вот отчего на Пасху Барклай и я были высланы во дворец Великой княгини для поздравления Их Высочеств и для участия в малом выходе по случаю Светлого Праздника.

Около 11 часов утра нас ввели в небольшую гостиную, обитую светлым шелком, рядом с залом, в котором собрались явившиеся поздравить Великую княгиню. Вдоль стен зала стояли офицеры Лейб-гвардии Драгунского полка, шефом которого была Великая княгиня, члены Академии Наук, председательствование которой она приняла на себя после смерти Великого князя Владимира Александровича, и много официальных и неофициальных лиц, по тем или иным причинам прибывших поздравить ее. В ожидании Августейшей хозяйки мы с Барклаем тихо обменивались своими впечатлениями. Вскоре вошли заведующий Двором Великой княгини Марии Павловны и немец, исполнявший, по-видимому, те же обязанности при Великой княгине Марии Александровне. Последний передал мне награду за службу при Великой княгине — Фердинсткрейц

Герцогства Саксен-Кобург-Готского IV степени, сказав, что диплом мне вышлют из канцелярии герцогства дополнительно. Тут же припасенной им булавкой он прикрепил мне на мундир серебряный крест на лиловой с двумя узкими желтыми по бокам полосками ленте. Так я получил свою первую награду.

Вышли Великие княгини. Мы с Барклаем почтительно принесли им свои поздравления со Светлым Праздником, я кроме того благодарил свою Великую княгиню за награждение крестом. Со свойственной ей приветливостью она мне сказала, что благодарит меня за службу ей и хочет, чтобы у меня осталась о ней хорошая память, «а для этого, — улыбнулась она, — вот вам красное яичко». Обтянутое тонкой красной кожей яйцо содержало сапфировые запонки работы Фаберже.

Великая княгиня Мария Павловна задержалась на несколько минут у письменного стола посреди комнаты, разбирая лежащие на нем письма и телеграммы. После этого, оглянув собравшихся, она сказала, что пора начинать выход, прибавив, обращаясь к нам по-французски: «Я всегда волнуюсь перед выходами».

Вспоминая потом эти слова, мы с Барклаем не поверили этому волнению, — уж очень Великая княгиня, как нам казалось, уверенно выступала на всех таких событиях придворной жизни. Думаю, что мы были неправы. Конечно, она волновалась не так, как мы, участвующие впервые в придворных торжествах, в незнакомой нам обстановке, в которой часто должны были решать самостоятельно и быстро то, что ей было до мельчайших подробностей уже годами и заранее известно. Здесь было другое. Как много лет спустя мне говорил А. А. Мосолов, Великая княгиня серьезно и с полным чувством ответственности относилась к своему, как она говорила, metier de Grande Duchesse — к роли Русской Великой Княгини. К выходу в своем дворце она, по-видимому, готовилась: зная состав ожидающих ее выхода в зал, она, думаю, заранее подготовляла те слова, что она говорила каждому из них и вообще все свое поведение на выходе. Ее metier состояло в том, чтобы вовремя, кстати делать и говорить то, что было положено по этикету и что нужно было говорить для сохранения и поднятия престижа Царственного Дома, к которому она принадлежала.

Великая княгиня Мария Александровна была в этом отношении, как мне казалось, совсем другая. Она не делала metier. Каким-то врожденным чувством такта, какой-то присущей ее поколению Царской Семьи царственностью, связанной с простотой и душевностью, она добивалась от подданных Императора той же искренней преданности династии, которая полностью захватила и меня за те короткие месяцы, что я состоял при ее особе.

Я уже тогда сознавал, что принадлежность к Царской Семье ко многому обязывает и что это metier одно из самых стеснительных и трудных. Надо знать, а главное, всем сердцем понимать, как его делать. Вот отчего то, что я видел на примерах великих княгинь Марии Александровны

и Марии Павловны, мне глубоко запало в сердце, и я глубоко благодарен Богу, что Он мне ссудил через мою Великую княгиню заглянуть в мир старшего поколения Царского Дома, еще полностью пропитанного духом Императора Николая I.

По знаку Великой княгини открылись двери гостиной и вся наша небольшая группа вышла в мгновенно затихший зал. Великая княгиня медленно начала обходить собравшихся, здороваясь, принимая поздравления и расточая улыбки и милостивые слова.

После выхода мы снова вошли в гостиную, Великие княгини с нами простились и отпустили нас домой.

Когда я был в младшем специальном классе, мне пришлось нести службу во время торжественного обеда, даваемого в Зимнем дворце королю Черногорскому Николаю. Тому самому, про которого Государь Александр III говорил, что это единственный ему преданный союзник.

Выпуск 1912 г. (фельдфебель Владимир Безобразов) был невелик, а потому в нем не хватало людей, чтобы заполнить требуемое по этикету число пажей. В этот день, кроме камер-пажей за Великими княгинями, за стульями всех Великих князей, держа во время обеда их головные уборы, стояли пажи. Нас, пажей, расставили за столом заранее, камер-пажи же, как всегда, сопровождая своих Великих княгинь, прибыли в зал вместе с выходом. Стол был расставлен в виде буквы «П».

Я стоял за стулом князя Сергея Георгиевича Лейхтенбергского-Романовского и держал его морскую треуголку. Спиной к входным дверям сидел Государь, мое же место было от него наискосок направо. Я видел его до этого лишь мельком: на похоронах Великого князя Михаила Николаевича и во время его приезда в корпус. Конечно, стоя за обедом, я пользовался случаем, чтобы не отрываясь смотреть на него, изучая его лицо, движения, улыбку.

Не знаю, отчего Царь обратил на меня свое внимание. Прочел ли он в моих глазах чувства, меня волновавшие, или что другое привлекло его внимание ко мне. Сначала он посмотрел на меня вскользь, потом остановил на мне свои светлые, лучистые глаза, взял в руку подаваемый к супу пирожок (если не ошибаюсь, это были сырные батоны), показал мне его и с улыбкой откусил. По-видимому, этой шуткой он хотел сказать: «Вот ты, бедный, стоишь голодный, а я закусываю». На секунду между Царем и мною протянулась какая-то интимная нить...

Я от смущения густо покраснел. Государь еще раз улыбнулся и заговорил с королем Николаем. С того времени прошло 43 года, но глаза и улыбка Царя Николая Александровича никогда не изгладятся из моей памяти.

Первой моей ответственной службой при Дворе был выход через залы Зимнего дворца в дворцовую церковь. Этим выходом открылись в феврале 1913 года торжества 300-летия Дома Романовых.

В этот день нас подняли рано, и служители внесли в роту придворные

мундиры, лосины, ботфорты и султаны к каскам. Накануне мы отрепетировали носку шлейфов и выслушали последние наставления, как и когда их носить (брать шлейфы в руки полагалось на поворотах шествия и когда оно двигалось по комнатам, пол которых был затянут ковром. Когда же шествие растягивалось по прямой линии, шлейф расстилался по полу).

Каждый год корпус шил, обновляя цейхгауз, несколько новых придворных мундиров. Мне повезло получить на меня сшитый мундир, а потому он сидел на мне превосходно и, несмотря на галуны (14 спереди и 4 сзади на карманах), на лосины и ботфорты, я в нем не чувствовал себя стесненным в движениях. Примочив проборы, мы не надели каски, чтобы не растрепаться, и в поданых нам придворных каретах держали их на коленях. Во время же придворной службы мы каски вешали за чешую, султаном вниз, на шпагу.

Прибыв во дворец, мы выстроились в две шеренги у входа в Малахитовую гостиную, в которой собиралась Царская Семья. Надев придворный мундир, паж на время службы во дворце из строевого чина Царской армии превращался в чина придворного, подчиненного гофмаршальской части. Всем, кому полагалось, то есть великим князьям и княгиням, министру Двора графу Фредериксу, обер-гофмаршалу графу Бенкендорфу и т. д., мы во время службы во Дворце отвешивали только придворные поклоны и лишь Государю Императору на его приветствие: «Здорово, пажи!» — отвечали: «Здравия желаем Вашему Императорскому Величеству!»

Время ожидания прошло быстро, оно было заполнено наблюдениями за приготовлением к выходу. Приехало наше придворное начальство, которое нам называл сопровождавший нас капитан Малашенко и которое мы должны были знать в лицо. Начали прибывать члены Царского Дома, которым мы отвешивали поклоны. Великий князь Николай Николаевич довольно резко сделал замечание командиру нашей роты Карпинскому, недовольный тем, что камер-паж его супруги Анастасии Николаевны не встретил ее при выходе из кареты. Это требование было необосновано, но возражать не приходилось.

Наконец нас впустили в Малахитовую гостиную, где в ожидании Государя и Государыни была собрана Царская Семья. С бьющимся и замиравшим сердцем мы вошли туда. Я тогда не знал в лицо Великой княгини Марии Александровны, да и не было времени высматривать ее в группе членов Императорского Дома. Барклай прямо подошел к Великой княгине Марии Павловне, при которой он уже состоял во время базара, я шел за ним и в пожилой даме, стоявшей рядом, угадал свою Великую княгиню. Она спросила мою фамилию и передала мне свою мантилью.

В Малахитовой гостиной нам и предстояло еще одно испытание — выход Императора и ответ ему. Мы не стояли в строю, а были рассыпаны по гостиной, ответ все же должен был быть дружным, без крика, но не робкий. В этот день мы это испытание прошли блестяще. Вошел Царь и, поздоровавшись с Царской Семьей, обвел нас глазами и негромко сказал:

«Здорово, пажи!». Секундная пауза — и наш дружный ответ огласил гостиную. Только что раздраженный Великий князь Николай Николаевич, передал нам через полковника Карпинского свою благодарность за нашу отчетливость.

Рядом с Государем встала Императрица. Наследник Цесаревич был на руках рослого бородатого конвойца.

Если не ошибаюсь, в этот же день Государю представлялась монгольская депутация, и Царь принимал ее в Малахитовой гостиной перед выходом. Монголы прибыли просить покровительства Белого Царя для своей страны. Депутация была одета в халаты, на головах были низкие, отороченные мехом шапки, к верху которых были прикреплены лисьи хвосты. Мелкими шажками они подошли к Государю и, встав на колени, пали ниц перед Ним. От этого движения лисьи хвосты ударились о пол у ног Императора. Вид этих людей, их непривычные одеяния, яркие цвета халатов, а главное, лисьи хвосты, ударившие о пол у самых ног Царя, испугали Наследника, и он, отвернувшись от этих страшных людей, прижался к плечу казака. Монголы выражали свою преданность Русскому Царю, Государь им отвечал. Так впервые, 19-летним юношей, я приобщился к великодержавной политике нашей Родины. В эти дни Россия, осуществляя свою миссию на Востоке, замиряла и втягивала в круг своей культуры новые области и народы.

Высочайший выход происходил годами установленным порядком. Из Малахитовой гостиной Царская Семья выходила парами. Впереди Император под руку с Императрицей, за ними несли Цесаревича, великие князья с великими княгинями шли по их старшинству в рядах Августейшего дома. Впереди церемонимейстеры тростями, украшенными голубыми андреевскими лентами, стуком об пол давали знать о выходе Царя в залы и предшествовали шествию, как бы прокладывая ему путь.

Далее шли чины Двора, камергеры, камер-юнкеры, статс-дамы, камер-фрейлины, фрейлины Их Величеств. Камер-пажи шли в шествии немного сзади и справа от Государынь и великих княгинь, поднимая шлейфы на поворотах и коврах и расстилая их снова, как только выход вытягивался в залах по прямому направлению.

Вдоль пути следования шпалерами стояли высшие государственные чины, депутации, группами офицеры полков гвардии и армии, в белых платьях приглашенные дамы. Прохождение через парадные, роскошные залы дворца, золото мундиров, светлые наряды дам и красочные платья фрейлин производили неизгладимое впечатление блеска и составляли величественную картину, невольно связываемую с представлением о мощи Русской Империи.

В аванзале перед церковью камер-пажи покидали шествие и, выстроившись рядами, пропускали мимо себя колонну участников выхода.

После выхода мы уходили в верхние покои дворца, во фрейлинскую половину, где нам сервировали обед от царского стола. У приборов стояли полубутылки красного и белого удельного вина. Получая от нас на чай, прислуга предлагала нам и водку «белую головку». Этим заканчивалась

наша служба, и в каретах (ландо на четыре человека) с ливрейным кучером на козлах нас увозили в корпус.

Второй раз нам пришлось участвовать в торжествах во время молебна в Казанском соборе. Царскую Семью мы встретили на паперти и, проводив до середины собора, встали полукругом, отделяя это место от толпы присутствующих.

Служил Патриарх Сирийский в сослужении с Митрополитом С.-Петербургским и Ладожским Антонием (Вадковским) и сонмом русского духовенства. Евангелие читал по-арабски Патриарх. Как говорили, он приехал в Россию для очередного сбора средств на нужды своей церкви. В то время Россия, как опора православия, собирала несметные деньги не только на поддержание Святых Мест Палестины и на русские монастыри на Афоне, имевшие свои подворья и своих представителей во всех крупных городах России, но и на поддержание православных церквей на Ближнем Востоке. Патриарх, конечно, не без расчета приноровил свой приезд к торжествам восшествия на престол Царственного Дома Романовых. Служба продолжалась около часа, но чудный хор и разнообразие впечатлений настолько развлекали, что время прошло для нас незаметно.

За мною и за неизменно со мною рядом стоящим Барклаем, напирая на нас расшитым золотом передом своего придворного мундира, расположился председатель Думы Родзянко. Меня и Барклая тогда поразила развязность манер этого человека, сыгравшего в истории русской революции столь печальную роль. Несмотря на непосредственную близость Царской Семьи, отделенной от толпы лишь цепочкой камер-пажей, он позволял себе разговаривать с соседом и густым басом подпевать чудному митрополичьему хору.

Пожалуй, самым утомительным из числа торжеств в С.-Петербурге был прием поздравлений Царем и Царицей по случаю празднования 300-летия, так называемый «baise-main».

Выход на этот раз остановился в зале, называемом Николаевским. Царская Семья занимала целый угол зала. Впереди — Императорская Чета, за ней на мягком стуле — Цесаревич и старшие великие княгини и князья. Более молодые члены Семьи предпочли отойти вглубь, чтобы избежать этикета. Все поздравлявшие подходили к Государю, отвешивали поклон, дамы делали придворный реверанс. Царь подавал всем руку, Императрица давала руку для поцелуя. Боюсь сказать, сколько было этих поздравляющих: все придворные чины, фрейлины и камер-фрейлины, Сенат, Государственный Совет, министры и чины министерств, генералитет, Государственная Дума, чины первых классов Империи и т. д. Длинная змея подходящих тянулась через весь огромный зал, выстраиваясь в очередь еще в соседнем зале. Торжественность придворной обстановки исключала всякую торопливость. За порядком следили церемониймейстеры. Они подавали знак очередному поздравителю подходить к Государю. Фрейлины,

подходя, опускали на пол свой подобранный на руку трен, церемониймейстеры расправляли его тросточками по паркету, следовал придворный реверанс, поздравление, и фрейлина отплывала.

Все эти часы поздравления нам: фельдфебелю, старшим камер-пажам и камер-пажам старших великих княгинь пришлось простоять навытяжку непосредственно за Государем и на виду у более молодой части Царской Семьи, отодвинувшейся в глубь зала, где было больше свободы. Особенно страдал от этой церемонии Цесаревич Алексей Николаевич. Его живому нраву было невтерпеж сидеть на стуле и смотреть, как какие-то незнакомые люди длинной и скучной чередой подходят к Отцу и Матери, часто с полным отсутствием грации делают все те же движения и отходят, и так все то же в течение долгих часов. Я Ему искренне сочувствовал, этому красивому живому мальчику. Сначала Он сидел смирно, смотря на красивые мундиры и платья фрейлин. Когда же пошла Государственная Дума, то даже смотреть стало не на что. Он несколько раз оборачивался на сестер Ольгу Николаевну и Татьяну, стоявших сзади, рядом с Великой княгиней Ольгой Александровной. Цесаревич был в форме 4-го Стрелкового Императорской Фамилии полка, в малиновой рубашке и темно-зеленом кафтане, на плечной портупее висела соразмерная его росту шашка. И вдруг я вижу, что Он начинает шашкой играть шлейфом матери, оглядываясь при этом на сестер. Государыня ему сделала знак не играть. Но через несколько минут Он снова начал. Наконец, Его маневры заметил Государь и, повернувшись к нему головой, строго приказал: «Алексей, прекрати!» Наследнику стало еще грустнее.

В тот год впервые начали участвовать в дворцовых торжествах великие княгини Ольга Николаевна и Татьяна Николаевна, а также княжна Ирина Александровна. К ним тоже были причислены камер-пажи. Государыню обвиняли в чрезмерной холодности в обращении, но знавшие Ее ближе, объясняли ее малую приветливость застенчивостью. Кажется, Ее дочери унаследовали у Царицы эту черту характера. Во всяком случае, их камер-пажи рассказывали, что великие княжны не решались спросить у них фамилию и сделали это через Великую княгиню Ольгу Александровну, под явной опекой которой они находились во время выходов и торжеств.

Торжественный во дворце обед не представлял ничего особенного. Он принадлежал к разряду тех, когда по этикету за стулом каждой великой княгини кроме камер-пажа стояло еще по одному камер-юнкеру и камергеру. Говорили, что во время Священной Коронации порядок обеда был еще более сложный: тарелки с пищей передавались на стол при посредстве всех трех чинов двора. Такую невероятно ответственную процедуру нам, к счастью, не пришлось проделывать. Ведь, не дай Бог, прольешь суп или вывалишь жаркое, не донеся до стола!

Не помню ничего, что было бы достойным быть отмеченным во время этого обеда. Разве только, что во время следования к столу после поворота из одного зала в другой я, задумавшись, слишком долго задержал в руках трен Великой княгини Марии Александровны. Это, конечно, не ускользнуло от всевидящего ока идущей за нами Великой княгини Марии Павловны

старшей. Она через Великого князя Димитрия Павловича, с которым шла под руку, указала мне на мою оплошность. Еще одно важное правило придворной службы (кроме уже преподанного мне на базаре Эттером) мне было указано: во Дворце будь все время начеку и не задумывайся.

Совсем другой, отличный от дворцового распорядка, характер носил бал санкт-петербургского дворянства, на котором дворяне принимали Царя и Его Семью по случаю 300-летия Дома Романовых, в котором нам пришлось принять участие, служа камер-пажами. На приеме дворянства не было того торжественного блеска, которым отличались выходы, обеды и приемы в Зимнем дворце. Вся обстановка бала в Дворянском Собрании носила более частный характер. Царская Семья была гостьей в среде своих дворян, и это положение при всей торжественности приема неминуемо уничтожало многие преграды, обязательные при соблюдении придворного этикета. Весь прием Царской Семьи, порядок в залах поддерживался не придворными чинами, а самими дворянами, зал был наполнен не представителями служилой знати, а лицами в большей части не участвующими в придворных приемах. Да и цель собрания была другая. Если выходы служили утверждению и внешнему проявлению мощи и величия Царской России, то бал дворян был проявлением чувства привязанности этого сословия к Короне и готовности служить до гроба Российской Империи.

Царская Семья во время таких балов держала себя с большим тактом, участвуя в общих танцах и смешиваясь с толпой дворян. Камер-пажи в танцах и веселии зала, конечно, не участвовали. Проводив своих великих княгинь в залы, мы выстроились под колоннадой Большого зала (в нем происходил базар уже мною описанный) на возвышении, предназначенном для Высочайших Особ. Тут же стоял и князь Багратион-Мухранский, незадолго до того обвенчанный с княжной Татьяной Константиновной (дочерью Великого князя Константина Константиновича).

Фельдфебель корпуса 1909 г., породистый и красивый в своем кавалергардском мундире, он пользовался общей любовью в нашей пажеской семье. В нашем первом бою 30 июля 1914 г. под Гутковом, лежа с ним вместе в цепи взвода на русско-германской границе, я получил свое боевое крещение как передовой наблюдатель батареи. Во время первых месяцев войны он себя показал выдающимся офицером. Неудовлетворенный службой в кавалерии, он перевелся в Эриванский полк, в рядах которого вскоре и был убит. Вместе с ним тогда перевелись в пехоту кавалергарды Гернгрос и Оржевский — оба были убиты.

Вспоминаю о Багратионе не только для того, чтобы оставить в своих воспоминаниях память об этом храбром офицере и добром товарище, но и для того, чтобы указать, сколько требовалось от офицера гвардии такта в его жизни и службе в Петербурге. Принятый в дом Великого князя как муж дочери последнего, Багратион, казалось бы, должен был оторваться от нашей среды. Но обычаи требовали другого: как муж княжны Татьяны

Константиновны в частной жизни, Багратион был членом семьи Великого князя, вне этого он оставался поручиком, флигель-адъютантом кавалергардского полка, нашим старшим товарищем. И Багратион отлично себя в этом отношении держал.

Уже камер-пажами мы входили в среду петербургского общества и в семью гвардии, офицерами которой через несколько месяцев большинство из нас становилось. И это положение ко многому обязывало, и нам всем были отлично известны случаи, когда юношеские ошибки или несоблюдение обычаев этой среды, совершенные еще камер-пажами, отражались на выходы в полки и налагали, таким образом, печать на всю жизнь человека. К счастью, традиции, привитые нам с детства, воспитание в корпусе, служба при Дворе и, пожалуй, самое важное, постоянная тесная связь с пажами, уже ставшими господами офицерами, давали тем из нас, которые этого хотели, исчерпывающую школу.

Высочайшие Особы были в «городских» платьях, а потому шлейфов нам нести не приходилось. Большинство великих княгинь и, конечно, великие княжны танцевали, а потому находились в зале, а на возвышении под колоннами заняли места лишь Государыня и пожилые великие княгини. Камер-пажи были отведены в глубь возвышения, и лишь фельдфебель, старшие камер-пажи при Императрице и мы с Барклаем оставались впереди на возвышении.

Не могу сказать, чтобы в зале царил порядок. Распорядители из дворян оттесняли приглашенных, желая образовать более просторное место для танцев. Гости же пытались стать поближе к возвышению, чтобы видеть Государя, а потому стремились прорваться в первые ряды. Это мешало порядку и портило общую картину бала.

Распорядители подводили к великим княжнам лучших танцоров из офицеров гвардейских полков, многие из них были в Петербурге известны как отличные дирижеры на танцевальных вечерах. Хотя я никогда не любил танцы, но камер-пажем часто приходилось бывать на таких вечерах. За последние годы перед войной эти вечера становились все блестящее. Входило в моду делать котильоны из живых цветов, выписываемых среди суровой нашей зимы из Ниццы. И должен признать, что это было очень красиво, когда в руках танцующих появлялись эти цветы, то белые, то красные, то розовые, душистые и свежие. Та же роскошь была и на описываемом балу.

Из дирижеров в то время особенно выделялись улан Ее Величества ротмистр Маслов, барон Притвиц 4-го Стрелкового Императорской Фамилии полка, конногвардеец Струве, флигель-адъютант, хороший ездок на конкурах, с которым мы ровно через два года прощались, молясь за упокой его души. Он был убит в феврале 1915 г. на подступах к Марьямполю. Лежал он мертвым такой же красивый, с лицом, немного напоминающим Императора Николая I (поэтому он носил небольшие баки), рядом лежал убитый в том же бою солдат Конного полка. Рыжий священник полка служил панихиду. Боже! Скольких мы уже проводили в лучший мир!

Нам с Барклаем опять везло. Оставаясь при наших великих княгинях, мы могли наблюдать за красивой картиной бала. Наши великие княгини сидели в креслах слева на возвышении, обмениваясь впечатлениями. Но тут произошел инцидент, сильно взволновавший бедного Барклая. Великая княгиня Мария Павловна начала что-то говорить своей соседке, указывая глазами в зал, и затем, желая, по-видимому, в чем-то убедиться, встала. Думая, что Великая княгиня собирается спуститься в зал, Барклай отодвинул кресло, и в тот же момент Великая княгиня, не оборачиваясь, стала садиться. Быстрым движением Барклай толкнул кресло вперед, так что Великая княгиня все же села в кресло, хотя всего лишь на самый край его. Не сделай Барклай этого быстрого движения, Великая княгиня оказалась бы на полу. Со сдвинутыми бровями она обернулась к нему и бросила: «Vous etes fou!» Покраснев, как рак, Барклай мне только шепнул: «Фу, как жарко!»

Закончу эти воспоминания о торжествах в Санкт-Петербурге кратким описанием представления оперы «Жизнь за царя» в Мариинском театре. Это было одно из красивейших виденных мною за мою жизнь зрелищ.

Государь и старшие члены Царской Семьи присутствовали на представлении, сидя в центральной, так называемой, Царской ложе театра. Более молодые Высочайшие особы были помещены в Боковых великокняженских ложах. Партер был занят Сенатом, Государственным Советом, придворными чинами и чинами первых первых классов. Первые ряды красных сенатских мундиров сменялись зелеными мундирами Совета, после которых блистало золото придворных чинов. Все это в соединении с сединами этих сановников Империи создавало необычайно красочную картину. В ложах группами сидели офицеры гвардейских полков: в классических мундирах кавалергарды, конногвардейцы и кирасиры, роскошные гусары, изящные уланы, в строгих мундирах наша конная артиллерия, в цветных лацканах гвардейская пехота, стрелки Императорской Фамилии и т. д. и т. д.; в ложах же были размещены статс-дамы и фрейлины в своих украшенных золотом платьях, с кокошниками на головах; эти платья введены были в придворный обиход Императором Николаем I и просуществовали до нашего времени без изменения, — платья были лишь удлинены шлейфом.

Когда Царь вошел в ложу, весь театр встал и обернулся к нему лицом. Войдя в ложу за Великой княгиней Марией Александровной, я оторопел от красоты представшей передо мной картины, от этой игры красок, от роскоши мундиров, изобилия золота, разнообразия уборов.

Быть может, кто-нибудь меня спросит, для чего нужны были это изобилие золота, разнообразие красок, эта подчеркнутая роскошь? Как участник этой непередаваемой красоты, я отвечу: по моему глубокому убеждению, все это было нужно. Я всегда воспринимал Русскую монархию как какое-то земное воплощение духовной, почти что божественной красоты. Весь этот блеск мне представлялся лишь внешним проявлением

этой единственной в своем роде, единственной в мире, неповторимой в своей внутренней красоте Идеи Русской Монархии.

В антрактах весь театр поднимался и кулуары оживлялись мундирами вышедших из лож и партера приглашенных. Царская Семья тоже выходила из ложи, и мы, камер-пажи, за нею.

Тут я обратил внимание на парных часовых, стоящих у входа в ложу. Это были два великана — матросы из Гвардейского Экипажа. Они были не совсем одинакового роста. Видно, не удалось подобрать двоих одного роста. Мне было в то время 19 лет, и хотя я рос до 25 лет, но и тогда был около 1 м 70 см росту. Я подошел поближе к самому высокому и оказался ему по грудь, следовательно, он был далеко за 2 метра ростом и при этом совершенно правильно сложен.

В смысле голосового состава, сказать по правде, представление было менее удачно. Пели наиболее старые и заслуженные солисты, и годы сказывались как на голосах, так и на комплекциях. Великая княгиня Ксения Александровна сильно поморщилась, когда тенор Яковлев сорвался на какой-то высокой ноте.

Эта красивая феерия закончилась пением «Боже, Царя храни...», снова весь зал стоял, и слезы восторга наворачивались на глаза, слушая этот торжественный гимн.

Закончились торжества, и мы вернулись к нашим каждодневным занятиям в корпусе — лекциям, репетициям, строевым занятиям.

За участие в торжествах 300-летия Царствования Дома Романовых мы все получили именные памятные знаки для ношения на правой стороне мундира. Эти знаки переходят по наследству старшему потомку участника торжеств. Одновременно с этим нам раздали и памятные медали, изображающие Царя Михаила Федоровича и Государя Николая II. Они носились в колодке на трехцветной «романовской» ленте (белой, желтой, черной). У меня образовалась «внушительная» колодка из медали и креста Саксен-Кобург-Готского.

В этом году мы вышли в лагерь Красного Села, как всегда, в конце апреля и приступили к съемкам и полевым задачам. В конце мая стало известно, что нас ожидает вызов в Москву для участия в торжествах 300-летия, имеющих быть в Первопрестольной.

Радость наша была неописуема. Отпустившим за месяц в лагере усы пришлось их сбрить, отчего на верхней губе оказалось белое, незагорелое пятно (Воронов, Карангозов в особенности). Нас приводила в восторг не только новая возможность участвовать в придворных торжествах и надеть новый блестящий мундир, но и все сопряженное с поездкой в Москву — путешествие, жизнь в гостинице, новая обстановка, а также сокращение и окончание занятий в корпусе.

В отдельном вагоне II класса мы за ночь в скором поезде без утомления проехали те 609 верст, что отделяли Петербург от Москвы. Помещены мы были в гостинице «Княжий двор», недалеко от Храма Христа Спасителя. Туда же был свезен груз с нашими мундирами, в гостинице же мы и

питались. Из офицеров нас сопровождали полковник Карпинский, капитан Малашенко и штабс-капитан Сальков.

Уже опытные в одевании придворного мундира, мы утром перед службой быстро натягивали лосины, которые в наше время лишь по преданию так назывались и шились из белого шерстяного материала. Ботфорты надевались не труднее любых высоких сапог, только крючки для натягивания их были длиннее из-за идущих выше колен голенищ. Ходить в ботфортах было нетрудно, — трущиеся между собой верхние части голенищ задерживали лишь быстрые движения при беге или танцах.

Мундиры были длиннее городских и доходили до середины ляжки. Спереди на них было 14 двойных галунов (придворного образца), сзади на карманах, как и на городском мундире, по четыре галуна. Чтобы сесть, надо было расстегнуть нижние пуговицы мундира. Поднимая шлейф великой княгини, рекомендовалось делать склонение в сторону, а не прямо вперед. Во-первых, мешали нижние галуны мундира, во-вторых, повешенная на шпагу каска соскальзывала вперед и мешала идти, а подбирать шлейф приходилось на ходу. И в-третьих, склонение на бок было красивее, нежели прямо вперед, от которого сзади идущим Высочайшим Особам представлялась картина мало презентабельная. Кроме всего, при наклонении вбок меньше натягивались лосины. В анналах корпуса была устная передача о том, как у одного камер-пажа при склонении вперед лопнули сзади лосины, а так как мы , во избежание складок, надевали их на голое тело, то картина представлялась недопустимая и мало соответствующая придворному этикету. Не ручаюсь, что такой случай имел место, но мы панически боялись его повторения и применялись как могли к стеснительности придворного камер-пажеского обмундирования. Шпага, которую при производстве уходящие по традиции передавали младшим товарищам, носилась на золотом поясе снаружи (при городском мундире мы ее носили на перевязи, надеваемой под мундир, так чтобы эфес ее выступал из прорези на левой стороне мундира). Каска была та же, что носила 1-я строевая рота. Но ко двору она украшалась белым султаном из конского волоса, прикрепленным к шишаку. На ботфортах шпоры были не прибивные, как при городской форме, а прикреплялись черными ремнями из той же, что и ботфорты, лакированной кожи.

Благодаря теплой весенней погоде, мы пальто не накидывали, и в предоставленных нам Дворцовым управлением четырехместных ландо даже опускали стекла. Делали это не без расчета — pour epater московскую публику, с любопытством смотревшую на наши незнакомые ей мундиры. Даже парные часовые у ворот Кремля, юнкера московских училищ, мало разбирались в разнообразии форм участников торжеств, и на всякий случай отдавали нам честь «по-ефрейторски». Это нас забавляло.

В свободное от придворной службы время мы посещали друзей и знакомых в городе, ходили в кинематограф смотреть на самих себя как на участников шествий. Государь из Первопрестольной уехал в Ярославль и Кострому, а мы вернулись в Санкт-Петербург.

По возвращении в красносельский лагерь мы через несколько дней были раскомандированы в части, в которые были приняты.

26 мая мы с утра отправились в Большой Кремлевский дворец, построенный в царствование Императора Николая I. От «Княжьего Двора» до Кремля недалеко. Мимо Румянцевского музея и Большого Манежа наши кареты через Тайницкие ворота въехали в Кремль. У ворот стояли парные часовые от Алексеевского училища.

Въехав в стены Кремля, мы повернули направо мимо здания, в котором помещалось Дворцовое управление и квартиры князя Одоевского-Маслова и Истомина. К дворцу мы подъехали не с главного подъезда, а с бокового, и внутренней лестницей были проведены в часть дворца, примыкающую к Боровицким воротам. После сбора Царской Семьи начался выход. Шествие должно было через залы дворца выйти на Красное крыльцо, спуститься по нему и пройти в Успенский собор, где митрополит Московский и Коломенский Владимир ожидал Царя для служения торжественного молебна.

Выход двинулся. Помнится, сквозь окна дворца, выходящие на Замоскворечье, глядело пасмурное весеннее утро, пахло дождем, и у меня мелькнула мысль: «Жаль, если выход из дворца на Красное крыльцо будет под дождем». Но было не до размышлений о погоде. В незнакомой обстановке надо было быть особенно начеку, а кроме того, как всегда, красота выхода полностью захватывала.

Я согласен со знатоками стилей, что Большой Кремлевский дворец по своей архитектуре совершенно чужд окружающей его старине. Но все же внутреннее его убранство по своей красоте и роскоши вполне соответствует цели, для которой он был построен. В нем, по мысли Николая I, должны были происходить приемы вновь коронованных Императоров Всероссийских. Залы назывались в честь российских орденов, и их убранство соответствовало по цвету и эмблемам этим орденам. Из внутренних покоев наше шествие вышло в угловой Екатерининский зал, красное убранство которого выигрышно подчеркивало роскошные платья собравшихся в нем придворных дам и фрейлин. Здесь мы повернули налево, и до самого Георгиевского зала выход двигался по прямому направлению, отчего, разостлав трэн Великой княгини, я смог насладиться картиной Замоскворечья и видом залов, через которые проходило шествие.

Государь был в форме Астраханского гренадерского полка. В голубом Андреевском зале, следовавшем за Кавалергардским, были сосредоточены делегации полков, главным образом, Московского военного округа. Я с любопытством разглядывал эти формы, совсем недавно введенные. Перед голубыми Сумцами стоял их новый командир Гротен (офицер лейб-гвардии гусарского Его Величества полка). Андреевский зал громаден по своим размерам. Это тронный зал, он тянулся по фасаду дворца и был особенно красив благодаря сосредоточению в нем делегаций армии.

В последнем, Георгиевском зале, расположенном под прямым углом к Андреевскому, Государя встретило московское дворянство, земство и

гражданские чины. Зал очень красив — строгие цвета ордена Св. Георгия придают ему какую-то торжественность; золото украшающих его орденских звезд подчеркивает это своей роскошью.

На середину зала навстречу Государю вышел Александр Дмитриевич Самарин, приветствуя Государя от имени московских дворян, предводителем которых он был. В Москве даже на придворных торжествах лежал какой-то отпечаток «домашности». Вероятно, от этого, когда Государь остановился перед Самариным, все шествие не осталось в колонне, а продвинулось далеко и образовало полукруг около Императора.

Самарин в своей речи, обращенной к Царю, выражал чувство преданности ему московского дворянства. Следуя за моей Великой княгиней, я оказался слева и впереди Государя и мог вблизи наблюдать его лицо и слушать его ответное московскому дворянству слово. Я слышал Царя впервые. Он говорил исключительно спокойно, ровным негромким голосом. Но благодаря безупречному произношению каждое слово его звучало отчетливо. Характер его произношения был, что называется — «петербургский», в отличие от более мягкого произношения Москвы и прочих городов российских.

Как мне казалось, Царь говорил без подготовки, что я вывел из того, что он в своем ответе касался многих пунктов обращения к нему дворян. Речь Государя, обращенная к Своим дворянам, была ясна и чиста и лилась, спокойная и сердечная, выявляя всего Его. На меня этот момент торжеств произвел сильное впечатление. Передав Государю грамоту дворянства, Самарин с поклоном отошел.

Выход снова выстроился для следования через двери Георгиевского зала на Красное крыльцо. У дверей стояли парные часовые юнкера Александровского училища. Как я упоминал, погода с утра была пасмурная, и здесь при выходе Царя на древнее Крыльцо произошло чудо, которое я описал в своем рассказе «Один из сорока трех». Порыв ветра мгновенно разорвал покрывавшие небо тучи, и радостное весеннее солнце залило своим светом Царя, сходящего с крыльца к толпе своего народа, запрудившего все свободное между соборами пространство. Звон колоколов, музыка оркестров и крики «ура» несметной толпы, все слилось в ликующий, радостный, какой-то весенний аккорд. Под несмолкаемые крики народа шествие медленно спустилось по лестнице и прошло в Успенский собор.

После радостно-ликующего настроения площади нас в соборе мгновенно охватило то особенное чувство, которое бывает, когда, обнажив голову, входишь в овеянные стариной и поколениями стены наших православных храмов. Роскошное, все усыпанное камнями-самоцветами облачение духовенства, песнопение, кажущееся неземным в рамке древних расписанных сводов, и строгие лики святителей создали контраст с буйным ликованием площади. Все это врезалось в память на всю жизнь.

После молебна торжество для нас закончилось.

Обед в Георгиевском зале Большого дворца мало чем отличался от таких же придворных обедов в С.-Петербурге. Только лица были другие. Во время обеда играли трубачи Сумского полка и пел хор Императорского Московского театра.

Зато на бале, данном московским дворянством своему Царственному Гостю и Его Августейшей Семье, надо остановиться подольше.

В сумерки этого майского вечера мы были доставлены в Дворянское Собрание. Одна за другой стали подъезжать кареты с великими княгинями, и мы встречали их на подъезде. Подъехал Государь с Царицей и великими княжнами Ольгой Николаевной и Татьяной Николаевной. Из молодых великих княжон присутствовала княгиня Ирина Александровна, отличавшаяся своей строгой красотой. Царевны были обе совершенно разного типа лица. Ольгу Николаевну нельзя было назвать красивой, но она подкупала своей свежестью и улыбкой своих, как у Отца, лучистых глаз. Лицо Татьяны Николаевны отличалось оригинальностью его красивых черт. Но хотя совершенно разные, они обе были каждая в своем роде очаровательны.

Бал в Москве отличался от петербургского своим строгим порядком, радушием и какою-то сердечностью приема. Московские дворяне сумели принять своего Царя. Красивый зал был с тонким вкусом декорирован розовыми весенними цветами. Всюду распорядители из дворян, по-видимому, по заранее продуманному плану, руководили огромным количеством приглашенных. Видна была забота создать и подчеркнуть то настроение доверия и близости Царя и Народа, которые установились в России после бурь революции 1905 года.

Царская Семья была помещена на возвышении по короткой стене зала, сейчас же у входа. С этого места виден был весь зал, в глубине которого несколько ступеней вели под колоннаду, поддерживающую хоры, на которых помещался оркестр.

Бал открылся полонезом. Во главе шел Император, ведя жену московского уездного предводителя дворянства А. В. Базилевскую. А. Д. Самарин был холост, и потому она оказалась старшей дворянкой Москвы. Во второй паре шла Императрица с Александром Дмитриевичем. Далее шли великие княгини и князья с представителями московского дворянства. Государь был в форме лейб-гусарского Павлоградского полка. Гусарский мундир очень шел Царю, его невысокой, но великолепно сложенной фигуре. Он любил надевать формы гусарских полков и умел их носить.

Мы, камер-пажи, стояли на возвышении и наблюдали эту яркую картину, в которой светлые платья дам смешивались с золотом и разнообразием цветов мундиров.

После полонеза на минуту получилась заминка. Музыка заиграла вальс, но гости ждали инициативы Царской Семьи. Одновременно великим княжнам представили танцоров, и весь зал закружился. Время проходило быстро. Бал был веселый и красивый. В зале царило то трудно определимое настроение, которое отличает удачный вечер от неудачного.

По знаку распорядителя оркестр остановился и Самарин, склонившись перед Царем, попросил высоких гостей проследовать к ужину. Пересекая зал в длину, шествие поднялось по ступеням под колоннаду и прошло в соседний зал, где был сервирован ужин. Стол Царской Семьи был установлен на возвышении, лицом к залу, столы для приглашенных стояли перпендикулярно к нему. Нас, камер-пажей, поставили вдоль стены за столом Царской Семьи и лицом к залу. Наискосок влево от меня за столом приглашенных сидели знакомые по Петербургу княжны Урусовы, конногвардеец Ширков, Катков и др.

Всегда такая ко мне внимательная, Великая княгиня Мария Александровна во время ужина передала мне через рядом с ней сидевшего московского губернатора, свиты Его Величества ген.-майора Владимира Федоровича Джунковского свой стакан вина. «Пусть выпьет за мое здоровье», — с улыбкой сказала она.

Это был самый трудный «официальный» стакан шампанского, который я в жизни выпил. «Ваше здоровье, Ваше Императорское Высочество», — отвесив поклон, произнес я, и, не дыша, чтобы газы шампанского не били в небо, я залпом выпил фужер под взглядом Великой княгини, Джунковского и моих знакомых со стола напротив.Последние явно потешались над трудностью моего положения. Я отдал стакан проходящему лакею и снова вытянулся в струнку.

После ужина вскоре начался разъезд. Великие княгини Мария Александровна и Мария Павловна уезжали вместе. Я в последний раз видел мою Великую княгиню. Она особенно приветливо простилась со мною и подарила на память золотой герб Москвы, который дворяне передавали всем участникам бала. Простые смертные вместо золотого значка получали серебряные. Великая княгиня спросила меня, в какую часть я выхожу. «Значит, скоро будете офицером. Заранее поздравляю. Еще раз благодарю за службу». А потом, обращаясь к Самарину, продолжала: «Александр Дмитриевич, очень прошу вас накормить моего камер-пажа и присмотреть, чтобы он потанцевал». Двери кареты захлопнулись, и великие княгини уехали.

Исполняя распоряжение Великой княгини, Самарин повел меня наверх к открытому буфету, где мы с ним выпили по рюмке водки и я поел, так как здорово проголодался. Потом я спустился в зал, где бал продолжался.

Я думаю, что многим будет непонятно, отчего для нас воспоминания о службе при дворе Императора так дороги. Перечтя этот краткий очерк моей службы во дворце, я пришел к убеждению, что если для меня эти воспоминания являются самым ярким впечатлением моей юности, то для читателя этого очерка вряд ли они будут интересны.

Мне эти воспоминания дороги не только как воспоминания молодости, которые с годами облекаются грустной прелестью, не только как память о золотом, красивом мундире и блеске, меня в те часы окружавшем. Не только потому, что в эти часы я был близок к Государю, сиявшему в

ореоле Царственного Венца. Нет, не только оттого! Участвуя в придворных торжествах, стоя в храмах или дивясь сказочной красоте, роскоши и блеску в Мариинском театре, я бессознательно чувствовал себя приобщенным к тому дивному явлению, которое носило имя Россия.

Буэнос-Айрес, 1956

ЕВГЕНИЙ ВЕСЕЛОВ

СВЯТОЙ ВЕРНУЛСЯ В ПАЖЕСКИЙ КОРПУС

Вчера Санкт-Петербургское суворовское военное училище, считающее себя историческим преемником Пажеского Его Величества корпуса, отмечало 195-летнюю годовщину этого императорского учебного заведения.

В Воронцовский дворец, который с начала XIX века и до 1918 года служил домом для пажей, съехались потомки бывших воспитанников, выпускники СВУ разных лет (оно размещается здесь с 1955 г.), представители историко-культурных, военно-патриотических, дворянских и монархических организаций. Был здесь и живой паж — дай Бог ему здоровья! — Михаил Иванович Вальберг, 94 лет, который отчетливо помнит и своих товарищей по корпусу, и парады в Конногвардейском манеже...

В библиотеке, которая некогда была православным корпусным храмом, где собрались гости, суворовцы и их воспитатели, отслужили молебен. Совершивший его отец Геннадий Беловолов, священник Петропавловской церкви Тихвинского благочиния, передал начальнику училища генерал-майору Валерию Скоблову икону святого Серафима. Событие это в духовной жизни не только нынешних обитателей дворца на Садовой, 26, но и всех верующих петербуржцев совершенно удивительное. Ведь митрополит петроградский Серафим (в миру — Леонид Чичагов), невинно осужденный и растрелянный НКВД в декабре 37-го, когда-то учился в этих стенах. Окончив пажеский корпус в 1875 году, попал на Балканскую войну, где проявил мужество, отмечен многими боевыми наградами. На пастырское служение этого блестящего офицера благословил Иоанн Кронштадский. Только нынче архиерейский собор причислил Серафима к лику священномучеников. Икону святого даровала суворовцам внучка

митрополита, живущая в Москве игуменья Новодевичьего монастыря Серафима.

Теперь, по словам отца Геннадия, Серафим вернулся в родные стены, а у ребят в алых погонах появился свой небесный покровитель и заступник. (Кстати, наше СВУ — подшефное учебное заведение редакции газеты «Вечерний Петербург» — заняло по итогам уходящего года первое место среди суворовских училищ России.)

Появление иконы святого Серафима можно считать началом возрождения православного храма в стенах училища. Патриоты Отечества, по уверению зав. библиотекой Ольги Сильченко, за ценой не постоят. В частности, известный меценат барон Эдуард Фальц-Фейн, внук директора пажеского корпуса (1900 — 1906 гг.) генерала-от-инфантерии Н. А. Епанчина, сообщил, что даст на это благое дело 40 тысяч долларов.

«Вечерний Петербург», 26.12.97

ТАТЬЯНА ГЕРХЕН

ЛЕБЕДИНАЯ ПЕСНЬ К. Р.

Последнее произведение, написанное Августейшим поэтом, Великим князем Константином Константиновичем Романовым, любимое его детище – драма «Царь Иудейский» – имело необычную судьбу. О событиях, сопровождавших это произведение, о том, как оно вышло из-под контроля автора после премьеры и зажило собственной жизнью, – наш рассказ.

1. Цензурные затруднения

В мае 1914 года композитору Александру Глазунову по высочайшему соизволению был пожалован золотой портсигар. Это был ценный подарок, которым Государь Император отметил созданное Глазуновым музыкальное сопровождение пьесы, поставленной на сцене Эрмитажного театра в январе 1914 года. Казалось бы, вполне рядовое событие. При дворе было принято жаловать ценными подарками артистов, принимавших участие в спектаклях или концертах, проходивших в присутствии Высочайших Особ.

Обычно Министерство Императорского Двора направляло в Камеральное отделение Кабинета Его Императорского Величества список награжденных лиц и примерную стоимость подарков для

каждого из них. В Камеральном отделении хранилось личное имущество Государя, в том числе драгоценные вещи и ювелирные изделия. Чиновник отбирал из них по списку подарки и организовывал их вручение. При этом награждаемый мог выбрать один из трех возможных вариантов поведения:

– принять подарок с благодарностью;

– попросить замену подарочных вещей другими;

– продать обратно в Кабинет пожалованную вещь, если очень были нужны деньги.

Для подарка А. К. Глазунову был сделан заказ Карлу Фаберже. Изготовление подарка задерживалось, Кабинет торопил Фаберже, и, наконец, в мае А. К. Глазунову был вручен роскошный золотой портсигар с изображением государственного герба и памятной надписью. По-видимому, это был последний заказ Императорского Двора Карлу Фаберже на изготовление специального подарка артисту. Через два месяца началась Мировая война, и у Двора появились другие заботы.

Спектакль, к которому А. К. Глазунов написал музыку, назывался «Царь Иудейский». Автором пьесы был К. Р. – Великий князь Константин Константинович Романов, дядя Николая II. Эта драма, повествующая о последней неделе земной жизни Иисуса Христа, в течение ряда лет являлась предметом ожесточенных споров и обсуждений на страницах российских и зарубежных газет и журналов. Причиной такого внимания явилось то обстоятельство, что Святой Синод, не посчитавшийся с высоким положением автора и с его родственными связями, запретил пьесу.

В России существовал «Закон Святейшего Синода о допущении к сценическому воспроизведению драматических сочинений, имеющих отношение к священным лицам или событиям». К. Р. при написании пьесы «Царь Иудейский» учел все требования Закона Синода. Среди действующих лиц не было Иисуса Христа, Божьей Матери, апостолов, святых. Происходящее становилось ясным из пения хора, из диалогов очевидцев событий. Соблюдая Закон, К. Р. передал в апреле 1912 года свою пьесу на рассмотрение в канцелярию обер-прокурора Святейшего Синода В. К. Саблера, наивно полагая, что выполняет пустую формальность. Но все оказалось не так-то просто. С этого момента начали происходить непонятные, не поддающиеся логическому объяснению события. В мае 1912 года В. К. Саблер препроводил пьесу в Санкт-Петербургский духовно-цензурный комитет и распорядился доставить в возможно непродолжительное время отзыв о пьесе в Синод.

Цензоры поняли, что обер-прокурор, имевший право лично дать разрешение Великому князю на постановку пьесы, не хочет брать на себя ответственность и перекладывает все на Цензурный комитет. Цензоры начали выискивать какие-нибудь огрехи, и вот какой любопытный документ они сочинили:

«Действующие законодательства по вопросам о цензуре и печати не содержат в себе какого-либо воспрещения относительно литературной формы таковых произведений, равно как и воспроизведения на сцене. Следовательно, с точки зрения закона представление на сцене драматических произведений, хотя и имеющих отношение к священным событиям и лицам, не противных по содержанию своему догматам, обрядам и обычаям Православной Церкви и православно-христианской нравственности, нельзя рассматривать как деяние законопреступное.

Однако в последние годы по двум запросам Главного управления по делам печати Священный Синод высказался отрицательно (14.08. 1907 и 20.09.1907). Святейшим Синодом были отклонены ходатайства: 1. Директора Московского художественного театра о постановке мистерии Байрона «Каин» и драмы Оскара Уайльда «Саломея». 2. Отклонена трагедия Карла Вейзера «Ирод Великий».

У Святейшего Синода были следующие соображения:

1. В «Каине» и «Саломее» выводятся перед зрителем такие лица, как Иоанн Предтеча, Адам, Ева, Авель, признаваемые Православной Церковью СВЯТЫМИ, и даются неверные представления о лицах и событиях Священной Истории, а потому могут произвести немало соблазна среди верующих.

2. Трагедия «Ирод Великий» заключает в себе изложение некоторых событий Библейской Истории, не согласное со свидетельством Святого Евангелия (напр. Луки, 2. 13-14)».

Другими словами, со стороны цензуры замечаний к пьесе нет, основу ее составляет евангельский текст, она не противоречит православно-христианской нравственности, запрещать ее нет оснований. Однако в прошлом были случаи запрета пьес, и дело самого Синода решить, как поступить на этот раз.

В мае 1912 года в канцелярии Синода появилось «Дело № 285» о допущении к представлению драмы «Царь Иудейский». Пьеса была отклонена Святейшим Синодом в связи с тем, что «автор выводит на сцену исторические личности, высоко чтимые Православной Церковью. Кроме того, некоторые из действующих лиц пьесы произносят такие слова о Христе, которые не должны быть произносимы на театральных подмостках».

После этого К. Р. больше года переписывал пьесу, корректировал, сокращал. После третьей переделки К. Р. решил, что все препятствия устранены, и, не дождавшись окончательного решения Синода, попросил А. К. Глазунова написать музыку к драме. Но Святейший Синод был неумолим. Потребовалось вмешательство Императора Николая II, после чего Синод пошел на компромисс. Запрет на пьесу оставался в силе, но как исключение разрешался один-единственный спектакль, чтобы Государь Император мог иметь о ней свое суждение.

Слухи о запрете постановки «Царя Иудейского» проникли на страницы прессы, никто не знал текста драмы, не понимал причин запрета. В августе 1913 года в газете «Петербургский листок» появилось интервью, которое корреспондент газеты взял у композитора Глазунова. Глазунов сказал: «Да, мною написана музыка к драме «Царь Иудейский». Содержание драмы я вам, к сожалению, сообщить не могу, такова воля автора. Музыка написана для большого оркестра и хора. Музыка местами будет, по внутренней своей концепции, еврейская». Интерес к пьесе проявляли и за рубежом. В сентябре 1913 года газета «Вечернее время» сообщила: «Августейший автор драмы «Царь Иудейский» на днях получил несколько предложений из-за границы поставить свою пьесу. Предложения отклонены».

В конце сентября 1913 года А. К. Глазунов сообщил корреспонденту «Биржевых ведомостей», что считает пьесу «Царь Иудейский» изумительной. Глазунов сказал: «Я только позволю себе выразить удивление по поводу запрета пьесы «Царь Иудейский» к постановке вообще. По моему убеждению, да и по самому характеру пьесы, – там полнейшее торжество идеи христианства. А жаль, что широкая публика не ознакомится с этим чудесным произведением».

О том же жалели и артисты, и режиссеры, и художники, и Кабинет Императорского Двора, отпускавший огромные деньги на реквизит, декорации, костюмы, макеты, эскизы и прочее.

Коллектив артистов в пьесе, которая ставилась в Эрмитажном театре по программе «Измайловского досуга», подобрался уникальный.

Здесь требуется пояснение, что такое «Измайловский досуг». Это было нечто вроде офицерской художественной самодеятельности, существовавшей с 1884 года в лейб-гвардии Измайловском полку. Бессменным председателем «Досуга» с момента его основания был К. Р. Участвовали в нем творчески одаренные офицеры, занимавшиеся в свободное время музицированием, поэзией, драматическим искусством. Поначалу это были очень закрытые собрания единомышленников, но постепенно положение менялось, и на вечерах стали появляться «особо приглашенные лица» – родственники и знакомые. Следует иметь в виду, что актерское мастерство офицерам преподавали известные актеры и режиссеры, например, Давыдов и Арбатов.

Слухи об этих вечерах проникли в общество, быть приглашенным считалось престижным. Иногда вечера настолько удавались, спектакли имели такой успех, что удостаивались повторения перед Государем Императором. При этом проблема с женскими ролями казалась неразрешимой – офицеры играли только те сцены из спектаклей, где были одни мужские роли.

В конце 1890-х годов К. Р. сделал оригинальный перевод пьесы Шекспира «Гамлет», позднее перевел пьесу Шиллера «Мессинская

невеста». «Измайловский досуг» решил поставить эти пьесы целиком и пригласил на женские роли актрис Александринского театра. Спектакли прошли с большим успехом, зрителям понравилось смотреть совместную игру своих хороших знакомых офицеров-дилетантов и профессиональных актрис. Постоянным участником всех постановок, обычно в главной роли, был сам К. Р.

К участию в драме «Царь Иудейский» также были приглашены актрисы Александринского театра, но женских ролей было много, и в массовых сценах появились ученицы Императорского театрального училища и дамы из общества. Кроме того, были приглашены два оперных певца и пять артистов балета из Мариинского театра. Балетные номера – пляски сирийских рабов и рабынь – поставил балетмейстер М. М. Фокин. Музыку исполнял придворный оркестр и духовой оркестр Измайловского полка. Пели два хора: один – из нижних чинов полка, второй – придворный. Толпу на сцене представляли солдаты полка.

Один из участников постановки оставил забавные воспоминания о репетициях спектакля:

«К. Р. на репетиции обращается к загримированному солдату, играющему в массовке:

– Скажи нам, пожалуйста, кого ты изображаешь?

– Так что убийцу, Ваше Высочество!

– Не убийцу, а нубийца. Это народ такой был, в Африке они жили, в стране Нубии.

Через три дня К. Р. снова встречается с солдатом на репетиции.

– Ну, теперь ты нам сможешь правильно сказать, кого ты изображаешь?

– Так точно, Ваше Высочество, «не убийцу!».

Всего в пьесе участвовало более 200 человек, в том числе два генерал-майора, шесть полковников, 22 капитана, 40 поручиков и подпоручиков. Сам К. Р. исполнял одну из главных ролей – Иосифа Аримафейского, его два сына – Константин и Игорь – исполняли второстепенные роли.

Над оформлением спектакля трудились пять художников, главный режиссер Арбатов имел четырех помощников режиссера.

Всем этим огромным и сложным коллективом успешно и твердо руководил секретарь «Измайловского досуга» капитан П. В. Данильченко. Он был главным администратором и хозяйственником, через его руки прошли 57000 рублей, выделенных Кабинетом на постановку драмы.

Не хотелось думать о том, что вся эта подготовительная работа, реализовавшись в три часа театральной премьеры, больше уже никогда никому не будет показана. И измайловцы схитрили. До премьеры они устроили 10 генеральных репетиций, на которых перебывал «весь Петербург», многие журналисты и фоторепортеры.

11 января 1914 года спектакль «Царь Иудейский» прошел в Эрмитажном театре с огромным успехом. После спектакля все артисты, офицеры и профессионалы в костюмах и гриме были приглашены на ужин во дворец. Столы были великолепны, но веселья не было. Общее настроение выразил в своей речи артист Давыдов. Он сказал, что время подготовки и репетиций было счастливейшим для всех участников. С завершением премьеры в их душах наступили внезапная пустота, тишина и тоска.

Действительно, этот состав никогда уже больше вместе не собирался.

На следующий день после премьеры разбирались декорации, составлялись наградные списки на всех участников спектакля. Выполнялся расчет денежного вознаграждения персоналу постановочной части, при этом были учтены все без исключения – от портных и гримеров до кучеров и сторожей...

В Кабинет был передан список 31 лица на пожалование драгоценных подарков. В список вошли артисты драмы и балета, художники, хормейстеры, капельмейстеры, режиссер, костюмер, парикмахер, изготовительница цветов, инженер-осветитель. Особенно ценными подарками были отмечены два человека – секретарь «Измайловского досуга» П. В. Данильченко (он же – заведующий спектаклем), получивший золотые часы с бриллиантами стоимостью в 300 рублей, и композитор А. К. Глазунов, которому назначался золотой портсигар с государственным гербом стоимостью в 350 рублей. Но в битком набитом драгоценностями Камеральном кабинете именно такого портсигара не оказалось. Поэтому исполнительный чиновник сделал заказ Карлу Фаберже.

Интересно, где сейчас этот портсигар?

А. К. Глазунов после революции продолжал оставаться на посту директора Петроградской консерватории. В 1928 году он уехал на лечение во Францию и в Россию больше не вернулся. Скончался он в Париже в 1936 году.

2. Метаморфозы пьесы после премьеры

На следующий день после премьеры столичные газеты вышли с рецензиями на спектакль, причем оценки были прямо противоположными. Статьи сопровождались одними и теми же четырьмя фотографиями, одобренными цензурой, на которых изображались:

– Великий князь Константин Константинович в роли Иосифа Аримафейского;

– штабс-капитан лейб-гвардии Измайловского полка в отставке А. Л. Герхен в роли Понтия Пилата;

– Его Высочество князь Константин (сын К. Р.) в роли префекта римской когорты;

– Его Высочество князь Игорь (сын К. Р.) в роли поселянина Руфа.

Большинство корреспондентов считало запрет пьесы неоправданным, другие называли пьесу кощунственной. В январе 1914 года петербургские газеты писали:

«Современное слово»: «...сомнения духовных сфер относительно пьесы, по обыкновению, непостижимы».

«С.-Петербургские ведомости»: «...только во имя каких-то совершенно непонятных соображений внутренней церковной политики доступ широких народных масс к лицезрению "Царя Иудейского" должен быть закрыт».

«Биржевые ведомости»: «...если бы на пьесу наложили запрещение древние римляне или фарисеи – было бы понятно. Ведь это редкий по силе, благоговейный гимн Христу!»

«Речь»: «...пьесе пришлось претерпеть цензурые затруднения. Между тем в пьесе нет и намека на недостаточно благоговейное толкование евангельских событий». «...Интеллигенция никак не может примириться с той клерикальной нетерпимостью, которая была проявлена духовной цензурой к высокохристианской трагедии "Царь Иудейский"».

Ярыми противниками пьесы явились: фракция правых Государственной думы во главе с председателем А. Н. Хвостовым, палата «Союза Михаила Архангела» во главе с Пуришкевичем, все члены Святейшего Синода во главе с обер-прокурором Синода В. К. Саблером. Секретарь фракции правых священник Мешковский выступил в Государственной думе с резким осуждением пьесы, с требованием не ставить ее на русской сцене, так как «она направлена к разрушению устоев Православной Церкви».

Между сторонниками и противниками драмы завязалась полемика в прессе.

Журналист А. А. Столыпин (брат убитого премьер-министра) напечатал 14 января 1914 года в газете «Новое время» довольно объективный отзыв о драме К. Р. и о ее постановке. Он указал на то, что «наряду с прекрасными строфами попадаются и неловкие стихотворные обороты, и бледные строки, и длинноты». Вместе с тем Столыпин высказал мнение, что не только можно, но и насущно необходимо ставить драму «Царь Иудейский» на образцовых сценах, сделать это зрелище общедоступным.

На следующий день, 15 января, в газете «Русское знамя» князь М. Н. Волконский ответил Столыпину следующим образом:

«...Выводить на театральные подмостки евангельские события, заменяя святые слова Божественного благовествования "неловкими стихотворными оборотами", – это хуже, чем замазывать лик на образе...

...Что бы сказал А. А. Столыпин, если бы кто-нибудь поставил "с

благоговением" на сцене даже не в плохих стихотворных оборотах и не бледными строками, и без длиннот – ну, например, убийство его родного брата в Киеве, прибавив "для оттенка" еврейский бал у какого-нибудь еврейского коммерсанта?...

...Для того, чтобы благоговеть перед жизнью Христа Спасителя, нужно идти не в театр, а в Божий Храм, где совершается литургия».

Газета «Земщина» 6 февраля 1914 года напечатала статью «Опасная пьеса», где говорилось:

«...За сценой раздаются крики "Распни Его!!", глумления над висящим на Кресте. Эти крики должны исходить от людей. Значит, эти люди должны богохульничать. <...>

В пьесе действуют фарисеи и саддукеи, выражающие свою ненависть к Христу. И этих людей должны изображать – кто– православные христиане? Или уж надо приглашать настоящих "саддукеев", а тогда выйдет что? Мы, христиане, нарочно приглашаем жидов хулить Христа <...>

Мы полагаем, что иудеи ведут усиленную агитацию за постановку этой пьесы на сцене. <...> От соблазна и кощунства – подальше. Что жидам идет на пользу – нам гибель».

На следующий день, 7 февраля, газета «День» откликнулась на эту публикацию:

«Правая печать не осмеливалась раньше открыто выступать против пьесы "Царь Иудейский". Она только ворчала и сокрушенно вздыхала. В конце концов выход был найден, и правая печать обрушилась... на евреев. Мы решительно не можем понять, при чем тут евреи:

– пьеса написана, сколько мне известно, не евреем;

– музыку к ней написал не еврей;

– поставлена пьеса не в еврейском театре, не перед еврейской публикой;

– играли в пьесе отнюдь не евреи.

И если возмущенная "кощунством" газета бранит все-таки евреев, то это свидетельствует не только о глупости ее, а об отсутствии мужества».

В газетах сообщалось также о заседаниях Святейшего Синода, на которых еще раз было сказано: «Пьеса не может быть допущена в театр по канонам церкви».

Эта газетная шумиха оказалась прекрасной рекламой пьесы и разожгла до предела любопытство публики. В разные инстанции посыпались просьбы разрешить повторное исполнение спектакля. Синод снова отказал. И, наконец, в виде компромисса ведомство Императрицы Марии получило разрешение от Синода на постановку «Царя Иудейского» в театре Суворина, но без текста. Разрешалось исполнить всю музыкальную и вокальную части драмы, балетные и мимические сцены. Однако ни одно слово текста при этом не должно было произноситься.

Билеты на эту постановку были раскуплены в несколько часов, и 8 февраля такой спектакль состоялся.

Чтобы удовлетворить желание публики ознакомиться с текстом, редакция «Сельского вестника» в середине февраля издала «Царя Иудейского» тиражом 10000 экземпляров, который мгновенно разошелся по всей России. Велик был интерес к пьесе и за рубежом.

Из Флоренции баронесса Тизенгаузен просила К. Р. разрешить ей перевести пьесу на итальянский язык. Велись переговоры об издании «Царя Иудейского» на английском языке одновременно в Англии и Америке. Из Сербии Живко Драгович спрашивал у К. Р. разрешения перевести пьесу на сербский язык. Петербуржец Альфонс Шульц перевел драму на немецкий.

В марте-апреле К. Р. начал получать письма от россиян с жалобами на губернаторов, не разрешающих им читать драму со сцены. К. Р. проявил все свои дипломатические способности, и 3 мая 1914 года министр внутренних дел Н. А. Маклаков разъяснил губернаторам России, что, хотя постановка на сцене драмы «Царь Иудейский» и не разрешена, тем не менее чтение ее без сценической обстановки и исполнение музыкальной части без сценических костюмов разрешается. То есть нечто диаметрально противоположное тому, что было разрешено на сцене Суворинского театра Синодом 8 февраля.

Окрыленный чуть ли не мировым успехом своей драмы, К. Р. в апреле 1914 года спросил своего племянника, Государя Императора, не будет ли ему разрешено следующей зимой возобновить постановку «Царя Иудейского» на сцене Эрмитажного театра. В письме к министру Императорского Двора графу В. Б. Фредериксу К. Р. сообщает: «...Его Величеству было благоугодно ответить мне своим соизволением», и далее К. Р. просит Фредерикса сделать надлежащие распоряжения по гофмаршальской части и в дирекцию Императорских театров, кроме того, ассигновать кредит в 20000 рублей.

Произошла утечка информации, и 21 апреля 1914 года газета «Голос Руси» поспешила сообщить о возобновлении постановки драмы в Эрмитажном театре будущей зимой.

Измайловцы действительно мечтали снова оказаться на сцене на фоне великолепных декораций, в экзотических костюмах гладиаторов, воинов, торговцев, фарисеев, слуг, рабов, трибунов римского легиона. Но самое горячее желание имели два человека — председатель «Измайловского досуга» Великий князь К. К. Романов и секретарь «досуга» П. В. Данильченко. Они сделали все возможное, чтобы сохранить постановку: на следующий день после премьеры декорации были перевезены на хранение в сараи Таврического дворца, в Мраморный дворец перевезли театральные костюмы, наиболее дорогие и красивые: женские — из крепдешина с ручной вышивкой и росписью, мужские — одежду римских воинов, тоги

патрициев, членов Синедриона, кроме того, некоторую бутафорию. В квартиру капитана Данильченко на Фонтанке (д. 120, кв. 12) попал и был надежно спрятан «дефицит», то есть театральное имущество, принадлежавшее дирекции Императорских театров, выданное под ответственность Данильченко только для премьеры с условием обязательного возврата. Это были шелковые трико телесного цвета, обувь, шляпы, парики, некоторые костюмы.

Однако Министерство Императорского Двора неодобрительно отнеслось к идее возобновления постановки. В докладе Николаю II 23 июня 1914 года граф Фредерикс высказал очень разумные соображения по этому поводу: «Для первоначальной постановки пьесы в Эрмитажном театре Кабинетом было отпущено 57046 рублей. Выяснить, на какой предмет отпускалась та или иная сумма, не представилось возможным; в настоящее время цель постановки – представить ее на воззрение Вашего Величества – выполнена. Кроме того, на многочисленных генеральных репетициях с ней ознакомилось много посторонней публики; материальная обстановка пьесы: декорации, бутафория, костюмы, ноты и пр. – имеются в наличии; ввиду таких условий возобновление постановки может быть рассматриваемо только как личное желание Великого князя, и ассигнование испрашиваемой суммы (20 тыс руб.), хотя бы и в меньшем размере, будет только монаршим воспособлением обществу «Измайловский досуг».

Николай II поставил на документе резолюцию: «Достаточно будет 10000 руб.».

В этот же день, 23 июня 1914 года, Министерство внутренних дел опубликовало «Циркуляр № 8762» ко всем губернаторам России, в котором говорилось, что пьеса «Царь Иудейский» может быть разрешена к прочтению всех ролей лишь одним чтецом. Разрешение чтения пьесы по ролям может быть дано в каждом отдельном случае по особому ходатайству, причем должны быть соблюдены определенные требования: организатор чтения должен быть известным в городе лицом, за которое можно поручиться; на сцене никаких декораций; одежда чтецов – сюртуки, платья.

И в этот же день, 23 июня, газета черносотенного направления «Русское знамя» напечатала крупными буквами призыв:

«Во имя Православия, во имя незыблемости основ бытия Православной Самодержавной России не допустим публичное поругание Господа нашего Иисуса Христа в пьесе «Царь Иудейский», которую свободно читают и играют по всей России!»

В июле 1914 года началась Мировая война, и вопрос о возобновлении пьесы в Эрмитажном театре отпал сам собой. Все «измайловцы» – солдаты, офицеры, оркестр – ушли на фронт. На фронт уехали и сыновья К. Р.

Драма «Царь Иудейский», приобретя ореол запретной и гонимой, продолжала свое триумфальное шествие по городам и весям России.

Осенью 1914 года К. Р. получил письма от организаторов чтений в Тобольске, Вологде, Тюмени, Нижнем Новгороде с описанием того, как им удалось познакомить своих земляков с драмой. Учитель гимназии Шапошников объездил летом 1914 года Сибирь, побывал в Томске, Иркутстке, Чите, сам читал драму, сопровождая чтение показом картин «Волшебного фонаря». На диапозитивах были действующие лица и отдельные сцены эрмитажного спектакля.

Чтение драмы было делом кассовым, прибыльным. В Петрограде чтения организовывались с обязательными отчислениями в помощь раненым воинам, например, на приобретение перевязочных средств. Не раз в чтениях участвовали артисты, игравшие в Эрмитажном театре, – Елизавета Ивановна Тиме, Александр Леонгардович Герхен.

К. Р., никогда не отличавшийся крепким здоровьем, начал болеть. К переживаниям, связанным с запретом драмы, прибавились потрясения от смерти на фронте сына и зятя. Летом 1915 года Великий князь Константин Константинович скончался от приступа стенокардии в Павловске, тело его было торжественно погребено в Великокняжеской усыпальнице в Петропавловском соборе.

В конце 1915 года газеты сообщили, что чтение драмы в Михайловском театре по ролям артистами, одетыми в сюртуки и платья, оставляет у публики чувство неудовлетворенности.

В январе 1916 года граф Шереметев обратился в драматическую цензуру с просьбой разрешить чтение пьесы в театре не в костюмах, а в серых тогах. Разрешение было получено. Весь 1916 год концертные выступления в театрах Петрограда – чтение драмы в сопровождении музыки А. К. Глазунова – проходили с неизменным успехом и большими кассовыми сборами. По-прежнему часть сбора, иногда весь, поступали в помощь раненым.

3. Судьба пьесы после революции

В феврале 1917-го рухнуло Самодержавие, пошатнулся престиж Православия, пали все существовавшие оковы и запреты, и в числе прочих свобод народ получил право смотреть «Царя Иудейского» в театральной постановке, так как «Циркуляр № 8762» потерял силу.

Летом 1917 года в Петрограде образовалось общество «Друг инвалида», расположившееся в доме № 6 по Большой Дворянской. Целью общества было оказание всякого рода помощи инвалидам из числа участников мировой войны и бывших политических ссыльных. Ближайшей целью было оборудование большого общежития, в котором дешево могли бы жить инвалиды. Семья покойного К. К. Романова, сочувствуя целям общества, предоставила ему право на монопольную постановку драмы «Царь Иудейский». Доход от постановки должен был составить основной капитал для создания

общежития. Кроме того, наследники К. Р. передали обществу все хранившиеся в Мраморном дворце театральные костюмы и бутафорию. В августе 1917 года председатель общества «Друг инвалида» направил письмо на имя «господина Правительственного комиссара над бывшим Министерством Двора». В письме заключалась просьба разрешить использовать декорации и костюмы к драме «Царь Иудейский», «сложенные в местах, известных режиссеру Арбатову». Пьеса должна идти весь зимний сезон 1917–1918 года три раза в неделю в театре Незлобина, постановку осуществит режиссер Арбатов. Со своей стороны, председатель общества щедро пообещал господину комиссару предоставить ему 10 вакансий в будущее общежитие. Доходы от постановки драмы ожидались очень большие.

В начале октября 1917 года Управление государственными театрами предписало главному гардеробу выдать костюмы под расписку представителя общества для спектакля «Царь Иудейский» в театре Незлобина. И снова рок не позволил этим планам осуществиться. Весной 1918 года председатель общества «Друг инвалида» в письме, адресованном Управлению гостеатрами, описывает полный крах задуманного предприятия: «Довожу до Вашего сведения, что, к сожалению, цель постановки пьесы, то есть извлечение из ее постановки дохода в пользу инвалидов революции и войны, не достигнута, как благодаря тому, что условия прошедшего зимнего сезона (неисправность трамваев, отсутствие электричества, угля для отопления, постоянные беспорядки) были вообще неблагоприятны для театральных дел, так и благодаря возмутительной недобросовестности дирекции К. Н. Незлобина, который предъявил нам баланс с убытком в 40000 рублей».

В середине апреля 1918 года Управление гостеатрами предпринимает очередную попытку вернуть свое имущество («дефицит», спрятанный капитаном Данильченко еще в 1914 году) и посылает запрос в ликвидационную комиссию гвардии Измайловского полка с просьбой сообщить адрес Данильченко. В полученном ответе указывалось, что «сведений о месте жительства бывшего командира батальона полковника Данильченко в Измайловском полку не имеется».

В конце апреля 1918 года в Москве развернулась борьба между театрами за право постановки «Царя Иудейского», всем хотелось иметь большие прибыли. В дело вмешался Комитет союза театральных рабочих, который, ограждая интересы артистов театра Незлобина, не разрешил остальным своим членам принимать участие в этой постановке. В это же время представители «Центрокульта» просили разрешить им, в виде исключения, «ставить спектакли "Царь Иудейский" в окраинных театрах для широких масс».

Наконец, 25 мая 1918 года в Москве в театре Незлобина в первый раз идет «Царь Иудейский» К. Р. Об этом сообщает журнал «Рампа и

жизнь» № 21 за 1918 год. Рецензия на спектакль, помещенная в следующем журнале (№ 22, июнь 1918 года), в основном, негативно оценивает постановку. Отмечается невыносимый провинциализм многих исполнителей, фальшивая и неприятная декламация актеров, шаблон, который стал второй натурой тех, кто вчера еще разыгрывал пьесы Арцыбашева, а сегодня должен изображать евангельские образы. Кроме того, тускло и грязновато написанные декорации, слабенький оркестрик, жиденький хор. Театр даже не приблизился к разрешению грандиозной задачи, поставленной перед ним темой «Царя Иудейского». Постановщиками спектакля были Н. Н. Званцев и К. Н. Незлобин. На общем сером фоне выделялась сдержанно-благородная игра только четырех артистов.

В июле 1918 года власти спохватываются и запрещают постановку «Царя Иудейского», мотивируя запрет борьбой с «религиозным дурманом». Но история пьесы на этом не заканчивается. После 70 лет забвения пьесы и ее автора Московский Малый театр в мае 1992 года показывает премьеру – драму К. Р. «Царь Иудейский». И снова неудача, пьеса быстро исчезает из репертуара.

4. Послесловие

Мой интерес к драме «Царь Иудейский» не случаен. Два моих родственника служили в Измайловском полку, и оба были участниками «Измайловского досуга». Во время репетиций «Царя Иудейского» один из них – Александр Леонгардович Герхен – был на сцене, второй – Николай Викторович Вульф – в зрительном зале. Меня всегда интересовал вопрос, почему за премьерой не последовали следующие спектакли? Было это стечением обстоятельств или действовал чей-то злой умысел; во всем этом мерещилась какая-то тайна. Работа в архивах и библиотеках помогла мне многое узнать об истории создания и сценической судьбе драмы, но тайна запрета осталась. Правда, появились некоторые соображения.

Мне кажется, следует обратить внимание на статью А. А. Столыпина в журнале «Столица и усадьба», № 4 за 1914 год, в которой он пишет: «...нужно, чтобы прошел достаточный срок для освобождения пьесы К. Р. от ее злободневности. Пока с нею связан интерес привходящих обстоятельств, пока на нее будут смотреть только ради ее содержания, пока она может служить оружием для неблагожелательных толкований, вызванных личностью автора, его родственными связями и соблазном обнажить злобную наготу мстительных и низменных душ – лучше переждать».

В этом отрывке все непонятно.

Какие поступки К. Р. могли вызвать в «низменных душах» желание мести? Почему надо ждать «достаточно долго» для

освобождения от «злободневности» пьесы, являющейся пересказом евангельских событий? Почему «личность автора и его родственные связи» являются основной причиной нападок на пьесу?

Современники же прекрасно понимали скрытый смысл статьи. Для нас, через 80 лет, этот смысл спрятан под толщей напластований бурной российской истории.

Может быть, одну из причин следует искать в периоде жизни К. Р. после 1900 года, когда он, будучи назначенным главным начальником военно-учебных заведений, не поленился объездить и осмотреть все кадетские корпуса России. При этом он увидел, что «установленный режим слишком формален и несообразен с возрастом воспитанников, педагогические требования заглушены требованиями внешней дисциплины». К. Р. издал приказ, в котором изложил гуманный взгляд на воспитание юношества в духе уважения к личности человека и его законному самолюбию. К. Р. потребовал разработать новые учебные программы, повышающие образовательный уровень учеников за счет сокращения времени, отводившегося на строевую подготовку и, возможно, на церковные службы. Кроме того, К. Р. приказал заменить многих воспитателей и преподавателей, не обладавших, по его мнению, достаточными знаниями, умственными способностями и душевными качествами, на более достойных. Вполне возможно, что именно в это время он сильно ущемил чьи-то интересы (церкви? военного ведомства?), что и послужило причиной неумолимой позиции Синода и «правых» по отношению к пьесе.

Конечно, были и другие причины, нам неизвестные.

В заключение следует рассказать о судьбе участников спектакля «Царь Иудейский» в Эрмитажном театре.

Три сына К. Р. – Константин, Игорь и Иоанн (Константин и Игорь играли на сцене, Иоанн предоставил свой хор в 150 человек) – летом 1918 года были арестованы, вывезены на Урал в Алапаевск и убиты 18 июля, на следующий день после расстрела Царской Семьи.

Штабс-капитан в отставке А. Л. Герхен после премьеры ушел на профессиональную сцену, стал артистом Императорских театров. К. Р. с симпатией относился к молодому офицеру, в 1909 году он посвятил ему стихотворение «Три птицы». В 1915 году Герхен взял себе театральный псевдоним Константинов в память К. Р. Его следы теряются в 1918 году. Актриса Императорского Александринского театра Е. И. Тиме, исполнявшая роль Лии, рабыни Понтия Пилата, в советское время долгие годы продолжала играть на сцене этого театра. Позже она преподавала в Театральном институте на Моховой. Последний свой курс она выпустила в 1961 году.

Секретарь «Измайловского досуга» П. В. Данильченко организовал последний в истории «Измайловский досуг» в 1915 году на фронте, вскоре после кончины К. Р., посвященный его памяти. В конце гражданской войны он оказался в эмиграции, после долгих

мытарств по Европе перебрался в Америку. Несмотря на тяжелую работу и большие материальные затруднения, Данильченко удалось выпустить в Нью-Йорке несколько номеров журнала «Измайловские досуги».

Журн. «Нева», №9, 1997, С.-Петербург

КЛАРИСА ПУЛЬСОН

ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ, ИГРАВШИЙ ПРИНЦА ДАТСКОГО

Загадка К. Р. давно разгадана. Читающей публике известно, что этими инициалами подписывал свои произведения Великий князь Константин Константинович Романов – поэт, драматург, переводчик, офицер.

Романсы на стихи К. Р. известны всем. Чудные строки, прекрасные мелодии. Они – свидетельства подлинного поэтического дара. «Растворил я окно...» Большинство же произведений Константина Романова прочно забыто, их попросту не издавали. Только последние годы они потихоньку начинают возвращаться в культурный обиход. В Малом театре поставлена пьеса «Царь Иудейский», вышел сборник, готовятся к изданию письма и дневники. А вот личность этого человека по-прежнему остается загадочной. Режиссер Дмитрий Власов решил восполнить пробел и при поддержке Благотворительного актерского фонда имени И. М. Смоктуновского снял документальный телефильм «К. Р.».

Чтобы «собрать» жизнь своего героя, авторам ленты пришлось проделать огромную работу, просмотреть километры старой кинохроники, копаться в фондах музеев и архивах. Явный гуманитарий, Константин Романов, в соответствии с традициями царской семьи, стал военным. «Поэт-командир» прозвали его сослуживцы. Организовывал литературные вечера, принимал участие в любительских спектаклях. Символично, в «Гамлете» он играл принца датского. Современники утверждали, что хорошо играл. Кадетские корпуса – его инициатива. Константин Романов призывал воспитывать в будущих офицерах чувство собственного достоинства. Кстати, часть натурных съемок прошла в Кронштадте, в

возрожденном кадетском училище. Был Константин Константинович и президентом Академии наук, он – первый и единственный член царствующего дома на этом посту. Почти мистическая история связана со знаменитым перстнем Пушкина, который дочь Владимира Даля передала К. Р. Трудно оказалось вместить в небольшой 26-минутный фильм такую жизнь. Поэтому получилась не биография, а набросок судьбы.

НИКИТА БЛАГОВО,
внук кадета I кадетского корпуса и офицера-воспитателя кадетского Императора Александра II корпуса полковника Михаила Художилова

ВСПОМИНАЯ КАДЕТ

Отклик на журнал «Исторический сборник», № 1

О, да не гаснет наш пламень заветный,
Бережно нами храним.
Пусть он пылает, отрадный, приветный,
Пусть озаряются им...

К. Р. «На 25-летие Измайловских досугов".
XI.1909 г.

Мне удивительно повезло. Во время презентации книги Н. А. Епанчина «На службе трех Императоров», которую проводил барон Эдуард фон Фальц-Фейн в здании Пажеского корпуса, ныне занятом Суворовским училищем, один из участников торжества Э. С. Юсупов любезно подарил мне журнал «Исторический сборник»,№ 1.

Уже одно то, что сразу же на обложке было крупно напечатано: «Великий князь — отец всех кадет», — привлекло меня и взволновало. Еще по пути домой я просмотрел журнал, а едва войдя в квартиру, тотчас принялся за чтение. Читал страницу за страницей не спеша, иногда не по одному разу.

Я вчитывался в строчки, написанные Ее Высочеством княжной Верой Константиновной, генерал-лейтенантом Б. В. Адамовичем, А. Марковым 1-м, Н. Протопоповым, П. Пагануцци, и передо мной как бы оживали картины давно прошедшего времени и возникал образ человека замечательного,

прекрасного, редкостного, обладавшего неповторимыми нравственными качествами, человека, каждый день жизни которого мог быть примером для других и, в первую очередь, для его подопечных — для столь любимых им кадет.

Я не знаю, каков тираж журнала и сколь доступен он суворовцам и кадетам России конца XX века, но то, что прочесть его следовало бы едва ли не каждому из них, бесспорно, а следовать в своей жизни «заветам» и помнить об изречениях «говорящих» стен совершенно необходимо.

В следующих номерах журнала мне представляется полезным помещать в конце краткие биографические сведения об авторах статей; если приводятся тексты песен, то неплохо было бы сопровождать их нотами. В частности, в данном номере вполне уместны были бы ноты к тексту «Наш полк». В то же время хочу отметить, что очень удачно даны пояснения к ныне малоупотребительным словам в статье В. Вишневского.

Прекрасно, что люди, воспринявшие в далекой юности заветы Великого князя и традиции русских кадет, нашли в себе силы и написать воспоминания, и издать их, и, что особенно важно, познакомить с ними своих исторических наследников.

Мне это осознавать особенно приятно, потому что, в отличие от большинства своих сверстников, настроенных идеологизированным образованием враждебно к слову, к понятию «кадет», я пронес через всю жизнь (а мне сейчас 55 лет) внутри себя совершенно иное отношение к кадетам — глубоко уважительное, даже трепетное. А связано это с моим дедушкой. Он был и остался в моей памяти олицетворением добра и человечности, образованности и религиозности.

Так случилось, что в первую неделю своей жизни я лишился матери (его дочери), и все заботы о моем воспитании взяли на себя дедушка, бабушка и дядя. И вот благодаря дедушке я впервые познакомился с этим словом «кадет». Произошло это так. У дедушки был стол, большой письменный, двухтумбовый, с ящиками, а в них — много интересных вещей.

Однажды я увидел там нечто вроде большой книги (впоследствии я узнал, что это называлось «бювар») с дарственным текстом и подписью «От кадет» такого-то выпуска. Я спросил, кто это такие, кадеты. И тогда дедушка мне рассказал, что он сам когда-то был кадетом (он окончил в Петербурге I кадетский корпус), а до революции служил в армии и был воспитателем в Александровском кадетском корпусе. Потом он вынул из стола и показал мне красный погон, хранимый им как реликвию, на котором значилось «1к».

Я помню, что дедушка хорошо рисовал (он даже участвовал в конкурсе проектов памятника А. С. Пушкину на Стрелке Васильевского острова в 1937 году), играл на пианино, пел («Умер, бедняга...» мне помнится еще с довоенных времен), столярничал и слесарничал (он сделал мне необычную игрушку — трактор, на котором я в 4 года ездил на зависть всем дворовым мальчишкам), ходил на лыжах, увлекательно рассказывал о Суворове (он служил одно время в гренадерском Фанагорийском полку), рисовал и вырезал солдатиков, шведских и русских. Мне казалось, он умел и знал все.

И при этом он был в высшей степени воспитанным человеком и всегда излучал добро.

Мой дядя Коля (его сын) тоже был кадетом, но уже «дедушкиного», то есть Александровского кадетского корпуса. У меня в памяти и он тоже остался как человек добрый, заботливый и справедливый.

Вот какие люди вырастают из кадет, думал я не раз. И никак не мог принять прививаемый школой взгляд на эту тему.

Видел я у дедушки и какую-то книгу с инициалами «К. Р.», какую — не помню. И на вопрос, почему автор обозначен только двумя буквами, в ответ услышал, что это был очень хороший человек и дедушка его знал. Я теперь понимаю, что будучи в течение 17 лет воспитателем кадет и участником I съезда офицеров-воспитателей в 1908 году, он не мог не знать Великого князя, но спрашивать о нем ни у кого не надо.

Много позже, уже после войны, двоюродная сестра моей матери В. Я. Коренева, после ссылки ставшая тайно схимонахиней Серафимо-Дивеевского монастыря, также рассказывала мне о Великом князе Константине Константиновиче. Она до революции училась в Женском Педагогическом институте и хорошо помнила приезд к ним самого основателя этого учебного заведения.

Надо было видеть, каким благоговением начинали светиться ее старческие глаза (она умерла в 96 лет), когда она начинала вспоминать об этой встрече, о том, насколько Великий князь был прост и доступен, насколько заботлив и внимателен, и особо — о его набожности, что оказало на тетушку в дальнейшем огромное влияние.

Я пишу эти строки, сидя за старым двухтумбовым столом, чудом пережившим блокаду и другие житейские невзгоды. Передо мной на стене висит портрет человека с добрыми глазами и александровским вензелем на эполетах мундира. В правой тумбе лежит знакомый бювар и чуть тронутый молью красный погон... Я бережно храню память о своем деде, кадете и воспитателе кадет Михаиле Николаевиче Художилове.

Вот почему меня так взволновал «Исторический сборник», № 1, вот почему я очень благодарен его создателям и надеюсь, что их труд найдет отклик и в юных сердцах. И никогда больше не повторится трагедия 1917 года, в результате которой тоже бывший кадет, мой дядя Н. М. Художилов, вынужденный при советской власти работать кочегаром на паровозе, был тем не менее расстрелян в 1937 году, а дед отсидел 10 лет в лагерях республики Коми.

Я всегда помню, что именно ему я обязан жизнью, ибо именно дедушка в декабрьские дни 1941 года в блокированном городе от своего 125-граммового ломтика так называемого хлеба отделял в мою пользу хотя бы маленький кусочек, что, наверное, приблизило его смерть от голода в январе 1942 года.

Таким, я думаю, воспитал его кадетский корпус.

Э. ЮСУПОВ,
председатель общества «Константиновские досуги»

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Совершается неизбежное. Россия, ее общественное сознание восстанавливает «времен связующую нить». Возвращаются на родину идеи, книги, имена.

12 октября сего года в Константиновском дворце на Стрелиной мызе, что по старой Петергофской дороге, собралось довольно многочисленное общество: музейные работники, сотрудники научных учреждений, представители художественной интеллигенции – люди, объединенные именем Великого князя Константина Константиновича. Никогда не было для них секретом, кто скрывается под криптонимом «К. Р.». Выходили сборники поэтов «серебряного века», где непременно присутствовали Его стихи. Не переставали звучать со сцены и по радио бессмертные романсы. Незримо Он был среди нас всегда, как неотъемлемый элемент духовной жизни народа.

Возросший интерес к личности и творчеству Великого князя проявился в последнее время выходом в свет целого ряда публикаций, важнейшие среди которых – монографические исследования «Августейший президент» (В. С. Соболев. СПб., 1993) и «Августейший поэт» (Л. И. Кузьмина. СПб., 1995). Главный начальник военно-учебных заведений, Его взгляды на природу воспитания военного юношества нашли отражение в докладе, прочитанном на Всероссийской конференции «Кадетские корпуса в России», организованной Военно-историческим музеем Артиллерии, Инженерных войск и Войск связи в конце ноября 1994 года.

Петербургское отделение Академии Наук, почитая память своего президента (1889–1915 гг.), в сентябре 1995 г. провело чтения и заседание Президиума, на которых были заслушаны многочисленные доклады, освещавшие Его многогранную деятельность.

Высокая духовность облика Великого князя побудила к творчеству работников художественной сферы. И. А. Соболева и Д. Хмельницкая создали документально-художественный фильм «О, если б совесть уберечь...», удостоенный 1-й премии на кинофестивале «Серебряный век». В дни пасхальной недели 1996 года в Эрмитажном театре Зимнего дворца вновь прозвучала музыка А. Глазунова к драме «Царь Иудейский». Известные петербургские художники Е. Ю. Скорикова и С. В. Морозов «живо и тенно» написали парадный портрет Отца всех кадет, получивший на

выставке Союза художников одобрительные отзывы публики и коллег.

В среде научных сотрудников Мраморного дворца возникла мысль о музеефикации личных апартаментов Великого князя и создании мемориального музея, посвященного имени и делам Его.

Спонтанно, как веление времени, появилось на нашем духовном горизонте Его имя. Возникнув, «эти милые буквы К. Р.», все более приближаются к нам, наполняясь живым содержанием, обретая полнокровные черты замечательного сына России.

Реальность этого факта в том, что имя и свершения Его объединяют вокруг себя людей. Пробуждают их деятельную энергию.

Памятные дни середины лета 1997 года. 15 июня – панихида по Благоверном Великом князе Константине Константиновиче в Великокняжеской усыпальнице Придворного во имя первоверховных апостолов Петра и Павла собора. Каррарского мрамора надгробная плита, восстановленная попечением российских кадет, – как воплощенный Долг Памяти своему Отцу. Церковный парад суворовцев, нахимовцев, юных кадет, воздающих честь старшим кадетам.

16 июня. Собственный Е. И. В. Вел. князя Константина Константиновича Мраморный дворец. Встреча творческой интеллигенции города с зарубежными кадетами. Духовой оркестр. Роскошные дворцовые залы. Чествование лауреатов, награжденных грамотам ОК РКК. Небольшой, но изысканный концерт мастеров искусств.

Во дворце, где стены помнят своего владельца, впервые прозвучало слово о назревшей потребности собрать воедино людей, которые по велению сердца творят добрые дела. Людей, которых объединяет чувство восхищения безгранично талантливой натурой Великого князя и уважение ко многим подвигам и свершениям великого человека.

Наконец, 12 октября слово стало делом. В Стрельне, в том самом дворце, где родился Великий князь Константин Константинович, – вот она, воля Провидения! – основалось сообщество единомышленников, ревнителей памяти К. Р. – «Константиновские досуги». Создается общество по подобию «Измайловских досугов», с такими же культурно-просветительскими целями, чтобы сохранить неразрывность культурно-исторического процесса и его преемственность.

Задачами своими общество поставило: а) изучение наследия многогранного творчества Великого князя – выдающегося деятеля отечественной культуры и просвещения; б) популяризация Его деяний; в) содействие возрождению Константиновского дворца.

При своем возникновении наше общество ощутило сочувствие и поддержку со стороны Всемирного клуба петербуржцев в лице председателя правления В. Т. Орловой. На учредительном собрании

присутствовал представитель Сан-Францисского объединения российских кадет П. И. Величко.

Неизбежное свершилось. Великий князь Константин Константинович вернулся в Россию, вернулся в свой дом.

И. ЮРЬЕВСКАЯ,
действительный член Клуба петербуржцев

БЫВАЮТ СВЕТЛЫЕ МГНОВЕНЬЯ

12 октября в Константиновском дворце в Стрельне произошло интересное и знаменательное событие – создано «Общество почитателей К. Р.» – Константина Константиновича Романова, Великого князя, августейшего поэта, литературоведа, воспитателя, офицера, человека высокой нравственной и духовной силы.

Отныне это общество во главе с Эржаном Сагимбековичем Юсуповым, избранным его первым председателем, будет находиться под патронажем Всемирного клуба петербуржцев. Члены клуба, представители вновь созданного общества и петербургские кадеты собрались в музее Константиновского дворца, где собраны фотографии и книги, рассказывающие о его судьбе.

С добрыми напутствиями этому Обществу обратились: В. Орлова – председатель правления Всемирного клуба петербуржцев; Г. Ерегина – искусствовед, хранительница фондов и душа этого громадного, великолепного, но пока еще не ожившего дворца. Галина Николаевна подарила собравшимся замечательную экскурсию по парку и дворцу. Выступили также Л. Кузьмина – автор книги «Августейший поэт», В. Герасимов – молодой искусствовед, недавно выпустивший в издательстве «Алмаз» свою книгу «Большой дворец в Стрельне – без четверти три столетия». И. Лощилов, москвич, писатель, суворовец, напомнил о военно-воспитательной деятельности К. Романова, который 16 лет отдал созданию кадетских корпусов в России. Его дело продолжается и в наши дни – в Петербурге создано несколько кадетских корпусов. Перед собравшимися выступил и совсем юный кадет – учащийся 7 класса кадетского корпуса в Царском Селе Илья Березин.

Ф. Тимофеев, полковник, преподаватель ЛИАП, предложил помощь новорожденному обществу в организации творческого

содружества с военными учреждениями. О чревычайной многогранности удивительной личности К. Р. рассказала С. Кочнева, представитель Академической школы, напомнив, что он в течение 25 лет возглавлял Российскую Академию Наук. Именно Константину Константиновичу мы обязаны созданием Пушкинского дома. Был среди нас и сам К. Р. Проницательно и с доброй улыбкой смотрел он на собравшихся со своего портрета (вернее, его фотокопии), созданного художниками Е. Скориковой и С. Морозовым.

А прогулка по дворцу, который пережил и пожары, и разграбление, и полное разрушение в военные годы, отозвалось в наших сердцах тревогой за его сегодняшнюю судьбу и верой в его возрождение таким, каким видел его в лучшие времена Великий князь Константин Константинович – утопающим в зелени вековых лип, в изобилии цветов, с великолепными статуями. Невольно вспоминаются строки К. Р.: «Бывают светлые мгновения, /Земля так несравненно хороша».

ВЛАДИМИР ГЕРАСИМОВ

ХРОНИКА ЖИЗНИ КОНСТАНТИНОВСКОГО ДВОРЦА

Уже второй раз гостями Константиновского дворца становятся члены Всемирного клуба петербуржцев. Его выездное заседание, состоявшееся в Стрельне 12 октября, было посвящено учреждению общества «Почитателей К. Р.» под патронажем клуба. Среди посетивших в тот день дворец видных деятелей петербургской культуры хотелось бы отметить тех, кому мы обязаны возвращением из небытия имени Великого князя Константина Константиновича. Это Л. И. Кузьмина – автор книги «Августейший поэт», супруги Е. Ю. Скорикова и С. В. Морозов – создатели последнего парадного портрета Великого князя, представители кадетских корпусов Петербурга и зарубежья.

Учредительное собрание нового общества единогласно избрало своим председателем Э. С. Юсупова – человека, стоявшего у истоков ряда программ, связанных с именем Великого князя, в частности, способствовавшего восстановлению надгробий великокняжеской усыпальницы в Петропавловском соборе. Прекрасным подарком участникам встречи стало выступление композитора К. Э. Пак, которая представила два своих романса на стихи августейшего поэта.

Общество «Константиновский дворец» намеревается и впредь проводить разнообразные культурные мероприятия, с тем чтобы привлечь внимание общественности и властей к памятнику архитектуры, требующему скорейшей реставрации.

«Славянка», 31 октября 1997 г.

Р. ПОЛЧАНИНОВ

ВОСПОМИНАНИЯ НЕКАДЕТА

Сараево, 20-е годы

Мы приехали в Королевство СХС (Югославию) в 1921 году. Все Приморье с Владивостоком было еще в руках белых. В Туркестане и Монголии еще шли бои, Тамбовская губерния была охвачена Антоновским восстанием. Против большевиков восстали матросы Кронштадта. Были и другие восстания.

В Королевстве СХС некоторые кадеты, окончив корпуса, шли первые годы (до 1923-го) в Николаевское кавалерийское училище в Белой Церкви (Югославия) продолжать свое военное образование. В то же время в Болгарии продолжались занятия еще в семи юнкерских училищах, продолжавших выпускать офицеров.

Генерал Врангель считался до 1 сентября 1924 года Верховным главнокомандующим Русской армии, и в Сремских Карловцах (Югославия) был его штаб. Этот штаб был занят не только переводом воинских частей на «трудовое положение», но и планировал продолжение борьбы с большевиками. Для народной песни «Не для меня придет весна» молодежь придумала не очень веселую концовку:

Не для меня придет война,
Умчусь я в сопки Приамурья,
Сражусь я с бандой большевистской,
Там пуля ждет меня давно.

Русская эмиграция считала свое «трудовое положение» временным и была готова по первому сигналу встать в строй и двинуться в поход на большевиков.

В Королевстве СХС было три кадетских корпуса – Донской, Крымский и Русский. Последний был в Сараеве, что и было отмечено в «Звериаде»:

В горах средь Боснии, далеко
В долине дикой и глухой,
Лежит Сараево глубоко,
Над быстрой горною рекой.

И там на площади угрюмой,
Безмолвна, сумрачна на вид,
Как бы полна тяжелой думой,
Казарма старая стоит.

«Звериада» – это кадетская летопись в стихах. Каждый выпуск добавляет что-то от себя. «Звериада» – это книга в роскошном переплете, со страницами, украшенными рисунками и каллиграфическим текстом. Она была символом кадетских традиций – таинственных, о которых посторонним не следовало знать.

«Звериада» хранилась у восьмиклассников, и когда они кончали корпус, она передавалась на «ночном параде» следующему выпуску. Преподаватели и воспитатели, которые сами были когда-то кадетами, знали обо всем этом, но делали вид, что не знают.

Кроме кадетского корпуса была в Сараеве и русская начальная школа. Мальчики, кончавшие школу, поступали в корпус, а девочки уезжали в один из двух девичьих институтов – Донской или Харьковский.

Корпуса и институты были закрытыми учебными заведениями, т. е. школами-интернатами, где ученики пребывали семь дней в неделю, имея право уходить в отпуск по субботам после обеда и до всенощной и по воскресеньям после богослужения и примерно до 5 часов вечера.

В среду вечером кадеты 7-х и 8-х классов могли покинуть корпус на два часа. Так, во всяком случае, было в Белой Церкви, куда в 1929 г. был переведен корпус из Сараева.

Некоторые мальчики, жившие в Сараеве, могли быть в виде исключения «приходящими», т. е. жить дома и только приходить в корпус на занятия. Родителей это устраивало, но директор корпуса генерал-лейтенант Борис Викторович Адамович всячески старался не уступать просьбам родителей и требовал, чтобы все кадеты жили вместе в интернате.

Он был по-своему прав. Приходящие в глазах всех других кадет выглядели то ли какими-то привилегированными, то ли какими-то неполноценными кадетами. Это мешало созданию кадетского духа, кадетской спайки и всему тому, чем отличались кадеты от гимназистов, которых они презрительно называли шпаками. Отличались кадеты от гимназистов и некоторыми специфическими выражениями.

Например, гимназисты говорят «одноклассник», а кадеты – «однокашник», потому что ели одну и ту же кашу. Теперь это слово

считается устаревшим и потерявшим смысл, а было бы неплохо вернуть его на старое место в русском языке.

Были в Югославии интернаты и при русских мужских и женских гимназиях, но там был другой, некадетский и неинститутский дух. Сараевские школьники, за редким исключением, поступали в корпуса и институты.

Мой отец окончил в Тифлисе (ныне Тбилиси) гимназию, хотя имел право как сын офицера учиться в Тифлисском корпусе. Против кадетского корпуса была его мать-грузинка (урожд. Ассатиани), которая хотела, чтобы мой отец посещал уроки грузинского языка и литературы. Для желающих при гимназии были грузинские уроки, чего в корпусе не было.

В корпусе все кадеты должны были посещать все уроки. Исключения для кого-то противоречили кадетскому духу.

После гимназии мой отец поступил вольноопределяющимся во Владикавказский пехотный полк, а после отбытия воинской повинности поступил в Тифлисское пехотное юнкерское училище, окончив которое был выпущен в офицеры (ускоренный выпуск в 1905 г.).

Борис Иванович Мартино, отец моего друга детства Бори, окончил Морской кадетский корпус. Он нам любил рассказывать о разных комичных происшествиях, но никогда не говорил, что были у него и трудности. Нет, не с преподавателями или воспитателями, а с кадетами же. Об этом мы кое-что узнали позднее.

В пехотных корпусах, а может быть, и в некоторых гимназиях была традиция – когда кончались экзамены, «хоронить химию». Полагалась процессия и пение соответствующих песен с припевом: «Химия, химия, сугубая химия».

В Морском корпусе хоронили «Альманах» – книгу с описанием морских течений, ветров, климатических условий и многих других вещей, необходимых для плаваний по морям и океанам.

Когда первый кадет шел сдавать экзамены, на доске для объявлений появлялось сообщение о том, что «Альманах» заболел. Каждый день появлялись новые сообщения о развитии болезни «Альманаха». И когда последний кадет сдавал последний экзамен, появлялось траурное сообщение о смерти «Альманаха». Ночью похоронная процессия шла по бесконечным коридорам (общая протяженность – 3 версты) с тихим пением соответствующих песен. По дороге делались остановки, например, перед химической лабораторией, преподавательской и обязательно перед квартирой директора.

По традиции полагалось директору спеть «Анафему», достаточно громко, чтобы он слышал. Директора, которые когда-то сами были кадетами, не обижались, зная, что такова традиция. И вот однажды был назначен новый директор, который так понравился кадетам, что

они решили спеть ему не «Анафему», а «Многая лета». Директор был потрясен. С ним чуть не случился удар. Были ведь и до него хорошие директора, но никому из них «Многая лета» не пели.

У всех преподавателей были, конечно, прозвища. Одного кадеты прозвали Крокодилом, и когда встречались с ним в коридоре, то кто-нибудь начинал убегать от него зигзагом. Говорят, что от крокодилов надо убегать зигзагом, потому что они могуть кинуться прямо на жертву, но с трудом меняют направление.

Борис Иванович знал много кадетских песен и стихотворений, но не все можно было цитировать детям. Отрывок из одного стихотворения я помню до сих пор.

В Морском кадетском корпусе был Компасный зал, украшенный портретами мореплавателей во весь рост. Компасным он был назван, потому что был круглым и на полу были выложены румбы.

В стихотворении говорилось, что ночью в канун корпусного праздника – 6 ноября, портреты оживали и устраивали смотр преподавателям, воспитателям и самому директору корпуса. Запомнились мне слова вице-адмирала Василия Михайловича Головнина (1776–1831) про одного преподавателя по прозвищу Ворса (растрепанный конец веревки), полученному за растрепанную бороду. Обращаясь к Ворсе, Головнин сказал:

Был на море-океане,
Был на острове Буяне,
У японцев был в плену.
Ни во сне, ни наяву
Не видал до этих пор
Рожи этому подобной...

Из разных слышанных нами кадетских анекдотов стоит рассказать один.

Петр Могила (†1647) был в 1627 г. избран архимандритом Киево-Печерской лавры, а в 1632 г. добился у польского правительства равноправия православных с униатами. В 1631 г. он основал высшее училище в Киеве «для преподавания свободных наук на греческом, славянском и латинском языках». Деятельность Петра Могилы проходилась на уроках Закона Божия. Один кадет невнимательно слушал законоучителя и не выучил урока. Когда батюшка спросил его потом, о чем говорилось на прошлом уроке, кадет встал и дал знак рукой, чтобы ему подсказали. Ему подсказали: «О Петре Могиле», а кадет ответил: «О Петре в могиле». – «А что он там делал?» – спросил законоучитель. «Спасался», – ответил не растерявшийся кадет.

Были и другие подобные комичные случаи.

Мой друг Боря Мартино был на два класса старше меня. Окончив в 1926 г. русскую начальную школу, он поступил в местную гимназию. Как раз в этом году Державная комиссия, которая ведала деньгами, отпускаемыми правительством Югославии на русские

учебные заведения, решила сократить число кадетских корпусов и постепенно закрыть Русский кадетский корпус в Сараеве. Для этого в 1926 г. был закрыт прием в первый класс. Даже если бы Мартино хотели отдать своего сына в корпус в Сараеве, они бы не смогли этого сделать, а посылать в другой город в интернат они не захотели. Я был бы очень огорчен, если бы Боря уехал в другой город на весь школьный год, да и Боря не горевал, что не попал в кадеты, и мы этого вопроса даже не обсуждали.

Мы и раньше бывали часто друг у друга в гостях, а теперь, когда Боря поступил в гимназию, а я остался в русской школе, стали ходить еще чаще в гости друг к другу. И Боря, и я должны были возвращаться домой к указанному времени, но иногда мы задерживались, и тогда родители писали друг другу записки с извинениями и объяснениями причин задержки. Телефонов ни у кого из нас не было, как и мало у кого в Сараеве в 20-е–30-е годы.

Летом 1928 г. я окончил русскую начальную школу и сдал вступительный экзамен в кадетский корпус. Это был уже третий год постепенного его закрытия. В Сараевском корпусе уже с осени 1928 года не было первых двух классов. Следующий школьный год был начат при отсутствии всей третьей роты – всех первых четырех классов. 5 сентября 1929 г. остатки корпуса покинули Сараево и были помещены в здании Крымского кадетского корпуса в Белой Церкви.

Сдав в 1928 году вступительный экзамен в Сараеве, я был принят в Донской кадетский корпус в Горажде, что и было сообщено моим родителям. По примеру Мартино, а надо полагать, и по их совету, мои родители решили меня в Донской корпус не посылать, а отдать в местную гимназию, причем не в Первую мужскую, куда мне бы полагалось идти по месту жительства, а во Вторую, где уже учился мой друг Боря.

Для меня это было большим ударом. Не потому, что я мечтал стать кадетом, а потому, что я не сомневался, что иного пути, как в корпус, у меня нет. Военная форма, погоны, кокарда, строй... Я вырос в офицерской семье, в сознании, что мое место в строю.

«Наш полк. Заветное, чарующее слово для тех, кто смолоду и всей душой в строю...»

Этими словами начиналось посвященное кадетам стихотворение поэта К. Р. – Великого князя Константина Константиновича Романова, которое я не раз слышал от моих друзей-кадет и которое я еще в начальной школе знал наизусть.

Я не мыслил себя шпаком. Я просил, я требовал, я плакал, но ничто не помогало. Боря бывал у меня каждый день и со своей стороны оказывал на меня давление. Ведь отъезд в корпус значил для нас разлуку на 9 месяцев, а мы так привыкли друг к другу.

Пришлось смириться и идти с отцом в гимназию на прием к директору.

Директор гимназии посмотрел на свидетельство о сдаче вступительного экзамена в корпус, написанное, кстати, только по-русски, и решил сделать мне небольшой формальный экзамен по сербско-хорватскому языку, который мы в русской начальной школе не проходили и по которому у меня не было отметки. Он мне дал прочитать что-то, написанное кириллицей и латиницей, поговорил со мной, посмотрел с грустью на меня и сказал отцу, чтобы он купил «читанику» (хрестоматию), нанял бы репетитора и чтобы я за лето хорошенько подучился.

Я был принят в гимназию, о чем отец сообщил директору Донского корпуса.

Хоть я и не попал в корпус, хоть я и не был смолоду в строю, полк остался для меня «заветным, чарующим словом».

«Единение», 1993 г. 14—21 мая

АЛЕКСЕЙ БОГОЛЮБОВ,
в.у.о., знаменщик, кадет 17-го выпуска

ПЕСНЯ «ЗАВЕТ»

Еще в восьмом классе корпуса Володя Соболевский написал стихотворение, посвященное памяти нашего директора, напечатанное в предыдущем номере «Кадетской переклички», а на музыку переложил это стихотворение Николай Петин — оба кадеты 17-го выпуска. Песня получила название «Завет».

Шли годы и с ними уходили в лучший мир наши воспитатели, преподаватели, товарищи-кадеты, родные, друзья и знакомые — все те, кто за границей бережно хранил и передавал детям и внукам православную веру, русскую культуру и заветы и традиции исторической России.

В 1988—1990 гг. Володя собирал биографии, воспоминания, фотографии и другие документы, относящиеся к нашему пребыванию в корпусе с 1929 по 1937 годы. Он поместил три строфы из своего стихотворения в этот сборник и посвятил их «Русским людям, положившим жизнь на чужбине».

Николай Петин, известный в Сербии и за границей дирижер и композитор, переложил эти стихи на музыку. В такой форме стихотворение «Завет» было включено Володей в «Памятку 17-го выпуска», которую он издал ограниченным тиражом в 1991 году.

·ЗАВЕТ·

РУССКИМ ЛЮДЯМ ПОЛОЖИВШИМ ЖИЗНЬ НА ЧУЖБИНЕ

ANDANTE

Слова: Вл. Соболевский, Музыка: Ник. Петин

p *cresc.* *f*

В ИЗГНАНЬИ, ЗА РУССКОЕ ДЕ---ЛО, ЗА ДЕ-ЛО ОТЧИЗНЫ РОДНОЙ БО-
И ДЕ-ЛО ТВОЕ СОХРА-НИТ--СЯ, У НАС ОНО В СЕРДЦЕ ЖИВЕТ, ИМ

poco cresc.

mf

РОЛСЯ ТЫ СТОЙКО И СМЕ--ЛО И--ДЯ ПО ДОРО-ГЕ ПРЯМОЙ
КАЖДЫЙ КАДЕТ ВДОХНО-ВИТ----СЯ ЗА РО-ДИНУ СМЕЛО УМ-РЕТЬ!

1. БО- ИМ

2. *Dal Segno* 𝄋 ТАК

Fine *rit.*

sf *f*

ТАК СПИ ЖЕ СПОКОЙНО ЛЮБИМЫЙ,
В ОБИТЕЛИ РУССКИХ ЛЮДЕЙ,
ЧУЖОЮ ЗЕМЛЕЮ ХРАНИМЫЙ
ВДАЛИ ОТ РОДИМЫХ ПОЛЕЙ!

Ник. Петин, 26.VII 1930 г.

Г. Г. ВЕРБИЦКИЙ

СУДЬБЫ ОСТОВЦЕВ

ВВЕДЕНИЕ

В течение всей Второй мировой войны Германия испытывала острый недостаток рабочей силы в сельском хозяйстве и промышленности. Задуманный, как молниеносный, поход на Советский Союз, начавшийся 22 июня 1941 года, оказался далеко не молниеносным. Потери Германии на Восточном фронте за всю войну составили 75 процентов общих потерь на всех фронтах.

Сначала Гитлер и его окружение боялись рабочей силы из Советского Союза, считая, что эти люди принесут большевистскую заразу в «идеологически чистую» Германию. Но, как показала история, зрелыми антикоммунистами оказались именно те, кто на себе испытал «блага» советского режима, ленинско-сталинского социализма. Нацисты до конца своих дней так этого и не поняли, да и не могли осознать, ослепленные понятиями якобы расового превосходства. Не поняли по окончании войны и западные союзники – американцы, англичане и другие – или не захотели понять, насильственно выдавая советам невозвращенцев.

Так как победоносное шествие по российской земле обернулось для немцев и их союзников затяжной войной со все возраставшими потерями, немецкое руководство было вынуждено самим ходом событий пересмотреть свою первоначальную установку и начать набор россиян на работу в Германии.

НАСИЛЬСТВЕННЫЙ НАБОР

Первые «восточные рабочие», как немцы сразу же начали называть наших соотечественников, прибыли в Германию в ноябре 1941 года. Это были добровольцы. Многие, очень многие тогда считали, что немцы пришли в Россию и на Украину как освободители, а не поработители. Безумие и жестокость нацистской расовой политики скоро рассеяли такие иллюзии. Приток добровольцев, желавших работать в Германии, иссяк, и начался насильственный вывоз рабочей силы, главным образом, молодежи, начиная с 15-летнего возраста. В оккупированных городах и селах начались облавы. Излюбленным местом для облав были базары и кино. В Германию людей отправляли в той одежде, в которой они были схвачены. В товарных вагонах, зимой и летом, без санитарных удобств везли эту «рабочую силу» на рабский труд.

Во всех этих мероприятиях принимали непосредственное участие

Управления труда – немецкие «арбайтсамты», которые работали по всей Германии и на оккупированных территориях. Каждый город и деревня облагались принудительной разверсткой на поставку рабочих. Если число выделенных работников оказывалось меньше предписанного, семьи тех, кому удалось избежать набора, строго карались: дома сжигались, члены семей арестовывались.

НАИМЕНОВАНИЕ «ОСТ»

Матерчатый знак OST в натуральную величину

В русский язык прочно вошли слова «остарбайтер», «остовец», «остовка» и «остовцы». Объяснить появление этих неологизмов нетрудно: наши соотечественники, насильственно вывезенные на работы в Германию, должны были носить на правой стороне груди матерчатый знак – нашивку со словом «OST» – восток. Постоянное ношение этого знака было обязательным. Внешняя рамка и фон этого знака – синие, буквы – белые.

Рабочему приходилось самому нашивать этот знак, обычно на картонку, и прикреплять к одежде, делая его съемным.

Точного числа остовцев, вывезенных на работы в Германию и страны Европы, нет. Указывают цифру 2174644, в том числе 1062507 мужчин и 1112137 женщин – на сентябрь 1944 года.

УСЛОВИЯ РАБОТЫ

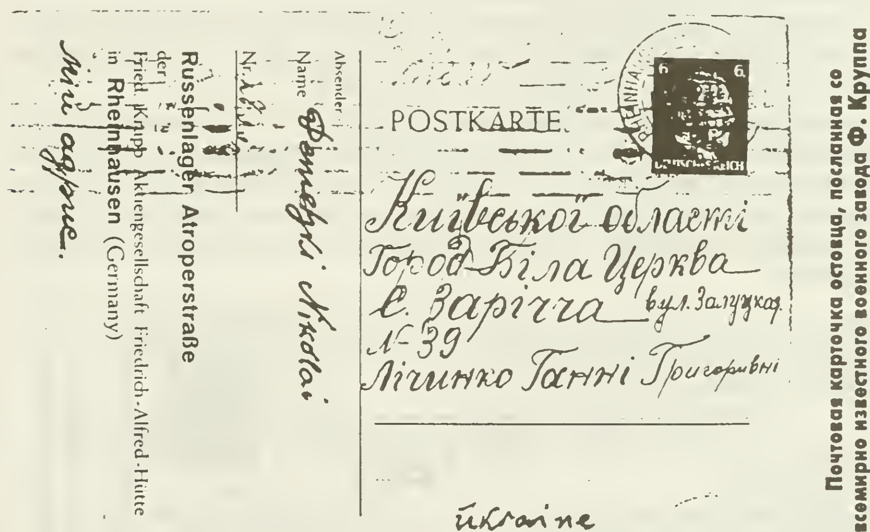
Из расистской политики «нации господ» (Herrenvolk) и вытекали правила работы, качество жилья и отношение хозяев к остовцам. Тяжелее всего приходилось остовцам, прикомандированным к заводам. Рабочий день длился 10-12 и больше часов. Жили в лагерях, за колючей проволокой. На работу ходили строем. Выходные дни бывали редко. Жилищные условия примитивные и тяжелые: спали на трех- или двухярусных кроватях, на матрацах, набитых соломой, быстро превращавшейся в труху, которая сыпалась на лежащих ниже.

За самые незначительные проступки нещадно били, в том числе по лицу, били не только кулаками, но и резиновыми шлангами и дубинками. Кормили баландой из капусты или брюквы; хлеб был самого плохого качества и выдавался скудными порциями. Совершенно ясно, что при таком питании и весьма тяжелой работе выполнить норму было невозможно. За невыполнение нормы полагалось наказание. А если остовцу приписывали саботаж, его ждал концлагерь, а там – расстрел, виселица или смерть от голода и непосильной работы.

Жизнь остовцев, приписанных к частным семьям или сельским хозяйствам, была несколько лучше, во всяком случае в смысле питания. Тут все зависело от порядочности хозяев.

ОСТОВСКАЯ ПОЧТА И ДОКУМЕНТЫ

В начале переписки насильственно вывезенных с оставшимися дома не существовало. На оккупированных территориях Советского Союза вообще не было ни почтовой, ни телеграфной, ни телефонной

Почтовая карточка остовца, посланная со всемирно известного военного завода Ф. Круппа

связи для местного населения. Во всех других оккупированных странах учреждения связи работали, то есть были разрешены оккупантами. Нетрудно себе представить переживания как вывезенных, так и их родных, не получавших никаких вестей друг о друге.

После многих колебаний, с середины 1942 года немецкие власти разрешили ограниченную переписку. Можно было посылать две открытки с оплаченным ответом в месяц. Вскоре были введены открытки, которыми должны были пользоваться только остовцы. На них помещались правила переписки на трех языках: немецком,

Не обошлось без наших соотечественников и при постройке летающих бомб V-2. Эта открытка послана с острова Пенемюнде, где велись разработки и производство такого оружия

русском и украинском. Вся эта почта проходила цензуру, что и отмечалось разными штемпелями.

Редкими были предприятия в Германии, где бы не работали остовцы. Как уже было сказано, эти предприятия заведовали рабочими лагерями, их было более 20 тысяч.

Личных документов, кроме значка «OST», у остовцев не было. И все-таки без языка, без документов, приличной одежды, продовольственных карточек и денег остовцы решались на побеги. Уходили от жестоких хозяев, непомерно тяжелой работы, побоев, унижений и произвола. Шансов добраться домой не было, и все-таки уходили!

Почтовая открытка, посланная из Russen Lager № 1 в сентябре 1943 г. (надписи на ней на трех языках)

Bezeichnung der Transportbehörde
Landrat
in Limburg

Transportzettel[2]
für die Gefangenen-Beförderung

Personalbeschreibung

1. Familienname: Didenko
2. Vorname: Semen
3. Stand oder Gewerbe: Ostarbeiter
4. Geburtstag: 1911
5. Geburtsort: Ukraine
6. Größe: 1,75 m
7. Haare: dunkelblond
8. Augen: graugrün
9. Bart: ohne
10. Zähne: vollständig
11. Besondere Kennzeichen: trägt Ehering
12. Bekleidung: grauer Anzug, schwarze lange Stiefel
13. Gepäck: Haarschneidemaschine, 2 Rasiermesser, 1 Taschenmesser

Bei Ausländern, die auf Grund eines für das Reichsgebiet erlassenen Aufenthaltsverbotes abzuschieben sind, ist ferner anzugeben:[1]

14. Staatsangehörigkeit: Sowjetunion
15. Ausweispapiere: ohne

D. er ... wurde am 15.6. um 15 Uhr in ... aufgegriffen ... u. wird von hier nach Frankfurt a.M. ... befördert und in d. as Polizeigefängnis — ... eingeliefert ...

Überstellung über die Reichsgrenze nach ... übergeben werden.

Er — Sie — ist wegen ... in Untersuchungshaft — Sicherungsverwahrung — Nachhaft — mit ... Jahr ... Monat ... Tag Zuchthaus — Gefängnis — bestraft

Termin am:

Die Transportkosten sind mitzuteilen.[3]

Alle beteiligten Behörden werden ersucht, die mit der Ausführung des Transports beauftragten Beamten zu unterstützen.

Es wird ersucht, diesen Transportzettel mit den Kostenberechnungen nach Beendigung des Transports unverzüglich der Geh. St. Polizei in Frankfurt a.M. zur Erstattung bzw. Einziehung der Kosten zu übersenden.

Limburg, den 16. Juni 1943
Der Landrat

(Dienstsiegel) (Transportbehörde) (Unterschrift)

Transportweg:

Datum		Ort bzw. Bahnhof	Uhr	Datum		Ort bzw. Bahnhof	Uhr
16.6.43	ab	Limburg Hbf.	18[12]	16.6.43	an	Ffm.	20[07]

Сопроводительный документ арестованного остовца Семена Диденко

СУДЬБА ОСТОВЦЕВ ПО ОКОНЧАНИИ ВОЙНЫ: ПРИЕМ ДОМА И НА ЗАПАДЕ

Можно было предположить, что после освобождения из немецкого рабочего плена страна встретит остовцев и военнопленных как особо пострадавших. Но советская власть, построенная на терроре, лжи и недоверии, осталась верна себе. Любой, увидевший другой мир, автоматически попадал под подозрение. Приветствие, которым встречала возвращающихся советская репатриационная комиссия – «Родина ждет вас, сволочи!», – не нуждается в дальнейших уточнениях.

И остовцы, и военнопленные, от которых советская власть отказалась, были посажены в проверочно-фильтрационные лагеря. Эти лагеря, как пишет Солженицын, отличались от исправительно-

трудовых лишь тем, что помещенные в них «еще не имели срока»: многим возвращенцам еще предстояло получить его.

После фильтрации остовцы направлялись в рабочие батальоны или в армию. Потери Советского Союза во Второй мировой войне были огромны. С 7 миллионов при Сталине цифра потерь возросла до 27 миллионов при Горбачеве. Немногим было разрешено вернуться домой. Но и на «советской свободе» они оставались мечеными. Жизнь за границей по любой причине не была плюсом в биографии. Кто в процессе фильтрации был сочтен коллаборантом, очутился в ГУЛаге. В 1945 году выносились два приговора: 10 лет лагерей или расстрел. Да, мало чем отличалась красная диктатура от коричневой, нацистской...

Тем остовцам, которым удалось остаться на Западе, тоже предстояло пройти тяжелый путь. По позорному Ялтинскому соглашению держав-победителей все россияне, которые проживали на территории Советского Союза на 1 сентября 1939 года, подлежали обязательной репатриации. Часто этот пункт соглашения западные союзники трактовали значительно шире. Так, в Лиенце, Австрия, силой оружия английские войска выдали всех: казаков, кавказцев, остовцев, женщин и детей. В беженских лагерях орудовали смешанные советско-союзные комиссии по выяснению статуса россиян. И беда тому, кто не мог доказать, что не был под советами 1 сентября 1939 года. Ясно, что люди этому сопротивлялись, меняя биографии, делая нужные документы. Только в 1947 году, поняв, наконец, на какие муки оказываются обречены ни в чем неповинные люди, западные державы покончили с этой бесчеловечной практикой.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Все меньше и меньше остается остовцев среди нас. Но пока есть живые свидетели, очень важно записать их воспоминания о жизни в немецком рабочем плену и жизни по возвращении домой.

Любые документы, относящиеся к остовцам, надо собирать и беречь. Сейчас в России началось серьезное изучение судеб остовцев и военнопленных. Наша задача всячески содействовать этим начинаниям.*

*** В издательстве «Эрмитаж», США, в 1996 г. вышла книга автора этой статьи «Почта остарбайтеров Второй мировой войны». Книгу можно приобрести у автора по адресу:** *409 Jones Road, Vestal, NY 13850-3246. USA.*

Телефон: *607-748-4606.* **Цена книги 25 ам. долларов. Автор продолжает собирать материал, относящийся к остовцам.**

А. И.

ЗАКОН, ЧТО ДЫШЛО: КУДА ПОВЕРНЕШЬ, ТУДА И ВЫШЛО!

В «Кадетской перекличке» № 58 мы поместили статью Георгия Некрасова «Память их в род и род...» по поводу 50-летия выдачи казаков в Лиенце англичанами на расправу чекистам. В числе казаков было 11 тысяч женщин, детей и стариков.

Среди казаков были и бывшие советские граждане, находившиеся в плену у немцев, добровольцы или лица, вывезенные из оккупированных частей России и отправленые на работы в Германию. В них также участвовали казаки, которые в 1920 году эвакуировались из России с белыми войсками генерала П. Врангеля, многие из которых участвовали в борьбе против титовских партизан в Югославии.

На основании Ялтинской конференции все русские люди, оказавшиеся на территории завоеванных Германией стран, должны были быть депортированы в СССР. Граф Николай Толстой-Милославский занимался расследованием этих выдач с тех пор, как официальные документы были сданы в государственный архив. Им были написаны 9 книг, их коих две посвящены этой теме: «Жертвы Ялты», изданная в 1977 году, и «Министр и погромы», выпущенная в 1986 году.

В последней книге Толстой утверждает, что Харольд Макмиллан, впоследствии премьер-министр Англии, желая угодить Сталину, убедил одного из английских генералов обойти телеграмму Министерства иностранных дел, приказывающую «любого человека, не являющегося советским гражданином по английским законам, не высылать обратно в Советский Союз без его желания». На основании этого приказа русские беженцы, покинувшие Россию в 1920-х годах и прежде, не подлежали выдаче СМЕРШу. По документам, которые рассматривал Толстой, лорд Олдингтон, бывший в то время начальником штаба, под именем Тоуби Лоу, 21 мая 1945 г. издал приказ о том, как определять советское гражданство: «Отдельные случаи НЕ будут рассматриваться, за исключением особого нажима. Во всех случаях, где возникает сомнение, человек будет считаться *советским подданым»*. На основании этого Толстой считает, что судьба русских эмигрантов была предрешена.

В послевоенные годы было издано много книг как эмигрантских, так и английских и американских писателей, насчет ужасов этой депортации, и мы, русские эмигранты, поминали и поминаем русских людей, погибших от расстрелов, ГУЛАГа и прочих преследований, ежегодно в День непримиримости — 7 ноября.

Толстой обвинил лорда Олдингтона в военном преступлении. В Англии был суд, который Толстой проиграл, главным образом, из-за связей Олдингтона в английском правительстве. Суд присудил Толстого к уплате

беспрецедентного штрафа в 1,5 млн. фунтов стерлингов за то, что он публично назвал лорда Олдингтона военным преступником в 1990 году. Мы не будем описывать всю судейскую процедуру. В 1993 г. Европейский суд по правам человека расценил это как нарушение авторских прав на свободу слова. Толстой не имел средств на продолжение судебного расследования. Когда английское правительство узнало, что после поездки Н. Толстого в Москву и публикации в «Литературной газете» сути дела в России поднялась волна общественной поддержки Толстому, в которой принял участие и президент России, по словам «ЛГ», начался сбор документов из российских архивов, подтверждающих версию Толстого в книге «Жертвы Ялты» о насильственной репатриации российских пленных в конце Второй мировой войны. Английский Верховный суд решил ускорить завершение суда: заключительное слушание дела должно было произойти в октябре, но его неожиданно перенесли на июль месяц.

Не получив нужных документов вовремя, Толстой суд проиграл, и теперь у него хотят отнять его личную библиотеку, оцененную судебными исполнителями в 50 тысяч фунтов стерлингов.

Толстой пишет: «Мне бы хотелось, чтобы это стало известно русским писателям, которые сами совсем недавно вышли из-под опеки цензоров и литературной зависимости. В этой истории они могли бы увидеть, как британское законодательство может изменить ход истории в угоду одному из своих влиятельных лиц. Это призыв ко всем приверженцам свободы и демократии оказать давление на британские власти с целью прекратить преследование Николая Толстого, его жены и детей. Эта печальная история служит яркой иллюстрацией того, как обеление и цензура исторических событий могут способствовать укреплению продажных и тоталитарных режимов. *Граф Николай Толстой-Милославский*».

А вот что по этому поводу пишет известный русский писатель А. И. Солженицын: «Дорогой Николай Дмитриевич! Я, без сомнения, готов подписать подготавливаемое коллективное письмо в защиту Ваших прав на свой исследовательский архив, который пытаются у Вас незаконно отобрать.

На самом деле затянувшаяся на 50 лет история с позорным предательством русских людей английскими властями на уничтожение Сталину — взывает и к гораздо более резким суждениям об английской законности и английской юриспруденции в целом.

От души желаю Вам мужества.

С самыми добрыми пожеланиями и полным сочувствием к Вам *Солженицын*».

Мы призываем всех русских как в России, так и за границей оказать графу Толстому всемерную помощь.

ТАТЬЯНА ЧЕРКАСОВА

ОТЕЦ АНДРЕЙ ВОРОНИН И ЕГО НЕОБЫЧНЫЕ ВОСПИТАННИКИ

Миллион бездомных и беспризорных детей – это цена сегодняшних российских реформ. Только на столичных вокзалах и в подвалах обитает 50 тысяч маленьких одичавших бродяжек. Но и тем, о ком все же «заботится» государство, приходится несладко: больше половины воспитанников государственных детских домов почти прямиком попадает за решетку; алкоголизм, наркомания, патологическая жестокость становятся для них нормой с первых дней жизни. Что могут дать нравственно покалеченным детям педагоги и воспитатели, сами едва живые от голода и хронического безденежья?

Для любого думающего и хоть немного способного чувствовать человека эта тема сегодня – табу. Потому что если думать и говорить всерьез, можно тронуться разумом; если рассказывать об этом с легкой улыбкой или оттенком самодовольства (мол, не зря же мы своих детей увезли в Америку) – значит, выглядеть (и быть) натуральными мерзавцами. Вещать об этом с высокой трибуны, как это было на недавней конференции «Здоровье нации» в Москве (с участием представителей власти), и при этом ничего не делать, – тем более безнравственно и преступно...

И все же я должна обратиться к этой теме. Недавно в Сан-Франциско побывал отец Андрей Воронин – протоиерей Свято-Преображенской церкви города Нерехта, Костромской области, что в пяти часах по железной дороге к северу от Москвы. Похоже, сегодня в России это одно из немногих мест, где не только говорят о том, что надо спасать детей, но и делают это.

...В православный приют Ковалево детей специально не отбирают. Их судьбы обычны для нынешней России. У Стаса Козлова обезумевшая от побоев мать зарубила отца на глазах мальчика, 16-летняя сестра спилась и потеряла человеческий облик. У семилетнего Жени пьяный отец забил до смерти мать. У Олега Горохова мать сидит в тюрьме за воровство. Саша Мотиков несколько месяцев жил в собачьей будке, кормили его соседи.

Шестилетний Игорь попал в приют с многочисленными травмами и переломами: за зверское избиение ребенка его отца с матерью лишили родительских прав...

Я вглядываюсь в ясные, безмятежные мальчишеские лица на кинопленке и с трудом верю, что их биографии начинались с такого житейского ужаса... Год назад в пригороде Нерехты открылся первый

в стране православный приют для мальчиков от 3 до 12 лет. Сейчас «передовой опыт» приюта Ковалево отделы народного образования по всей России пытаются предложить «к широкому внедрению». Не получится. К сожалению, такое стечение удивительных и поистине счастливых совпадений вряд ли может повториться. Отец Андрей привез с собой в США и показал широкой общественности фильм, снятый о приюте Ковалево костромскими тележурналистами. Я была на встречах с Андреем Ворониным в Русском центре Сан-Франциско и в православной церкви Петра и Павла в Санта-Розе. Русская Америка потрясена и восхищена его подвижнической деятельностью. Даже суровые и закаленные в боях ветераны Первой и Второй мировых войн, седовласые солидные господа из российских кадетских корпусов не смогли скрыть волнения, глядя на одухотворенные лица мальчиков, читающих молитву... И, разумеется, делились своими скромными сбережениями – кто давал двадцать долларов, а кто и триста. Так мы подошли к первой разгадке этого феномена: приют Ковалево строился и начинал свою работу именно на деньги американских жертвователей.

Еще четыре года назад члены Конгресса русских американцев загорелись мыслью помочь детям России. Но как? Где? В какой именно форме? Пока шли поиски, организация, объединившая в своих рядах примерно 20 тысяч человек (главным образом, детей и внуков первой волны русской эмиграции), начала сбор средств на строительство приюта в каком-то тихом уголке российской глубинки. Руководители Конгресса Георгий Авилов и Борис Анисимов буквально не щадили себя, чтобы эта идея воплотилась в жизнь...

А в маленькой Нерехте, где в последние годы из-за непродуманных экономических реформ едва ли не все городское население с трудом добывает средства к существованию, настоятель местного собора отец Андрей Воронин сказал членам прихода: «Надо спасать детей!» И начал поиск спонсоров. Нерусское это слово хотелось бы заменить более родным – меценат, покровитель, но оно прижилось в России, и сегодня там все говорят «спонсор».

В самом факте, что русские американцы и русские россияне нашли друг друга, нельзя не увидеть вмешательства провидения. Потому что все, к кому обращался отец Андрей в России, однозначно говорили: «Нет». Одни возмущались: «Как, вы еще и молиться их заставите? И в церковь поведете?» Другие безнадежно махали рукой: «Бесполезно что-то менять в этой системе, займитесь более реальным делом». И только когда у отца Андрея появились деньги – присланные из Америки! – с ним стали говорить всерьез. Более того, стали помогать местные власти и городские предприятия. Кто гвозди подкинет, кто доски, кто крупой и мукой из своих скудных запасов поделится...

Участок земли с большим красивым садом нашли в четырех

километрах от города. Когда-то там располагалась помещичья усадьба, потом сельская школа. Все, что только можно было оттуда украсть, – украли. Вынесли даже двери, оконные рамы, выломали пол и крышу. Остался фундамент и часть голых стен. Вот на эти-то развалины и пришел отец Андрей с прихожанами своей церкви.

То, что теперь показано в фильме, напоминает чудо. Уютные чистенькие комнатки на 3-5 человек – каждая с удобствами, нарядные, светлые игровые и учебные классы. Кухня, столовая, мастерские, водопровод, теплицы (свои овощи скоро будут круглый год), яблоневый сад, плодоносящие кустарники (наварены сотни литров варенья и компотов), своя ферма: птица, лошади, телята, собаки... Старшие дети уже помогают доить коров – надо ли говорить, что молоко здесь всегда свежее. Когда минувшей осенью воспитанники приюта пошли в школу (их возят на автобусе в город), они выглядели здоровее и ухоженнее многих домашних детей.

Так что же – полная идиллия? Тысячу раз нет. Крошечные, порой незаметные стороннему глазу изменения только начали совершаться в душах детей. Их здесь не наказывают, несмотря на то, что многие из них могли говорить только матом (увы, других слов они в жизни не слышали). Первые месяцы все они воровали вещи друг у друга. Дрались страшней, чем в американских боевиках. Некоторые сбегали из приюта едва не дважды в день.

Типичная история: привезли двоих пацанов, восьми и десяти лет. Через несколько часов они уже были в семи километрах от Ковалево – ловили грузовик на костромской трассе. Воспитатель приехал за ними, вернул в приют:

– Что ж вы, ребята, даже не посмотрели, как у нас хорошо. А вдруг вам понравится?

– Не старайся, дяденька, все равно сбежим!

– А вот я вас на часок запру в комнате, посидите, остыньте немножко, подумайте.

– Поду-умаешь! Вот мы повесимся, а тебя дурака посадят, будешь знать!

Эти дети знают, как выживать в экстремальных условиях. Как не умереть с голоду в человеческих джунглях. И при этом не имеют ни малейшего представления о ценности труда, о стоимости вещей. Привез отец Андрей семь велосипедов – через два дня осталась только груда обломков. С такой же скоростью рвется и выбрасывается одежда. Носки поначалу пропадали в катастрофических масштабах: их надевали один раз и выбрасывали. Служащие приюта ужасались: «Да где же на них носков-то напастись?»

Истинным мучением для детей была наука заправлять за собой постель – ведь постели многие отродясь не имели... Зато про взаимоотношения полов эти малыши знают гораздо больше нас с вами – пьяные оргии происходили у многих на глазах.

Потому-то и решил отец Андрей сначала не брать в приют

девочек. «Вот создадим хороший мужской коллектив, тогда и девочек приглашать можно».

Кстати, вернувшись на днях из Америки, отец Андрей уже привез в Ковалево архитектора. Денег, собранных Конгрессом русских американцев, хватит, чтобы начать строить новый, девичий корпус. Спасибо за это всем жертвователям миллион раз!

Кто же такой Андрей Воронин? Его собственная судьба могла бы увлечь любого романиста: коренной москвич, выпускник географического факультета Московского университета, специалист-гляциолог, объездивший полмира, вдруг подался в священники. История его семьи тоже не предполагала обращения к религии – отец был в числе испытателей первой советской ядерной бомбы. Для самого Андрея такой поворот в судьбе, как он теперь считает, был единственным выходом: душа требовала. То ли встреча со странствующими монахами на одной из вершин Кавказа поразила его воображение, то ли долгие часы уединенных размышлений в ледяных торосах Арктики не прошли даром... Только в 29 лет он решил начать все заново. После окончания духовной семинарии оказался в глухой российской провинции. Впрочем, не лучше ли дать слово самому отцу Андрею? Высокий, красивый, с веселыми проницательными глазами, он готов рассказывать о своем детище бесконечно.

– Знаете, никого насильно мы к вере не тянем. И я с большим сомнением отношусь к нынешней шумной моде крестить всех малышей в семьях, где родители далеки от церкви. Вера требует огромной внутренней работы, душевных и духовных преобразований, и лучше, когда человек приходит к обряду крещения сознательно. Мы в нашем приюте «высиживаем» детские души, как курица цыплят. Бывает, приезжает новый ребенок и категорически заявляет: «Молиться не буду!» Пожалуйста, не молись. Только сиди тихо, другим не мешай. Он день посидит, второй... Потом ему интересно становится, он со всеми отправляется на службу. Прислушивается, присматривается. Затем начинает ходить на исповедь – это очень важный элемент нашей жизни. Именно на исповеди ребенок впервые начинает анализировать свои поступки, оценивать себя иными, более высокими мерками. И что-то начинает потихоньку меняться в душе.

– Скажите, отец Андрей, а что будет с детьми, если они снова попадут в свои семьи? Чьи-то родители одумаются, чьи-то выйдут из тюрьмы?

– Мы никогда не говорим детям, что их родители плохие. Это пагубный, страшный путь – настраивать ребенка против отца и матери. Он может сломаться навсегда. «Твои родители очень хорошие, – говорим мы ребенку, – но они попали в беду. Им надо

помочь. Так случилось, что в этом мире, кроме тебя, им надеяться не на кого. Ты должен встать на ноги, многому научиться, многое понять, чтобы им помочь». И представьте себе, на многих детей это действует целебным образом. Они успокаиваются, с увлечением начинают учиться...

В нашем приюте дети будут жить до тех пор, пока мы им будем нужны, пока они не вырастут, закончат школу и сами не захотят уйти. Это их дом навсегда. Никто не заставит нас отправить ребенка на улицу после 17 лет, как в государственных детских домах. Наоборот, готовим их будущее: открыли именные счета в банке и при каждой возможности пополняем их вклады. Но самое главное – дать им систему координат, научить их жить в ладу с миром и с самими собой.

– А всегда ли этот «лад» получается? Неужели совсем не дерутся?

– Это была очень серьезная проблема: все в детских спорах решали кулаки. Наконец, я не выдержал, купил им боксерские груши, на три раза в неделю пригласил тренера по боксу. Говорю – хотите драться, деритесь, только красиво. Теперь у нас в Ковалево аж два чемпиона города! Вообще порой самые неожиданные вещи могут произвести революцию в детском сознании. Например, очень тяжело было заставить детей следить за порядком. Как-то раз привезли мы новые швабры, красивые такие, яркие. Представьте себе, в этот день пол сверкал чистотой, а дети упрашивали воспитателей: «Ну дайте помыть еще один, самый последний разок!»

– Как вы начинаете с ними разговор о Боге?

– Со всеми по-разному. Часто они сами спрашивают меня: «А что там, наверху?», когда мы сидим у нашего телескопа и смотрим ночью на звезды. Кстати, это тоже предмет нашей гордости – такого телескопа ни у кого в городе больше нет.

– Похоже, приют – средоточие всех ваших сил и помыслов. А как же собственные дети и жена?

– Поначалу было очень непросто. Мои дети (их у Андрея Воронина трое – два мальчика и девочка. – *Т. Ч.*) приходили в приют и... начинались обиды, соперничество, ревность. Но потом я сказал своим: дома я ваш папа, а в приюте зовите меня, как и все, отец Андрей и постарайтесь здесь вести себя, как все. Мне кажется, они меня поняли. И вообще, мне трудно разделить: и то, и другое – моя семья.

– И поэтому вы не отдали своих мальчиков в американские семьи? Я слышала, многие выражали желание усыновить ваших питомцев?

– Да, такие разговоры возникали. Но я против отъезда наших детей в Америку. Поймите меня правильно – я благодарен здешним семьям за их добрый порыв, но ведь семья порой далеко не все, что формирует человека. Я немало времени ходил по улицам Сан-Франциско...

Да, здесь гораздо чище воздух, здоровая еда, комфорт, но я

убежден, если человеку все время удобно, он в конце концов начинает деградировать.

Отец Андрей уезжал, заваленный подарками. Он страшно волновался и беспокоился, как там дети без него? Все ли здоровы? Все ли в порядке? Этот удивительный человек напомнил мне христианских миссионеров прошлого столетия – Германа Аляскинского, Иоанна Вениаминова; обладая выдающимся организаторским талантом, они учили других, как строить дома и школы, проводили научные эксперименты, разводили сады... И как подлинные учителя жизни навсегда вошли в историю.

В нынешней России большая политика живет сегодняшним днем. Такие, как отец Андрей, живут будущим. Таких, как он, единицы, и они пытаются спасти наше общее сокровище – детей. Спасут ли?

«Панорама», № 847, 2–8 июля 1997 г.

АЛЕКСЕЙ АРСЕНЬЕВ

МЕЖДУНАРОДНЫЙ СИМПОЗИУМ «РУССКАЯ ЭМИГРАЦИЯ В СЕРБСКОЙ И ДРУГИХ СЛАВЯНСКИХ КУЛЬТУРАХ»

Белград – Сремски-Карловцы, 20–22 ноября 1997 г.

В отличие от симпозиума «Вклад русской эмиграции в развитие сербской культуры XX века», проведенного в 1993 г., тема нового симпозиума привлекла в Белград большее число участников не только из ряда городов Югославии, но и из других стран – России, Украины, Чехии, Болгарии, Польши, Хорватии, Италии, Бельгии, США. Этому способствовало несколько причин: возрастающий интерес к изучению русской эмиграции в славянских странах, опубликованные сборники докладов упомянутого белградского симпозиума (разошедшиеся по многим городам мира), подготовительная работа Оргкомитета во главе с проф. Миодрагом Сибиновичем и учеными секретарями М. И. Межинской и О. Л. Кирилловой, обеспечивших иностранным участникам льготные условия пребывания в Белграде.

Устроители симпозиума – кафедра славистики Белградского университета и Общество славистов Сербии – провели его в рамках

своего проекта «Сербская культура и литература в европейском контексте – Славянские культурные и литературные взаимосвязи». Ряд докладов вполне соответствовал этому проекту и украсил сессии симпозиума: «Славянское общество и русская эмиграция в Болгарии» (М. Каназирска), «Русская эмиграция в Сербии, Королевстве СХС и Королевстве Югославии в свете славянской взаимности» (М. Сибинович), «К вопросу о взаимоотношениях научных центров русской эмиграции: Прага–Белград» (Л. Белошевская), «Русские скауты в Югославии и участие русских в югославянских скаутских организациях» (Р. Полчанинов), «Русские историки в Белграде» (Е. Бондарева), «Ученые Новороссийского университета в Сербии» (О. Романова), «Белградский журнал «Руски архив» и пражский «Воля России» (О. Джурич), «К вопросу о русской школе в эмиграции» (Н. Степанов), «Пейзаж в лирике русских эмигрантов на южнославянских просторах» (И. Лукшич), «Поэзия и фольклор болгар в исследованиях русских эмигрантов» (Р. Русев) и др.

Ввиду большого количества участников (более 80), лишь две сессии симпозиума были пленарными, остальные проводились по секциям: 1. «Общие вопросы»; 2. «Наука, образование, литература, издательская деятельность»; 3. «Изобразительное искусство, театр, балет, архитектура».

Плодотворно и интересно протекала работа трех секций, на которых были зачитаны рефераты, с разных ракурсов осветившие деятельность режиссера театра Ю. Л. Ракитина: «Новые московские материалы о Ю. Л. Ракитине» (Н. М. Вагапова, Москва), «Ю. Л. Ракитин как оперный и балетный режиссер» (Н. Мосусова, Белград) и «Реконструкция постановки Ракитиным «Вишневого сада» (М. Лесковац, Нови сад). Нет возможности перечислить все доклады этой и других секций (тезисы рефератов опубликованы). Оргкомитет продолжает свою работу – готовит к печати сборник докладов.

Третий, заключительный день симпозиума протекал в уютном городке Сремски-Карловцы, где состоялся Круглый стол: «Архивные, музейные и прочие источники для изучения русской эмиграции XX века», на котором выступили представители крупнейших архивов и библиотек Москвы и Белграда. С особым вниманием участники отнеслись к этим сообщениям, сознавая, сколько ценного, еще неисследованного материала скрывается в архивах. Об этом свидетельствовала и выставка, открывшаяся 20 ноября в белградском «Русском доме»: «Русские беженцы в Югославии – из архивных фондов». Материалы для нее предоставили Государственный архив Российской Федерации, Архив Югославии, Архив Сербской Академии наук и искусств, Архив Сербии и Исторический архив Белграда – 240 экспонатов (каталог подготовил историк Мирослав Йованович).

Помимо ознакомления с новыми трудами по культурному

наследию русских на чужбине, встречи в Белграде и Ср.-Карловцах, несомненно, будут способствовать продолжению работ по переписи и упорядочению «русско-эмигрантских» фондов в государственных архивохранилищах, а исследователям эти встречи помогли упрочить связи с коллегами в своей и других странах.

Наконец, хочется отметить, что в Белграде недавно вышли в свет четыре книги (на сербском языке), темы которых близки с концепцией проведенного симпозиума: Мирослав Йованович – «Прибытие русских беженцев в Королевство СХС. 1919–1941», Юрий Лобачев – «Когда Волга впадала в Саву (Мой жизненный роман)», Игорь Блуменау – «Судьбы русских эмигрантов в Белграде».

Нови Сад

5-й Владимирский историко-литературный конкурс средних учебных заведений в России

В марте и апреле 1996 г. в средних школах городов Анапы, Волхова, Ногинска, Москвы, Обнинска и Черноголовки был устроен конкурс на историко-литературные темы, организованный Нью-Йоркским Объединением Кадет российских кадетских корпусов.

Было получено по три лучших сочинения на каждую тему и комиссия вынесла следующее решение:

1. *История Белого Движения.*

Первая награда: не присуждена.

Вторая награда : не присуждена

Третья награда: София Олейник, ученица 10 кл. г. Обнинск, Калужская область.

Поощрительная награда: Елена Меньшинина, ученица 11 кл. Московской городской педагогической гимназии.

2. *Славные традиции русского флота.*

Первая награда: Иван Субботин, ученик 10 кл. г. Обнинска.

Вторая награда: не присуждена.

Третья награда: Павел Литвинов, 11 кл. Черноголовка.

Поощрительные награды: Дмитрий Нестеренко и Альбина Карпова из Анапы.

3. *Почему свобода человека должна иметь известные границы?*

Первая награда: Светлана Кудряшова, 11 кл. 2-я средняя школа, Старая Русса, и Марина Емельянова, 10 кл. лицея, Черноголовка.

Вторая награда: Лидия Сальникова, 10 кл. г. Обнинск .

Третья награда: Шифр И-10-9, фамилия ученика из г. Анапы не указана.

Ввиду постоянного затруднения с выяснением фамилии участников конкурса, шифры, заменяющие фамилии, **отменяются**.

Начиная с этого конкурса в члены конкурсной комиссии был приглашен А. Кручинин, историк по образованию; мы приветствуем его участие в этой исключительно важной работе с молодежью. Его анализ и заключения на тему о «Белом движении» и о «Славных традициях русского флота» весьма интересны и поучительны.

А. И.

А. КРУЧИНИН

ВЛАДИМИРСКИЙ КОНКУРС

Прежде всего приходится с сожалением констатировать, что представление о хронологии Гражданской войны, последовательности событий, вообще обо всем, что связано с фактической стороной дела, у участников конкурса не отличаются ясностью. Хотя нарисовать целостную картину Белой борьбы на разных фронтах действительно непросто, а школьные учебники, судя по всему, в этом скорее помеха, чем подспорье.

Поэтому и появляются пассажи, подобные следующему: «2 ноября 1917 года генерал Алексеев прибыл в Ростов-на-Дону, а через несколько дней туда удалось пробраться из Петрограда первой группе добровольцев [...]. Так началось образо-вание Добровольческой армии. 6 декабря того же года в Новочер-касск приехал генерал Корнилов. Постепенно образовывались все новые и новые армии: Сибирская, Западная, Оренбургская, Уральская, Армия генерала Колчака (???), отряды Мамонтова (???), подразделения и армии донских и кубанских казаков». Очевидно, что автор постарался перечислить все, ему известное (и, по-видимому, его интересующее), и приведенный «перечень»в результате стал едва ли не самым обширным и «детализированным», однако понимания реально существовавшей ситуации в нем не видно.

Впрочем, поскольку этот недостаток был присущ практически всем прочитанным мною работам (и варьировался лишь в зависимости от того, насколько вообще фактическая картина событий интересовала авторов), – не будем здесь останавливаться на нем слишком долго. В конце концов факты – дело наживное. Гораздо

важнее, пожалуй, принципиальные ошибки, также нередко встречающиеся в представленных на конкурс работах.

Во-первых, очень часто авторы сочинений представляют себе Белую армию как производное от Белого движения, якобы существовавшего отдельно и ранее формирования армии. Логика рассуждений при этом такова: «создалось некое движение (политическое, общественное и проч.), но ему нужна была вооруженная сила, – так-де и сформировалась Белая армия». На самом деле организация первых Белых отрядов начиналась без какого-либо политического оформления, а сам термин «Белое движение», в сущности, неотделим от понятия Белой армии (Белой гвардии). Не случайно политические декларации, программы, наказы и пр. создавались и публиковались задним числом, уже после начала вооруженной борьбы. «Я не спрашиваю у вас, какой вы партии, я спрашиваю, любите ли вы Россию?» – говорил генерал М. В. Алексеев прибывавшим к нему добровольцам. Поэтому бессмысленно говорить о какой бы то ни было политической окраске зарождающегося Белого движения или о верховенстве, главной роли в его создании какой бы то ни было политической партии, организации, «союза», «комитета». Итак: Белая армия (Белая гвардия) первична. Белое движение вторично; Белое движение – это, в сущности, движение отдельных лиц и общественных групп, сплотившихся вокруг уже борющейся армии.

Далее. При оценке причин, вызвавших начало Белой борьбы, ошибочно уделять повышенное внимание экономическим мотивам, в частности, изданию большевистского «Декрета о земле» (помещичьих земель в России было не так уж много, и даже полный их передел земельной проблемы в тех губерниях, где она существовала, не решал). Не говоря уже о личной бедности большинства вождей Белого дела, – политика их также вряд ли может быть названа реставраторской в полном смысле слова. Известно, например, что генерал А. И. Деникин специальным приказом запрещал какое бы то ни было участие воинских частей и команд в спорах между вернувшимися в свои усадьбы помещиками и разделившими их землю крестьянами. Что же касается буржуазии, то она на первых порах вообще отказывалась поддерживать белых вождей, о чем уже приходилось говорить и писать (см., напр., «Кадетскую перекличку» № 57, стр. 19).

Подобным же образом обстояло дело и с «сословными привилегиями». Приходится об этом упоминать, т. к. у некоторых из авторов сочинений до сих пор сохраняется убеждение, что русское офицерство периода Гражданской войны – это целиком аристократия, «голубая кровь и белая кость» и т. п. На самом деле однородность офицерского состава вследствие огромных потерь, особенно первого года великой войны, была в значительной степени

размыта за счет «офицеров военного времени» самого различного происхождения и общественного положения. В Гражданскую же войну этот процесс еще более усугубился, командного состава не хватало и наверх выдвигались люди, чье восхождение по служебной лестнице в обычное время, конечно, не было бы таким быстрым. Так, один из последних белых главнокомандующих атаман Г. М. Семенов (по происхождению простой забайкальский казак) имел очень незначительный командный стаж (последний чин в старой армии – есаул), а стажа штабного и административного не имел вовсе. Значительную долю офицеров казачьих частей составляли недавно произведенные урядники и вахмистры (унтер-офицеры), а в регулярных частях – вчерашние интеллигенты или «полуинтеллигенты». Кроме того, не нужно забывать, что «голубая кровь» могла и не быть помехой в общении с «простым» народом: служилый дворянин был намного ближе к солдату-крестьянину, чем городской интеллигент, лучше его знал и понимал.

Одной из причин Белого движения называют нередко разгон большевиками Учредительного собрания. Однако говорить о «степени законности власти Временного правительства» по состоянию на осень 1917 года бессмысленно. Керенский, подавив выступление генерала Л. Г. Корнилова, фактически совершил государственный переворот, предрешив государственное устройство России объявлением ее республикой, созывом «предпарламента» и пр. В этих условиях резко и сразу понизилась легитимность (вообще спорная) Учредительного собрания, на которое тем самым оказывалось негласное давление. Само же Собрание было не только собрано, но и избрано уже в условиях большевистского режима, так что говорить о его законности и авторитетности просто не приходится. Доказывается это и тем, что никто из лидеров «Учредилки» в Белой борьбе никакой роли не сыграл, а играли они роль скорее в противодействии белым.

Неоправданное, на мой взгляд, значение придают в ряде случаев авторы сочинений и роли «союзников»-интервентов. Во-первых, численность союзных войск, осуществлявших интервенцию, была крайне невелика и определяющей роли они не играли. А, во-вторых, и вопрос с «разделом сфер влияния» в России тоже не так прост, как это кажется. Конечно, союзные державы имели зоны своих интересов на территории бывшей Российской Империи, и многие их действия диктовались эгоизмом (часто весьма близоруким).

Однако, признавая эгоизм союзников и их двойную игру (поддержать одну из противоборствующих в России сторон и добиться при этом режима наибольшего благоприятствования своим интересам), почему же никогда не допускают мысли о здоровом национальном эгоизме и такой же «двойной» политической игре и другой стороны, то есть белых вождей (получить от союзников реальную помощь, которая может и должна быть оплачена, но

восстановить при этом мощную Единую Неделимую Россию, которая будет способна защитить на международной арене свои интересы и «сферы влияния»)? Другое дело, что и те, и другие ошиблись в своих ожиданиях...

К сожалению (а, может быть, к счастью), участники конкурса не представляют себе характера войны вообще, а Гражданской – в особенности, говоря о «насилиях», «грабежах», «терроре» и пр. (вновь и вновь подчеркнем, что *политики* террора белые, в отличие от большевиков, не проводили *никогда!*) Для всякой войны и для всякой стороны характерны такие явления, и смысл не в выискивании их у любой из сторон, а в оценке отношения к ним командования. Авторам сочинений хочется, чтобы война представляла собой игру в оловянные солдатики, которые ни при каких условиях не меняют своей идеальной выправки. Но, к сожалению, это не так. Что касается неоднократно цитируемой авторами фразы В. В. Шульгина «Белое движение было начато почти святыми, а закончили его почти разбойники», то ее употребление, на мой взгляд, следует признать прямым преступлением учителей, коль скоро они не дают ученикам внятного представления об особенностях и сложностях личности В. В. Шульгина. Об этом можно (и нужно!) писать отдельные статьи, но здесь подчеркнем только, что человек он был увлекающийся, «заигрывающийся», из тех, что «для красного словца не пожалеет и отца», статьи его представляют собой произведения почти художественные, и так и должны быть оцениваемы. А роль его вообще весьма неоднозначна, на вопрос, чего больше принес В. В. Шульгин Белому движению и русскому национальному самосознанию – пользы или вреда, – у меня лично однозначного ответа нет.

И, наконец, все еще встречающиеся утверждения, что «белые и красные одинаково любили родину и боролись за нее». Большевистская власть совершенно определенно провозгласила своей целью мировую революцию, в пожаре которой России отводилась роль лишь одного из поленьев, а большевистские вожди неоднократно демонстрировали не просто равнодушие, а прямую враждебность России. То, что в рядах Красной армии могли действительно оказаться люди, совершившие трагическую ошибку, ослепленные самообманом, не снимает с них вины за соучастие в умерщвлении России.

В лучшем же, на мой взгляд, сочинении хорошо именно то, что автор, не сосредоточиваясь на политических, экономических, военных и пр. проблемах (в которых сегодняшний старшеклассник, увы, разбирается весьма плохо), подчеркивает нравственную доминанту Белого Дела, изначальную благородность и, если угодно, «неотмирность» его целей.

В заключение хочется сказать, что ученики во всем этом, по-

моему, не виноваты. Виноваты учебники (безусловно) и, может быть, в некоторых случаях учителя. Из литературы ж на эту тему считаю нужным рекомендовать альбом «Белая Россия», составленный генералом С. В. Денисовым (первое издание – Нью-Йорк, 1937) и переизданный несколько лет назад репринтным способом в Москве. Генерал (сам участник Белой борьбы) постарался действительно составить учебник истории Белого дела, проявив при этом максимально возможную для него беспристрастность. (Один из участников конкурса использовал книгу Денисова, но, к сожалению, его сочинение оказалось слишком несамостоятельным.)

Что касается сочинений на «военно-морскую» тему, то они в целом написаны лучше. Огорчает лишь, что, говоря о славных традициях Российского флота, никто не упоминает о духовных традициях, главная из которых – религиозная. Морская стихия во все времена не только притягивала к себе, но и страшила человека своей скрытой грозной силой. «Кто в море не бывал, Богу не маливался», – говорили на Руси. Отсюда и религиозность, отсюда и особенное почитание Святителя Николая Чудотворца, спасавшего людей при кораблекрушениях (Никола Морской или даже Никола Мокрый), столь свойственные русскому флоту и бывшие под запретом на флоте советском.

Кроме того, в большинстве случаев авторы сочинений пишут не совсем на тему – не о «традициях», а об «истории» Российского флота. Конечо, доблесть, мужество, техническая оснащенность – это тоже традиции, но более удачным было сочинение, подчеркивающее наряду с этим и традиции учрежденной Петром I «навигацкой школы», офицерского корпуса и пр. Особенно возмутительно, что пришлось прочитать даже о «революционных традициях» флота, выразившихся, как известно, в сжигании революционной матросней своих офицеров в корабельных топках.

Большинство учащихся выбрало тему, касающуюся вопроса: «Почему свобода человека должна иметь известные границы?». Тяготение к свободе было одной из постоянных тем, обсуждавшихся в русской литературе и философии. Много на эту тему написано и иностранными философами. Отрадно заметить, что многие учащиеся ссылались на русских философов и литераторов: проф. Лосский, Ильин, Булгаков, Франк, Достоевский и пр. Они сознают, что при коммунистическом режиме свободы не было, но также отдают себе отчет, что если границы свободы не установлены законами, как человеческими, так и Божьими, то это может привести к полному хаосу и полной деградации общества. «Существуют ..... и градации свободы. Максимальная свобода должна быть в духовной жизни, в совести, в творчестве, в отношении человека к Богу. Но свобода ограничивается и делается минимальной по мере опускания к жизни материальной», писал Н. Бердяев.

Вот к этой духовной свободе мы и призываем русскую молодежь: эта духовная особенность России, связанная с православием, и создала русскую цивилизацию, так отличную от цивилизации западной. Россия самобытна и не нуждается в посторонних влияниях. Слава Богу, мы русские, говорил наш великий полководец А. Суворов.

Комиссия благодарит всех участников конкурса, директоров, преподавателей школ, а также родителей, которые все вместе несут ответственность за воспитание подрастающей молодежи.

Комиссия благодарит Михаила Сергеевича Дроздова за проведение 5-го конкурса среди русской учащейся молодежи и за его работу в должности старшего скаутмайстера организации ОРЮР в России, а также его помощников и помощницу.

КУДРЯШОВА СВЕТЛАНА,
школа №2 г. Старая Русса, Новгородской области

ПОЧЕМУ СВОБОДА ЧЕЛОВЕКА ДОЛЖНА ИМЕТЬ ИЗВЕСТНЫЕ ГРАНИЦЫ?

Опасно через меру пристраститься
К давно налаженному обиходу:
Лишь тот, кто вечно в путь готов пуститься,
Выигрывает бодрость и свободу!

«Ступени». И. Кнехт.

Свобода! Мы постоянно говорим о ней, постоянно боремся за нее, порой даже не осознавая, что мы хотим сказать этим словом – «свобода». Но что же такое свобода? Независимость от мира сего, которую могут дать деньги и слава? Отсутствие решетки на окнах или бича надсмотрщика? Свобода думать, писать, творить без оглядки на общепринятые взгляды и вкусы публики? Каждый понимает это по-своему. И разобраться в этом не так уж легко, как кажется на первый взгляд.

Безусловно свобода – это и материальная независимость. Когда мы думаем о свободе, то как-то упускаем это из виду. Но ведь, несомненно, это очень важно! И иногда человек, потерявший все средства к существованию, теряет и свою свободу, независимость. И только человек с очень сильным характером может преодолеть такие трудности и остаться свободным. Для других свобода – это, прежде всего, физическая свобода. Третьи считают, что истинная свобода – это независимость от какой-либо религии, от церкви. Но если Бога

нет, свободнее ли становится человек? И почему сейчас многие люди стараются примкнуть к религиозным сектам?

Но главное, как мне кажется, это свобода духовная. Человек должен чувствовать себя независимо от мнения других, иметь свободу слова, совести. Но ведь должны же быть какие-то границы?

По-настоящему задумываться о смысле свободы и ее границах я стала, когда читала книгу Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание». В этом романе ставится вопрос о свободе и полном освобождении. У героя Достоевского свое понимание свободы: полное освобождение от всех законов, мнений; полное отрицание всех идей, кроме своей теории. Но мы видим, что такая теория и такая его «свобода» в итоге ни к чему не приводит. И, как мне кажется, это уже не свобода, а неповиновение государству, возвышение себя над всеми общепринятыми правилами и, можно сказать, даже неуважение к обществу. И, как ни странно, но Раскольников был не единственным приверженцем этой теории.

Герой повести Распутина «Живи и помни» тоже решается освободиться от своих обязанностей. Он счел, что долг по отношению к Родине, к будущему своей страны его не касается – он свободен от всего этого. Ну, и к чему же это в конце концов приводит? Его беременная жена из-за позора мужа кончает жизнь самоубийством, он сам полностью деградирует как личность. Так настоящая ли это свобода? И почему и сейчас многие люди в нашей стране начинают придерживаться этой сумасбродной теории? В основном среди этих людей молодежь. Молодые парни и девушки объединяются в различные неформальные организации и отказываются соблюдать и подчиняться каким-либо законам, правилам. Но в большинстве своем эти люди либо отказываются от своих убеждений, либо оказываются в тюрьме.

Гарантией свободы должно стать неукоснительное соблюдение законов: ни для одного человека, живущего в гражданском обществе, не может быть сделано исключения из его законов. Но тут же хочется оговориться. Если ты живешь в тоталитарном государстве, то исполнение законов не поможет тебе стать свободным. Человек не мыслит свободы и счастья без сохранения своей личности, своего уникального, неповторимого «я», а в недемократическом государстве человек перестает быть индивидом и сливается с толпой. В тоталитарном государстве границы свободы сведены до абсолютного минимума. Человек существует, а не живет. Он спит, ест, работает, но он лишен возможности думать по-своему, самостоятельно принимать решения.

А когда человек живет в свободном государстве и свободен физически, то главным в жизни становится обрести духовную свободу. И вот тут-то и встает вопрос о ее границах: о границах, которые бы не ущемляли прав человека, но в то же время не позволяли человеку чувствовать себя во вседозволенности. Человек

должен быть свободен, но не за счет другого человека и не в ущерб государству. И эти границы существуют именно для того, чтобы человек, стремящийся к своей духовной свободе не ущемил прав другого человека, не пошел на преступление.

Вопрос о границах свободы наиболее остро стоит сейчас в нашей стране. Когда страна, после стольких долгих лет тоталитарного режима, повернула на путь демократических преобразований, когда заговорили о свободах и правах человека, многие люди, стремясь избавиться от прошлого, становятся «чрезмерно свободными». Но подчас эти люди совсем выходят за рамки дозволенного, и свобода перерастает в наплевательство на все законы и на все святое. Но хотелось бы надеяться, что такие явления происходят только в начале нашего нового свободного пути, и что впоследствии люди осознают истинный смысл свободы – не беспредел, а свобода с уважением к законам и другим людям.

И обретя именно такую свободу, человек становится по-настоящему счастливым. И закончить мое сочинение мне хотелось бы словами героя Сервантеса Дон Кихота: «Свобода, Санчо, есть одна из самых драгоценных щедрот, которые небо изливает на людей, с нею не могут сравниться никакие сокровища... Ради свободы, точно так же, как и ради чести, можно и должно рисковать жизнью...»

ЕМЕЛЬЯНОВА МАРИНА,
ученица 10 э/ю класса лицея, пос. Черноголовка

ПОЧЕМУ СВОБОДА ЧЕЛОВЕКА ДОЛЖНА ИМЕТЬ ИЗВЕСТНЫЕ ГРАНИЦЫ?

Проблема свободы человека обсуждается в европейской философии приблизительно со времени Аристотеля. Ей посвящена грандиозная литература. И неудивительно: судьба высших ценностей и святынь тесно связана с таким началом, как свобода.

«Бог сотворил человека свободным». Н. О. Лосский сказал: «Свобода – это открытый путь вверх или вниз, предоставленный самостоятельному, ничем не вынуждаемому решению человека». Человеку постоянно в своей жизни приходится выбирать между добром и злом, соответственно при этом он делает шаг либо к Богу, либо от него.

В свободе таится возможность и высочайшего добра, и низменнейшего зла. В этом и заключается трагедия мира, т. к. свобода неразрывно связана со страданием. «Свобода – есть тяжелое

бремя», – пишет Н. А. Бердяев. Тема свободы и страдания, вызванного ею, особенно близка Ф. М. Достоевскому. Человек и мир, увы, не едины. Мир несет человеку необходимость разного плана. И свобода человека оказывается ограниченной этой необходимостью. Притом оба этих начала находятся в постоянной борьбе, и в таком взаимодействии состоит содержание жизни. Человек живет не только в себе самом, но в мире и миром. Только Бог имеет все в Себе и ничего вне Себя. Отдельно мира для Него не существует, Он един с ним. Свобода Бога не имеет границ и потому совпадает с необходимостью. Бог хочет только то, что может, а может все, чего Он хочет. Бог не может хотеть зла, пошлости, глупости. Кстати, на этом основании можно было бы отказать Господу во всемогуществе и свободе. Но Бог хочет только того, что соответствует Его природе, мудрости, благости, любви. Он может хотеть только одного – Блага и быть только одним – Любовью. А если Бог есть Любовь, то Он не может хотеть того, что не есть Любовь. Всемогущество Божие нельзя понимать так, чтобы приписывать ему прихоти своевольного деспотического существа.

Но, по словам С. Н. Булгакова, оно означает, что «как Творец всего, Он в этом всем не имеет предела для Своей мощи, кроме того, который Он сам себе полагает Своею любовию, оставляя в творении место для свободы твари, ею самоограничиваясь, добровольно самоуничижаясь во имя Святой Любви». Если сам Господь поступил таким образом, то и человек – Его тварь, во имя той же высокой цели должен ограничивать свою свободу, тем более, что сознание свободы загорается в душе человека только через чувство ее ограниченности.

Отсюда следует вывод: «Свобода – есть познанная необходимость», как сказал С. Н. Булгаков. Если бы каждый человек придерживался границ своей свободы, т. е. не злоупотреблял ею, то наш мир был бы совершенен и человек был бы един с ним и с Богом. Образ Божий в человеке должен служить нормой поведения его и быть ему путеводной звездой в жизни, ибо конечным итогом всех исканий человечества является соединение с Богом. Для Бога человек со скрытыми в нем возможностями и силами прозрачен. Именно поэтому Господу известен исход всей истории. Свобода человека распространяется лишь на ход исторического процесса, но не на его исход. Господь дал людям не только испытать, что есть добро и что зло, но и выбрать между тем и другим, чтобы мы сами нашли путь, а изведав зло, вдохновились на борьбу с ним, чтобы душа наша оказалась свободно стремящейся к добру. Однако одного желания быть с Богом, желания творить волю Его, недостаточно. Полный, всесторонний смысл такого решения может раскрыться самому человеку только после того, как он испытает сердце свое до последней глубины во всевозможных случаях жизни.

«Ни небесным, ни земным, ни смертным, ни бессмертным создан ты, человек! Ибо ты сам должен, согласно твоей воле и к твоей чести,

быть своим собственным художником и зодчим и создать себя из свойственного тебе материала. Ты свободен опуститься на самую низкую ступень животности. Но ты можешь и подняться к высшим сферам божественного. Ты можешь быть тем, чем хочешь». Такими словами напутствует человека вдохновенный мыслитель Возрождения Пико делла Мирандола в речи своей «О достоинстве человека».

М. НЕСТЕРОВ

ЛИТЕРАТУРНО-ИСТОРИЧЕСКИЙ КОНКУРС СТАЛ ТРАДИЦИОННЫМ

Четвертый раз у нас проводится Владимирский конкурс на лучшее сочинение по отечественной истории. Его устроителем является Объединение кадет российских кадетских корпусов за рубежом со штаб-квартирой в Нью-Йорке. В 1992 году впервые в России такое состязание юных историков состоялось именно в Черноголовке. Немало содействовали его проведению дирекция ЭСШ № 75, учителя Л. Н. Сигова и В. В. Гаврина, а также местная организация скаутов-разведчиков.

В апреле прошлого года «кадетский» конкурс устраивался уже в восьми городах России. К сожалению, черноголовских школьников оттеснили тогда призеры из Воронежа, Анапы и Ногинска, теперь у них есть шанс восстановить свое реноме, ведь в Черноголовке многие серьезно занимаются историей.

Конкурс по своим правилам напоминает школьное выпускное сочинение по литературе. На него отводится четыре часа, причем в течение первого часа ученики могут пользоваться любыми источниками. В этом году будут предложены три темы. После знания истории более всего ценится, конечно, способность мыслить и обобщать. Подробные условия конкурса, как всегда — у Л. Н. Сиговой.

Приглашаем всех учеников 10—11 классов Черноголовки, Дуброво и Боровкова, интересующихся русской историей и умеющих литературно излагать свои мысли, на конкурс Кадетского объединения 16 апреля в 75-ю школу нашего поселка, начало в 10 часов.

Победителей ждут денежные премии и подарки. Лучшие работы будут опубликованы в журнале «Кадетская перекличка».

«Черноголовская газета» № 15 (205), 8.4.95

М. ВАСИН

«КАДЕТСКИЙЙй» КОНКУРС В СТАРОЙ РУССЕ

Нынешней весной пятый раз в России среди старшеклассников проводился литературно-исторической конкурс на лучшее сочинение. Трижды принимали в нем участие старорусцы и трижды добивались успеха.

Прежде чем объявить о результатах нынешнего конкурса, несколько слов об истории этого уникального соревнования юных историков и литераторов. До 1940 г. в Русском Зарубежье (Югославия, Франция и др.) существовали кадетские корпуса. Число их доходило до семи, и выпускники их до сих пор составляют наиболее крепкую и сплоченную организацию в среде русской эмиграции «первой волны».

Так вот, среди многих славных традиций этих учебных заведений было и Владимирское сочинение – исторический конкурс, посвященный св. Владимиру. После Второй мировой войны такие сочинения продолжали писать в русских школах по всему миру – от Германии до Канады. Но естественный ход времени истощил этот источник. С 1992 года по предложению нашего земляка М. С. Дроздова Владимирский конкурс проводится в России, постепенно расширяя свою географию. На местах обычно помогают устраивать такие мероприятия отделения организации юных российских разведчиков (скаутов) и отделы образования городских администраций.

В этом году положения о конкурсе и темы сочинений были разосланы более чем в 30 адресов. Наиболее активно прошел конкурс в Краснодарском крае, Москве, Калужской и Московской областях. Старая Русса тоже не подкачала. Конкурсная комиссия во главе с главным редактором журнала «Кадетская перекличка» (Нью-Йорк) присудила первую премию за сочинение на тему о свободе человека Светлане Кудряшовой, выпускнице 2-й средней школы, ныне студентке Новгородского университета.

Хотелось бы также отметить самоотверженную работу в нынешних непростых условиях учителей истории и литературы, ученики которых постоянно участвуют в несомненно нужном и полезном для России начинании. Особую благодарность инициаторы конкурса передают Людмиле Серафимовне Любынской. Они также выражают надежду, что следующий раз к Старой Руссе присоединятся Новгород и другие области. Мы должны знать свою историю, свою культуру.

«Старая Русса», 30 июля 1996 г.

ГИМНАЗИСТЫ УЧАСТВУЮТ В МЕЖДУНАРОДНОМ КОНКУРСЕ

Десятиклассники обнинской гимназии стали участниками Владимирского конкурса на лучшее сочинение по отечественной истории.

Конкурс устраивает Объединение кадет российских кадетских корпусов за рубежом со штаб-квартирой в Нью-Йорке, а инициатором его проведения в нашем городе стала дружина скаутов-разведчиков «Обнинск». На втором этапе конкурса его московское жюри отберет лучшие работы для участия в заключительном третьем этапе в Нью-Йорке.

«Вечерний Обнинск», 30 апреля 1996 г.

НИКОЛАЙ II
СЕМЬЯ ИМПЕРАТОРА

Генерал барон П. Н. Врангель, Правитель юга России и Главнокомандующий Русской армии. Севастополь, 1920 г.

Генерал Врангель с членами правительства юга России и войсковыми атаманами

Генерал Врангель с директором Русского кадетского корпуса ген.-лейт. Б. В. Адамовичем и офицерами-воспитателями

Кадеты Пажеского Е. И. В. корпуса в формах пажей (с 1802 – 1918 гг.)

XVI съезд кадет Российских кадетских корпусов и Первый в России. Группа приехавших кадет в Петропавловской крепости

Президиум XVI съезда. Слева направо: С. А. Муравьев, А. Б. Иордан — предс. президиума, А. Б. Боголюбов и Д. А. Иванов

Кадеты маршируют с песнями по улице в Москве

Хор Первого Московского государственного кадетского корпуса

Оркестр Сибирского кадетского корпуса (Новосибирск)

Группа кадет 2-го Донского Императора Николая II кадетского корпуса (Ростов-на-Дону) с директором и офицерами-воспитателями

Кадеты Ижевского кадетского корпуса впервые дают торжественную клятву. 1997 г.

ПРАВИТЕЛЬСТВО РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ПОСТАНОВЛЕНИЕ
от 15 ноября 1997 г. № 1427
г. Москва

Об утверждении Типового положения о кадетской школе (кадетской школе-интернате)

Во исполнение распоряжения Президента Российской Федерации от 9 апреля 1997 г. № 118-рп «О создании общеобразовательных учреждений – кадетских школ (школ-интернатов)» (Собрание законодательства Российской Федерации, 1997, № 15, ст. 1783) Правительство Российской Федерации постановляет:

Утвердить прилагаемое Типовое положение о кадетской школе (кадетской школе-интернате).

Председатель Правительства Российской Федерации

(Подпись) В. Черномырдин

(печать: "Аппарат Правительства Российской Федерации, Управление делопроизводства, № 1")

Утверждено
постановлением Правительства Российской Федерации
от 15 ноября 1997 г. № 1427

ТИПОВОЕ ПОЛОЖЕНИЕ О КАДЕТСКОЙ ШКОЛЕ (КАДЕТСКОЙ ШКОЛЕ-ИНТЕРНАТЕ)

I. Общие положения

1. Настоящее Типовое положение регулирует деятельность государственных, муниципальных общеобразовательных учреждений – кадетских школ и кадетских школ-интернатов.

2. Основные цели кадетской школы и кадетской школы-

интерната – интеллектуальное, культурное, физическое и нравственное развитие обучающихся, их адаптация к жизни в обществе, создание основы для подготовки несовершеннолетних граждан к служению Отечеству на гражданском и военном поприще.

3. Кадетская школа реализует общеобразовательные программы начального общего, основного общего, среднего (полного) общего образования и дополнительные образовательные программы, имеющие целью военную подготовку несовершеннолетних граждан.

Кадетская школа-интернат реализует общеобразовательные программы основного общего, среднего (полного) общего образования и дополнительные образовательные программы, имеющие целью военную подготовку несовершеннолетних граждан.

4. Кадетская школа и кадетская школа-интернат в своей деятельности руководствуются федеральными законами, указами и распоряжениями Президента Российской Федерации, постановлениями и распоряжениями Правительства Российской Федерации, решениями соответствующего органа управления образованием, настоящим Типовым положением.

II. Организация деятельности кадетской школы и кадетской школы-интерната

5. Кадетская школа и кадетская школа-интернат создаются учредителями при наличии необходимых условий для обучения, воспитания, военной подготовки, проживания, охраны жизни и здоровья кадет и регистрируются в порядке, установленном законодательством Российской Федерации.

6. Правила открытия, реорганизации, ликвидации кадетской школы и кадетской школы-интерната определяются законодательством Российской Федерации.

7. Статус учредителей определяет организационно-правовую форму кадетской школы и кадетской школы-интерната.

Учредителями государственной кадетской школы и кадетской школы-интерната могут быть федеральные органы исполнительной власти и органы исполнительной власти субъектов Российской Федерации.

Учредителями муниципальной кадетской школы и кадетской школы-интерната являются органы местного самоуправления.

Допускается совместное учредительство кадетской школы и кадетской школы-интерната.

Учредительными документами кадетской школы и кадетской школы-интерната являются решения об их создании или договор учредителей, а также уставы кадетской школы и кадетской школы-интерната.

8. Отношения между учредителями и кадетской школой и

кадетской школой-интернатом определяются договором, заключенным между ними в соответствии с законодательством Российской Федерации.

9. Права юридического лица в части ведения уставной финансово-хозяйственной деятельности, направленной на подготовку образовательного процесса, возникают у кадетской школы и кадетской школы-интерната с момента их регистрации.

Кадетская школа и кадетская школа-интернат являются юридическими лицами, имеют уставы, закрепленное за ними имущество, расчетные счета, текущий и иные счета в банковских учреждениях, печати установленного образца, штампы, бланки со своими наименованиями.

10. Право на ведение образовательной деятельности и льготы, установленные законодательством Российской Федерации для образовательных учреждений, возникают у кадетской школы и кадетской школы-интерната с момента выдачи им лицензий (разрешений).

11. Кадетская школа и кадетская школа-интернат проходят государственную аккредитацию и аттестацию в порядке, установленном Законом Российской Федерации «Об образовании».

12. Кадетская школа и кадетская школа-интернат в соответствии с законодательством Российской Федерации вправе участвовать в образовании объединений в форме ассоциаций и союзов.

13. Количество классов в кадетской школе или кадетской школе-интернате определяется с учетом санитарных норм и наличия условий, необходимых для осуществления образовательного процесса.

14. Наполняемость каждого класса в кадетской школе не должна превышать 25 человек, а в кадетской школе-интернате – 20 человек.

При проведении занятий по иностранному языку в 4–11-х классах допускается деление класса на 2 группы; трудовому обучению в 5-11-х классах, физической культуре в 10–11-х классах, а также во время практических занятий по информатике и вычислительной технике, физике, химии допускается деление класса на 2 группы.

При наличии необходимых условий и средств возможно деление на группы классов с меньшей наполняемостью, а также 1–3-х классов при изучении иностранного языка.

III. Образовательный процесс и организация быта кадет

15. Кадетская школа осуществляет образовательный процесс с учетом дополнительных образовательных программ, имеющих целью военную подготовку, и в соответствии с уровнями общеобразовательных программ трех ступеней общего образования:

1 ступень – начальное общее образование (нормативный срок освоения – 4 года);

2 ступень – основное общее образование (нормативный срок освоения – 5 лет);

3 ступень – среднее (полное) общее образование (нормативный срок освоения – 2 года).

Кадетская школа-интернат осуществляет образовательный процесс с учетом дополнительных образовательных программ, имеющих целью военную подготовку, и в соответствии с уровнями общеобразовательных программ двух ступеней общего образования:

2 ступень – среднее (полное) общее образование (нормативный срок освоения – 5 лет);

3 ступень – среднее (полное) общее образование (нормативный срок освоения – 2 года).

16. Образовательный процесс в кадетской школе и кадетской школе-интернате осуществляется на основе учебного плана, разрабатываемого и утверждаемого кадетской школой и кадетской школой-интернатом самостоятельно, и регламентируется расписанием занятий.

17. В соответствии с законодательством Российской Федерации в области образования кадетская школа и кадетская школа-интернат могут реализовывать дополнительные образовательные программы и оказывать дополнительные образовательные услуги за рамками соответствующих общеобразовательных программ.

18. Учебный год в кадетской школе и кадетской школе-интернате начинается с 1 сентября. Продолжительность учебного года в 1-х классах – 30 недель, во 2–11-х классах – не менее 34 недель.

По окончании учебного года для кадет 6–10-х классов устанавливаются практические полевые занятия, которые проводятся в рамках дополнительных образовательных программ, имеющих целью военную подготовку.

Продолжительность каникул в течение учебного года – не менее 30 календарных дней, а летом – не менее 8 недель. Для кадет 1-х классов в течение года устанавливаются дополнительные недельные каникулы.

Годовые календарные графики учебных занятий разрабатываются и утверждаются кадетской школой и кадетской школой-интернатом самостоятельно.

19. Режим дня кадетской школы регламентируется правилами внутреннего распорядка кадетской школы.

Режим дня, обеспечивающий научно обоснованное сочетание обучения, военной подготовки, труда и отдыха в кадетской школе-интернате, составляется с учетом круглосуточного пребывания кадет.

IV. Участники образовательного процесса

20. Участниками образовательного процесса в кадетской школе и кадетской школе-интернате являются кадеты, педагогические и медицинские работники, родители (законные представители) кадет.

21. Правила приема в кадетскую школу и кадетскую школу-интернат определяются учредителями кадетской школы и кадетской школы-интерната и закрепляются в уставах кадетской школы и кадетской школы-интерната.

22. В кадетскую школу и кадетскую школу-интернат принимаются несовершеннолетние граждане, годные по состоянию здоровья и изъявившие желание обучаться в кадетской школе и кадетской школе-интернате.

23. Зачисление детей в кадетскую школу и кадетскую школу-интернат производится по заявлению родителей (законных представителей).

24. Преимущественным правом при зачислении в кадетскую школу и кадетскую школу-интернат пользуются:

дети военнослужащих, погибших при исполнении служебных обязанностей;

дети военнослужащих, проходящих военную службу в зонах военных конфликтов;

дети-сироты, дети, оставшиеся без попечения родителей, дети из многодетных и малообеспеченных семей, дети одиноких матерей (отцов), дети, находящиеся под опекой (попечительством).

25. При приеме кадетская школа и кадетская школа-интернат обязаны ознакомить детей и их родителей (законных представителей) с уставами кадетской школы и кадетской школы-интерната и другими документами, регламентирующими организацию образовательного процесса.

26. Права и обязанности кадет в кадетской школе и кадетской школе-интернате, их родителей (законных представителей) определяются уставами кадетской школы и кадетской школы-интерната и иными предусмотренными этими уставами актами.

27. За содержание кадет в кадетской школе-интернате с родителей (законных представителей) взимается плата в установленном порядке.

В исключительных случаях по решению учредителя (учредителей) родители (законные представители) могут быть освобождены от платы за содержание кадет в кадетской школе-интернате полностью или частично. Кадеты кадетской школы-интерната из числа детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, находятся на полном государственном обеспечении и пользуются льготами, установленными для данной категории детей законодательством Российской Федерации.

28. Кадеты кадетской школы и кадетской школы-интерната обеспечиваются форменным обмундированием. Расходы на приобретение предметов форменного обмундирования финансируются учредителями.

Кадеты кадетской школы-интерната обеспечиваются в соответствии с установленными нормами одеждой, обувью, мягким

инвентарем, предметами личной гигиены, а также учебниками, школьно-письменными принадлежностями, хозяйственным инвентарем.

29. По окончании кадетской школы-интерната кадетам выдается бесплатно комплект одежды и обуви, находившийся в их пользовании в период обучения.

Кадетам, выбывающим из кадетской школы-интерната по другим причинам, выдается бесплатно комплект сезонной одежды и обуви, находящийся в их пользовании.

30. Кадеты кадетской школы-интерната обеспечиваются питанием в соответствии с утвержденными нормами и методическими рекомендациями по организации питания.

31. Медицинское обслуживание кадет обеспечивается штатными или специально закрепленными за кадетской школой и кадетской школой-интернатом органом здравоохранения медицинскими работниками.

32. Выпускникам кадетской школы и кадетской школы-интерната, имеющим государственную аккредитацию, после прохождения государственной (итоговой) аттестации выдается документ государственного образца о соответствующем образовании.

33. Порядок комплектования кадетской школы и кадетской школы-интерната педагогическими и другими работниками регламентируется их уставами. Для работников кадетской школы и кадетской школы-интерната работодателями являются кадетская школа и кадетская школа-интернат.

На педагогическую работу принимаются лица, имеющие необходимую профессионально-педагогическую квалификацию, соответствующую требованиям квалификационной характеристики по должности и полученной специальности, подтвержденную документом об образовании.

34. Основные права и обязанности, а также социальные гарантии и льготы, предоставляемые работникам кадетской школы и кадетской школы-интерната, определяются законодательством Российской Федерации, Типовым положением об общеобразовательном учреждении, Типовым положением об общеобразовательной школе-интернате, настоящим Типовым положением, уставами кадетской школы и кадетской школы-интерната, правилами внутреннего распорядка, квалификационными характеристиками работников образовательных учреждений и учреждений здравоохранения.

35. Педагогические работники кадетской школы и кадетской школы-интерната проходят периодические медицинские обследования, которые проводятся за счет средств учредителей.

V. Управление кадетской школой и кадетской школой-интернатом

36. Управление кадетской школой и кадетской школой-интернатом осуществляется в соответствии с законодательством Российской Федерации и уставами кадетской школы и кадетской школы-интерната.

37. Управление кадетской школой и кадетской школой-интернатом строится на принципах единоначалия и самоуправления. Формами самоуправления кадетской школы и кадетской школы-интерната являются советы кадетской школы и кадетской школы-интерната, попечительские советы, общие собрания, педагогические советы и другие. Порядок выборов органов самоуправления кадетской школы и кадетской школы-интерната и их компетенция определяются уставами кадетской школы и кадетской школы-интерната.

38. Непосредственное управление кадетской школой и кадетской школой-интернатом осуществляют прошедшие соответствующую аттестацию директоры.

Прием на работу директоров государственной кадетской школы и кадетской школы-интерната осуществляется в порядке, определяемом их уставами, в соответствии с законодательством Российской Федерации.

Директоры муниципальной кадетской школы и кадетской школы-интерната назначаются решением органа местного самоуправления, если этим органом не предусмотрен другой порядок.

39. Директоры кадетской школы и кадетской школы-интерната несут ответственность за исполнение своих функциональных обязанностей, предусмотренных квалификационными требованиями, трудовым договором (контрактом) и уставами кадетской школы и кадетской школы-интерната.

VI. Имущество и средства кадетской школы и кадетской школы-интерната

40. Собственники имущества (уполномоченные ими органы) в порядке, установленном законодательством Российской Федерации, закрепляют имущество за кадетской школой и кадетской школой-интернатом.

Земельные участки закрепляются за кадетской школой и кадетской школой-интернатом в бессрочное и бесплатное пользование.

Объекты собственности, закрепленные за кадетской школой и кадетской школой-интернатом, находятся в их оперативном управлении.

Кадетская школа и кадетская школа-интернат владеют, пользуются и распоряжаются закрепленным за ними на праве оперативного управления имуществом в соответствии с его назначением, уставными целями, законодательством Российской Федерации.

Кадетская школа и кадетская школа-интернат несут ответственность перед собственниками (уполномоченными ими органами) за сохранность и эффективное использование закрепленной за ними собственности. Контроль деятельности кадетской школы и кадетской школы-интерната в этой области осуществляется учредителями.

Изъятие и (или) отчуждение собственности, закрепленной за кадетской школой и кадетской школой-интернатом, допускаются только в случаях и порядке, предусмотренных законодательством Российской Федерации.

41. Деятельность кадетской школы и кадетской школы-интерната финансируется их учредителями в соответствии с договорами между ними.

Источниками формирования имущества и финансовых ресурсов кадетской школы и кадетской школы-интерната являются:

имущество, закрепленное за кадетской школой и кадетской школой-интернатом собственниками (уполномоченными ими органами);

средства учредителей;

кредиты банков и других кредитных организаций;

средства спонсоров, добровольные пожертвования физических и юридических лиц и другие источники в соответствии с законодательством Российской Федерации.

42. Финансирование кадетской школы и кадетской школы-интерната осуществляется на основе государственных (в том числе ведомственных) и местных нормативов, определяемых из расчета на одного кадета.

Привлечение кадетской школой и кадетской школой-интернатом дополнительных средств не влечет за собой снижение нормативов и (или) абсолютных размеров их финансирования за счет средств учредителей.

43. Кадетская школа и кадетская школа-интернат вправе осуществлять самостоятельную хозяйственную деятельность и распоряжаться доходами от этой деятельности в соответствии с уставами и законодательством Российской Федерации, регулирующим предпринимательскую деятельность.

44. Кадетская школа и кадетская школа-интернат устанавливают работникам ставки заработной платы (должностные оклады) на основе Единой тарифной сетки по оплате труда работников бюджетной сферы в соответствии с тарифно-квалификационными

требованиями и на основании решения аттестационной комиссии; определяют виды и размеры надбавок, доплат и других выплат стимулирующего характера в пределах средств, направляемых на оплату труда, а также структуру управления деятельностью кадетской школы и кадетской школы-интерната, штатное расписание, распределение должностных обязанностей.

45. Кадетская школа и кадетская школа-интернат могут осуществлять международное сотрудничество и внешнеэкономическую деятельность в соответствии с законодательством Российской Федерации.

46. При ликвидации кадетской школы и кадетской школы-интерната учитываемые на отдельном балансе доходы, полученные от предпринимательской деятельности, и приобретенное за счет этих доходов имущество за вычетом платежей, связанных с выполнением обязательств, направляются на развитие образования в соответствии с уставами учреждений.

ОТ РЕДАКЦИИ

Может быть, непривычно слышать слова «кадетская школа» и еще больше – «кадетская школа-интернат» из-за того, что в России до недавнего времени кадетские корпуса не существовали. Хочется думать, что кадетская школа – это первая стадия развития корпуса, когда кадеты, живя дома:

1) ходят учиться в среднюю школу всю неделю, а в субботу и воскресенье проходят программу (если можно так выразиться) кадетской подготовки или

2) ходят учиться все вместе с среднюю школу, но не имеют своего помещения. Они также по субботам и воскресеньям проходят дополнительно кадетскую подготовку.

Кадетская школа-интернат – это уже следующая стадия, когда кадетский корпус имеет свое помещение, в котором кадеты проживают 24 часа в сутки. Это уже кадетский корпус в своем зачаточном состоянии.

Данное «Типовое положение», по-видимому, относится к корпусам, не находящимся в подчинении Министерству обороны.

Корпуса делятся на государственные и частные. Для большей ясности приведем примеры.

Кадетская школа – Московский Великого князя Димитрия Донского корпус;

кадетская школа-интернат – Первый Московский государственный кадетский корпус;

кадетский корпус в подчинении Министерства обороны – Морской кадетский корпус в Кронштадте;

«частный» кадетский корпус – Воронежский Великого князя Михаила Павловича кадетский корпус.

На первой стадии много других разновидностей вроде «кадетских классов» и т. д.

Итак, восстановление кадетских корпусов идет эволюционным путем по различным этапам или стадиям развития. Все они стремятся достигнуть своего идеала – дореволюционных императорских кадетских корпусов, может быть, с некоторыми изменениями, отдавая дань настоящему политическому положению. Это зависит как от директора, так и от персонала корпуса, которые сплошь и рядом не имели в прошлом отношения к воспитанию молодежи. Многое также зависит и от учредителей и региональных образовательных учреждений. См. «Кадетскую перекличку», № 60-61, стр. 170.

ОЛЕГ МИТАСОВ

ПАМЯТЬ

Возвратился двуглавый орел,
Навсегда возвратился, конечно,
И Романовых образ святой
Будет жить в нашей памяти вечно.
Мы надели погоны и форму
Тех, кто в грозном двадцатом году
Отдавал свои жизни за Веру,
За Царя и Отчизну свою.
Мы у стен возрожденного храма
Принимаем присягу свою
И клянемся, что будем достойны
Тех, кто падал в неравном бою.
Верим мы, что Россия воспрянет,
И поднимется гордость веков,
Что Россия вся на ноги встанет
Нам на радость, на радость всех наших дедов.

18 мая 1997 г.

Олег Митасов (12 лет), вице-урядник, кадет Второго Донского Императора Николая II кадетского корпуса

Е.ФЕВРАЛЬСКАЯ

«В Россию можно только верить»...

«Идите все время прямо, выйдите к мусорке, за ней и увидите...» – так мне подсказали прохожие дорогу к зданию Воронежского Великого князя Михаила Павловича кадетского корпуса. Ориентир был точным: подошла к мусорке и за ней сразу нашла то, что искала. Два обычных, не очень-то и приглядных здания на территории бывшего детского сада. Это и был кадетский корпус, основанный генералом Чертковым в 1845 году и открытый вновь в 1995 году.

Не случайно я начала именно с мусорки, ибо истинное, духовное всегда возрождается, по моему мнению, не на виду, а где-то на задворках, в самых больных уголках.

Первыми я увидела взволнованных мам и детишек, ждущих результатов вступительных экзаменов у входа в здание. От них узнала, что в прошлом учебном году в младшее классное отделение кадетского корпуса был даже недобор, ведь обучение платное и не всяким родителям по карману: 800 тыс. руб. — взнос за форму, парадную и повседневную; 280 тыс. — ежемесячная плата, 80 тыс. из которой — за питание, 200 тыс. — за учебу.

В этом году в первое классное отделение нужно набрать 18 человек, выпускников младшей школы, а сдают экзамены 85 мальчишек. Поэтому они так волновались и так завистливо смотрели на гордо расхаживающих кадет в белых парадных гимнастерках с золотыми пуговицами.

А юные кадеты готовились к параду, посвященному прибытию своих старших наставников. Сюда в этот день, 28 июня, приехала из Америки делегация русских старших кадет, как они себя сами называют, посмотреть на своих преемников и наставить их в нелегком деле возрождения России.

«Если бы мы в Россию не верили, мы бы сюда не приехали», — вот слова одного из старших кадет. Я уверена, эта вера — их общая. Из веры в Россию, как мне кажется, рождается удивительный оптимизм, поражающая моложавость этих пожилых людей, большинству из которых далеко за 70 и даже за 80.

Многие из них в страшный 1919 год, будучи маленькими детьми, выехали с родителями из России в Югославию. Некоторые из них все еще помнят опаленную гражданской войной русскую землю... Не могут забыть, ибо та война лишила их жизни на Родине, заставив рано повзрослеть. В Югославии дети русских эмигрантов той поры

получили бесплатное образование. И вот к нам приехали выпускники югославских кадетских корпусов.

Этих людей не разделило ни время, ни расстояние: они едины в своем порыве — быть нужными России. Что ищут они в подражающей Западу, изъязвленной безверием, нищетой и преступлениями России? Что они могут сделать, маленькая кучка стариков в чужой уже для них стране? Я предвижу эти вопросы и поэтому сразу отвечу: уже одно то, что они приехали, — великая победа. Люди, впитавшие с молоком матери Культуру и Веру Той России, еще живы. И они завещают смысл своей жизни юным россиянам. Господь не допустил, чтобы социалистический эксперимент продлился дольше. На параде от лица старших кадет прозвучало: «Дерево, не имеющее корней, погибнет!» Так вот, дерево срубили, а корни остались, и сейчас они питают маленькие зеленые побеги. Дерева нет, но слабые ростки уже тянутся к Небу...

Так уж получилось, что моими собеседниками стали ребята четвертого классного отделения — тринадцатилетние, задорные, веселые. Не успел начаться наш разговор, как им в честь праздника — встречи старших и юных кадет — стали раздавать пепси-колу. Радости-то было! И меня угостить не забыли. Не отпив из бутылки, Максим Шакалов сразу вежливо протянул ее мне.

Мальчишки как мальчишки: улыбаются, егозят, перебивают друг друга, все хотят рассказать. И про героев Белого движения, и про то, как кто-то из кадет недавно окно разбил, и про свои поездки по местам боевой славы России, и многое другое, из чего слагается их детская кадетская жизнь. Мальчишки как мальчишки, но вот только слова «Россия», «честь», «вера» для них не пустые звуки, слишком уж серьезно они рассуждают об их значениях. Судите сами.

Сергей Башкатов: «Честь — достоинство каждого человека, которое он заслужил не силой, а своими делами... Верить в Бога можно по-разному. Можно помолиться, как ботинки почистить — быстро, между делом. Но разве это вера? Вера должна быть от чувства, а не от обязанности».

Александр Сыщиков: «Россия — Родина, которую я должен защищать, и я сделаю все возможное, чтобы Россия стала великой державой. Без веры в Бога Россия не возродится».

Максим Шакалов: «Честь — уважение прежде всего к себе, самодостоинство, гордость, что ты учился в этом корпусе. Для меня кадет — самое высокое звание. Я верю, что армия наша будет одной из лучших».

Александр Лукин: «Самое главное для кадета — не запятнать честь, быть достойным своих погон».

Александр Воробьев: «Честь кадета — уважать слабых, помогать бедным и нести веру в лучшее... Верить в Бога — значит освобождаться от чего-то плохого, нести Свет».

Вот так рассуждают дети, которых учителя и офицеры-воспитатели называют господами кадетами. Глаза их горели, и видно было, что всем сердцем мальчики верят в то, что говорят. И пусть это еще не совсем их мысли, главное, что они созвучны детским душам, делают ребят добрее, отзывчивее.

Мальчики рассказали мне, что в корпусе самое главное правило — «строго наказывать, но сильно любить». Старшие должны следить за поведением, внешним видом младших, младшие обязаны во всем подчиняться. За неподчинение — строгое наказание.

Я сама стала свидетельницей наставления одного кадета другим. Он просил своего товарища — и не просто просил, а по-дружески, с любовью – почистить брюки: «Ну куда же ты так пойдешь? Возьми в шкафу щетку! Кадет во всем должен быть кадетом». Я посмотрела на брюки мальчика и ничего необычного на них не заметила. Но, видимо, незримые пылинки все же были, так как мальчик пошел за щеткой...

Меня могут упрекнуть в излишнем восхищении этими ребятами, сказать, что все это для них — новая большая интересная игра. Но позвольте заметить: любая игра воспитывает, а та игра, которая воплощается в жизни, перестает быть игрой.

В доказательство своей мысли хочется привести слова Саши Воробьева, мальчишки с необыкновенно живыми, лучистыми глазами: «Раньше, до того, как сюда поступил, я учиться не хотел, уроки прогуливал, в общем, был разболтаем. А теперь стремление появилось, как звезда! Хочется людям помогать. Старушка, к примеру, идет с сумками. Раньше бы мимо прошел, а сейчас — помогаю!»

Почти все мальчики в будущем хотят продолжить свое обучение в высших военных заведениях, мечтают быть офицерами и служить Родине. Их учат воспринимать военное дело не просто как службу, а как служение Богу и Отечеству. Не случайно самые главные предметы здесь — «Кадетский устав», строевая подготовка и «Закон Божий». Причем, вера — личное дело каждого, к молитве (ребята молятся четыре раза в день: перед обедом и после обеда, до и после занятий) никого не принуждают, но знать христианскую культуру, христианскую этику обязан каждый. И, как я поняла из разговора, кадетам это не в тягость.

По словам ребят, в классных отделениях действует принцип взаимовыручки и поддержки. Отстающих вытягивают всем классом. Если кто-то набедокурит, он обязательно должен признаться своим товарищам, и тогда вину его берет на себя все классное отделение, все дети сообща несут наказание за провинность одного. Мальчики говорят, что в корпусе их научили ценить дружбу, что именно в нем они встретили настоящих друзей...

Что же лежит в основе воспитания детей? Секрет, как мир, стар — десять заповедей, суть которых можно выразить в двух: «возлюби Бога» и «возлюби ближнего».

Ребята рассказывали, что некоторые прохожие насмехаются над ними, что есть «смехачи» и в самом корпусе. Но такие долго не задерживаются: большинство из них уже отчислены из учебного заведения. Я тоже увидела одного такого. Он явно не вписывался в общую дружескую атмосферу, поэтому большого значения я ему не придала, даже не восприняла его как кадета.

Этим ребятам обидно, что современные офицеры не всегда служат примером другим людям: «На улицах, в транспорте часто можно увидеть офицера в расстегнутой гимнастерке, без погон. Не офицер — одно название». Кадеты отдают честь всем встречным военным любой категории, невзирая на шутки и ухмылки даже со стороны самих офицеров.

Саша Воробьев сказал: «Если мы верим в то, что мы что-то сможем изменить, мы обязательно изменим». Фактически он повторил слова старшего кадета.

Встречу старших кадет с младшими ознаменовал парад, на котором и гости, и хозяева слились в одном равнении, в одной песне, в одной молитве. Мальчики с большим интересом слушали рассказы и наставления старших кадет, являющихся для них живым примером.

Мне удалось познакомиться с семьей Сенькевичей — Сергеем Федоровичем, девяноста двух лет, и Ниной Ивановной, восьмидесяти трех. Несмотря на преклонный возраст, они уже во второй раз приезжают в Россию, посещают восстанавливающиеся кадетские копуса на своей Родине.

«Первый раз, в 1992 году, нас отговаривали от поездки в Россию, говорили, что она по-прежнему пронизана духом коммунизма, — делилась со мной Нина Ивановна. — Общее впечатление от России и тогда, и сейчас — разруха. Но как человек рождается в муках, так, я уверена, несмотря на боль и страдания, родится Россия».

Встреча старших кадет и учащихся Воронежского Великого князя Михаила Павловича кадетского корпуса состоялась, а значит, преемственность восстановлена.

В моей беседе с юными кадетами на вопрос, какое главное оружие кадета, ребята отвечали по-разному, а Максим Шакалов сказал: «Главное оружие — ничего не бояться и смотреть в глаза».

Я думаю, с таким оружием эти мальчишки победят любого врага.

У Великой России есть будущее!

Ноябрь 1993 г.

По телефону получены сведения от директора корпуса А. И. Голомедова, что неизвестные лица проникли ночью в мастерскую корпуса и подожгли здание: сгорели мастерские на первом этаже, а на втором химический и физический классы. Все здание корпуса наполнилось дымом и все стены покрылись гарью. Ввиду наступления зимы положение очень осложнилось. Нужно сделать крупный ремонт, но в связи с тяжелым

экономическим кризисом в России, трудно найти спонсоров, которые могут оказать материальную помощь.

Нью-Йоркское объединение кадет российских кадетских корпусов постановило оказать помощь из своих средств и обратиться к русской общественности с просьбой помочь в восстановлении Воронежского Великого князя Михаила Павловича кадетского корпуса. Пожертвования присылать по адресу: Association of Russian Cadets, Inc. 32 Lafayette Ave., Sea Cliff, NY 11579 с указанием Russian Cadet's Fund. Все добровольные пожертвования освобождаются от федерального и штатных налогов.

АЛЕКСАНДР БАДАНОВ,
«НГ»

С СОТОВЫМ ТЕЛЕФОНОМ НАПЕРЕВЕС

Нынешние казаки-кадеты завтра могут стать опорой государства

26 октября 1992 года 12 человек, причисляющих себя к сословию казаков, зарегистрировали общественное движение «Союз рязанских казаков». Сегодня «Рязанский региональный союз казаков» насчитывает более 500 человек. 2 ноября 1997 года в Рязани проходил праздничный казачий круг, посвященный 5-летию основания союза.

Большинство рязанцев даже и не подозревает о своих богатых казачьих традициях. Люди в казачьей форме, с шашками и нагайками, собравшиеся в рязанском Доме офицеров, воспринимались как экзотика. Среди них особенно колоритно выглядел один – с шашкой на поясе, с нагайкой в одной руке и сотовым телефоном в другой.

Сегодня, как и сотни лет назад, шашка и нагайка остаются атрибутами современного казака, а слова «Вера, отечество, честь» – современным казачьим девизом.

Благословивший круг батюшка отметил, что казаков репрессировали большей частью потому, что вера была для них основой жизни. Вера в Бога, вера в Царя и вера в Отечество.

В основном, рязанские казаки, большинство из которых отставные кадровые военные, занимаются охранной деятельностью.

Охраняют государственные предприятия, коммерческие фирмы. Они готовы расширить круг своих занятий, но это, по их словам, никому не нужно. По поводу отношения государства к казакам хорунжий Игорь Вышепольский заявил, что «сегодня, как и раньше, казаки – воинское сословие, главная цель которого – служение Родине. В России сейчас насчитывается около 5 млн. казаков. Это готовое войско, пусть государство использует его. Ведь российская армия, имеющая славные боевые традиции, полностью разорена и деморализована, утратила боевой дух. А российские казаки сегодня, как и раньше, готовы служить Отечеству».

Между тем, рязанские казаки, не дожидаясь милости от государства, начали активно формировать свою будущую смену. Казачий хутор Алексеевский, где атаманом Юрий Ваньков, создан чуть больше года назад и назван в честь цесаревича Алексея. На базе Назаровской средней школы хуторские казаки создали кадетский класс, где казачата помимо алгебры и химии изучают Закон Божий, военное дело, историю казачества и историю родного края. Отношение к кадетам уважительное, с ними разговаривают на «вы», а обращаясь персонально, говорят «господин кадет». Все кадеты обязаны ходит в униформе. Телесные наказания запрещены. Провинившегося «разбирают» на кадетском кругу, что, по свидетельству самих кадет, действует сильнее, чем банальная порка. *Есть класс кадет-девиц, где учатся юные казачки. Вместо военного дела они углубленно изучают азы ведения домашнего хозяйства.*

По словам 45-летнего атамана Ванькова, отставного офицера-десантника, бывшего «афганца», создание кадетского класса в самом начале натолкнулось на противодействие со стороны учителей средней школы, ведь по «казачьим дисциплинам» не существовало учебных программ. Пришлось с нуля разрабатывать программы, утверждать их в отделе народного образования. Местное лесничество выделило для кадет массив леса, чтобы юные казаки были ближе к природе, почувствовали ответственность за землю, на которой живут. По словам атамана, учеба в кадетском казачьем классе значительно облегчит ребятам будущую службу в вооруженных силах – они придут туда хорошо подготовленными. Служить они будут на 9-й пограничной заставе в Прибалтике или в 12-й Гвардейской воздушно-десантной казачьей дивизии.

«Не обязательно, чтобы все они стали кадровыми военными. Главное – они казаки и навсегда ими останутся», – считает атаман Ваньков.

«Русская жизнь»

Второй Донской Императора Николая II кадетский корпус

С 10 января 1995 года в городе Ростове-на-Дону работает Второй Донской кадетский корпус, являющийся историческим преемником существовавшего с 1920 по 1927 гг. сначала в Крыму, а затем в Сибири, кадетского корпуса.

Данное учебное заведение работает как учреждение дополнительного образования, занятия в котором ведутся по субботам и воскресеньям. В корпусе занимаются дети из малообеспеченных, многодетных и неполных семей.

Существует кадетский корпус исключительно на пожертвования и помощь, оказываемую различными государственными и негосударственными организациями.

Руководство корпуса и родительский комитет просит Вас оказать нам посильную материальную помощь, которая будет использована на обеспечение учебного процесса и развитие материальной базы кадетского корпуса.

С уважением

Н. В. Козловский, полковник,
директор кадетского корпуса

Второй Донской Императора Николая II кадетский корпус

Вице-председателю Объединения кадет Российских корпусов за рубежом г-ну Иордану А. Б.

Многоуважаемый Алексей Борисович!

Прежде всего хочу поблагодарить Вас за полученный мной экземпляр «Переклички» № 60-61. Сожалею, что высланные Вам материалы о жизни Второго Донского кадетского корпуса и пребывание его в июне 1996 года в СПб на праздновании 300-летия Русского флота не нашли отражения на страницах журнала. К слову сказать, кадеты-николаевцы единственные были удостоены похвалы командующего парадом контр-адмирала Б. А. Попова за строевую выправку и подтянутость.

Сообщаю также, что Второй Донской Императора Николая II кадетский корпус официально признан в качестве правопреемника учрежденного атаманом А. П. Богаевским в Крыму Второго Донского

кадетского корпуса, и по сему факту издано постановление атамана Донских казаков за рубежом профессора Н. В. Федорова, копию которого я имею честь Вам выслать наряду с другими документами. Замечу также, что корпус был учрежден Дворянским собранием области Войска донского и Русской православной церковью в лице настоятеля прихода Св. Великомученика и Победоносца Георгия в 1995 году – году Царя-Мученика Николая Александровича. И то, что мы взяли имя Государя в качестве шефского, вполне естественно и не ущемляет, надеюсь, ничьего самолюбия, а в «санкциях» мы не нуждаемся, хотя за признание наших усилий и поощрение последних будем сердечно благодарны. Строить что бы то ни было на пустом месте нелегко, ошибки и промахи неизбежны, все же 75 лет не прошли даром, и нам, как воздух, необходима и информационная, и методическая помощь. «Кадетскую перекличку» считаю великим и бесценным подспорьем в нашем деле, тем более, что «собратья» в России делиться не торопятся, ревниво охраняя свою неповторимость и «суверенность». С сожалением должен констатировать, что интерес наших зарубежных братьев к нам выше, чем внутри страны. Получаем мы теплые письма от старых кадет Берендса Алексея Эдуардовича, Алексея Борисовича Боголюбова, Шмемана Андрея Дмитриевича, причем последний сообщил, что в конце мая должен состояться в Париже съезд кадет Николаевского кадетского корпуса, на котором будет решаться вопрос о передаче нам правопреемства и регалий корпуса, так что мы были бы счастливы стать наследниками и Второго Донского, и Николаевского корпусов и, уверен, не уронили бы их чести.

18 мая сего года на корпусном празднике, традиционном, приуроченном к ежегодному празднованию дня рождения нашего Небесного Шефа 19 мая, представителями его превосходительства атамана Донских казаков за рубежом сотником и хорунжим братьями Алексеем Георгиевичем и Сергеем Георгиевичем Ретивовыми в торжественной обстановке нам было вручено знамя и зачитано послание атамана.

Сейчас, как Вы изволили определить в своем выступлении, изложение которого я внимательно прочел, мы находимся на первом этапе. Если в ближайшее время вопрос о будущем корпуса решится власть предержащими в нашу пользу, то с Божией помощью с нового учебного года мы получим собственное здание и перейдем ко второму, а быть может, и третьему этапу. Все упирается в деньги, которых, как нам объясняют, у государста нет, а брать высокую плату за обучение, как это практикуется в Воронежском и Новочеркасском корпусах, мы не можем, ибо тогда навсегда потеряют возможность получить знания и воспитать в себе гражданина и патриота России и просто русского человека большинство наших детей, т. к. основная масса кадет происходит из бедных, неполных и многодетных семей, а

именно им корпус нужен больше всего. Положение во многом спасают наши педагоги-энтузиасты, готовые работать «во имя идеи за спасибо», да пожертвования, хотя не частые и небольшие. Кстати, помогли и кадеты-«французы», и атаман Н. В. Федоров. В настоящее время мы заняты организацией летних лагерей и поиском средств для этого.

Прочитал заметку Е. А. Комаровского, в которой «подпоручик» ни словом не упомянул о присутствии в одной с воронежцами казарме кадет-донцов, которые любезно предоставили своим братьям-кадетам транспорт и возможность бесплатно посетить Эрмитаж, Гатчину и Царское Село, а вот своего обещания переслать нам материалы по организации и регламентации корпусов не выполнил и на наши письма не отвечает. Думаю, коли величаешь себя чином Русской Императорской армии, то не худо бы иметь представление и об офицерской этике, а так сплошь бутафория. Нет ни строчки и от Суворовско-Нахимовского союза, хотя Э. С. Юсупов обещал тесную связь. Я пишу об этом, поскольку, как Вы отметили на стр. 117, нет среди нас единства ни в форме, ни в идеологии. На мой взгляд, большинство «кадетских» корпусов ничего общего с таковыми не имеют, беря от них лишь названия, отдавая дань моде. Армия без традиций – не армия и, признавая существующие реалии и происшедшие в нашей жизни изменения, мы тем не менее стараемся сохранять былые традиции и в форме кадет и офицеров, и в общем укладе и порядках корпуса. Ведь не секрет, что все уважающие себя армии мира сохранили почти без изменений свою парадную форму, какой был архаичной она ни казалась современному обывателю.

Были бы весьма признательны Вам за оказание методической помощи по организации и жизнедеятельности кадетских корпусов Российской Империи, а также сведения по истории, хотя и короткой Второго Донского корпуса, численности кадет, имена и фамилии командиров и начальников, количество выпусков и пр. Нам очень интересна и история Николаевского кадетского корпуса, хотя надеюсь, что кадеты-николаевцы во Франции с нами поделятся своими воспоминаниями.

Очень жаль, что Вас не было с нами на празднике, но надеюсь, что приглашения и Вы, и Г. И. Шидловский получили.

Имею честь преданный Вам

Н. Козловский, поковник

P.S. Прошу Вас, если возможно, выслать экземпляр журнала моему заместителю по воспитательной работе войсковому старшине Карасеву Игорю Викторовичу по адресу: 344015, г. Ростов-на-Дону, ул. Еременко, 66/7, кв. 227. Россия.

Андрей Д. ШМЕМАН,
председатель объединения

Директору Второго Донского Императора Николая II кадетского корпуса, полковнику Н. В. Козловскому

Глубокоуважаемый Николай Викторович!

Я имею честь сообщить Вам, что на состоявшемся 24 мая Общем собрании кадет корпуса Императора Николая II во Франции кадеты единогласно постановили, что Второй Донской Императора Николая II кадетский корпус в Ростове-на-Дону имеет право считать себя преемником их корпуса.

С радостью пишу Вам об этом и выражаю надежду на то, что в результате налаживающихся между Вашим корпусом и нашим Объединением дружеских отношений мы сможем быть Вам полезными и внести свою лепту в дело воспитания подрастающей молодежи в надлежащем духе на пользу нашего Отечества. Бог в помощь!

Париж, 15 июля 1997 г.

Г. В. АНДРОНОВ

МОРСКИЕ КАДЕТСКИЕ КЛАССЫ

Спешу сообщить вам, как прошел наш корпусной праздник. Церемония состоялась в назначенный день и час. Но даже накануне не было ясно, кто же из гостей прибудет к нам. Первыми подтвердили свое прибытие царскосельцы, затем серпуховцы. За ними откликнулись и воронежцы, но сообщили о невозможности приезда. Разговаривал с ними наш адъютант. Это известие меня чрезвычайно расстроило, ведь ожидали мы их все – и кадеты, и преподаватели, и родители, которые составили даже список, кто и сколько кадет к себе возьмет на постой. Я позвонил в Воронеж. Оказалось, трудности не так уж и непреодолимы. И вот в течение 4-5 часов они собрались и поехали! А мы ничего не знали, сидели и гадали. За день до торжества приехал Александр Ферапонтович Крутов и 15 его кадет. Мы устроили им экскурсию в открывшийся

наконец Исторический музей. Детей вечером радостно расхватали наши кадеты, а Александр Ферапонтович остановился у меня. Целый вечер и значительную часть ночи мы проговорили о наших корпусах, о том, как нам обустроить лучше наши классы, как наладить дисциплину у преподавателей и у детей. Я узнал очень много интересного и чрезвычайно был благодарен за столь нужные и корректные советы.

Утро в день праздника было солнечным. Я немного задержался дома и уже собрался выходить, как зазвонил телефон, и наш офицер-воспитатель сообщил о прибытии серпуховских кадет. Тем временем стали собираться и остальные гости, а затем вахтенные понеслись наверх с радостной вестью – показались воронежцы, а ведь мы их почти уж и не ждали! Ровно в 12 часов скомандовали построение. По всему периметру нашего парадного (к слову сказать – отремонтированного) зала встали российские кадеты. В церемонии прибития знамени Морских кадетских классов приняли участие, конечно, кадеты Морских кадетских классов, Воронежского Михайловского кадетского корпуса, Царскосельского Княжеконстантиновского кадетского корпуса, Серпуховского кадетского корпуса, Московского кадетского корпуса, кадеты Митинских кадетских классов, Люберецких авиационных кадетских классов, Кадетских классов школы-интерната № 36 Маренова Николая Константиновича. Все, и взрослые, и дети, и офицеры, и чиновники, и мужчины, и женщины очень волновались, оттого и гвозди на древке пошли «амурскими волнами». Дрожащими, но не от недостатка сил, а от избытка чувств руками вбивали они гвоздик за гвоздиком в древко нашего знамени, эти люди, ставшие отныне нашими настоящими братьями. Верите ли, но знамя действительно стало нашей общей святыней!..

Затем мы вышли на улицу и построились в колонну повзводно. Я по расписанию колонны оказался впереди, за мною – знаменная группа, за нею встали старший барабанщик и кадеты с маленькими барабанами, а далее – взводные колонны корпусов. Надо сказать, что нам удалось одеть большую часть своих кадет в черные шинели, чем они очень гордились. Барабан образца 1812 года дал сигнал к началу движения, и под его гулкий бой наша колонна, сопровождаемая впереди милицейской машиной, а позади толпой гостей, родителей и зевак, тронулась в Царицыно, к храму Живоносного источника Божией Матери – месту освящения знамени, которое, кстати, пока несли в чехле. У церкви нас ожидали еще гости, а священники уже приготовились к этой необычной службе.

За несколько дней до этого мы получили благословение Его Святейшества Патриарха Московского и Всея Руси Алексия II на освящение нашего знамени. Настоятель храма отыскал (!) чин освящения знамени. Первыми вошли в церковь знаменосец и ассистенты, затем, снимая головные уборы, кадеты, офицеры и

гости. Царские Врата оказались открытыми, перед ними стояло знамя. Кадеты передавали друг другу зажженные свечи, огоньки которых волнами сияния разошлись от него по всему храму. Наше бело-бирюзовое знамя стояло перед входом в алтарь, чудесным образом сочетаясь с золотисто-голубым иконостасом и синими праздничными ризами священников. Началась служба, прочитаны особые на освящение знамен молитвы, запел хор, трепет священнодействия охватил всех присутствующих, кто не видел Бога, увидел Красоту. Знамя становилось чем-то иным. Мы, стоящие около него, становились чище и слились в единое братство!

Служба закончилась, кадеты вышли строиться в парадные колонны для торжественного прохождения перед вновь освященным знаменем. Дробь барабана, колонны пошли мимо, отдавая воинские почести, стараясь как можно точнее выполнить команду «Смирно! Равнение направо!», не сбить ногу и показать себя лучшими. Затем сводная парадная колонна двинулась по улицам с барабанным боем и развернутым знаменем. Такое зрелище еще не было знакомо жителям Царицыно! Как прекрасно выглядел наш строй почти из полутора сотен кадет и офицеров Российских корпусов! Восторг охватил всех, когда при подходе к нашей 501 школе грянул духовой оркестр. Кадеты кричали «ура» Морскому кадетскому корпусу.

«Заря с церемонией» началась сигналом «Слушайте все!». Затем под звуки «Встречного марша» было внесено знамя Морских кадетских классов. Я выступил с очень краткой речью о возрождении традиций и скомандовал: «Шапки долой! Песню петь!» Задолго до праздника наши кадеты начали разучивать «Песнь Дворянского полка», исстари исполнявшуюся на всех корпусных днях. И вот теперь, в память о всех чинах и кадетах Российских кадетских корпусов, живот свой за Отечество на полях брани положивших или в миру почивших, наши и воронежские кадеты так пели эту песню, что задрожали голоса у офицеров и на глаза набежали слезы. Песня закончилась и стояла удивительная тишина.

Вскоре начались выступления гостей. Всех нас приветствовал руководитель Фонда возрождения кадетских корпусов герой России, заслуженный летчик СССР, генерал-полковник авиации Александр Петрович Андреев. Выступили директора корпусов, представитель Главного штаба ВМФ, зачитали приветствие Сибирского кадетского корпуса. Речи были короткими и через несколько минут кадеты уже сидели за праздничным столом, угощая приглашенных на бал девиц и гостей. Офицерская кают-компания была полна приветствиями и здравицами в адрес возрождающегося кадетского движения и уже сейчас работающих на будущее страны кадетских корпусов.

На концерте кадеты показывали себя с самой мирной стороны: читали стихи Лермонтова, танцевали, выступил детский танцевальный ансамбль «Детство без границ», прозвучали стихо-

творения на немецком языке, всем очень понравился танец «Морячка» в исполнении морских кадет и маленькой солистки ансамбля, плясали и «Яблочко», а плавно перевел концерт в бал вальс выпускников наших Классов. После кадеты танцевали и праздновали бы еще долго, если бы не окончился этот замечательный и незабываемый день.

К нашему огромному сожалению, на наше приглашение не откликнулись и даже не поздравили нас по телефону Морской кадетский корпус в Кронштадте и Московский Георгиевский кадетский корпус им. Жукова.

Так получилось, что кадеты из Царского Села и из Воронежа жили эти дни в семьях наших кадет. Расставаясь, ребята приглашали друг друга в гости, обменивались адресами, между ними завязывалась дружба, возможно, что на всю жизнь. По крайней мере, мы смело можем ехать хоть сейчас в Воронеж или Царское Село, где, мы уверены, нам будут всегда рады и где мы встретим наших братьев-кадет.

На этом я закончу описание праздника. Замечу только, что такое количество кадет разных корпусов собралось впервые, и мы счастливы, что поводом к этому послужил наш праздник.

С искренним почтением КК л-т

Андронов Г. В.

Р. Ф., Москва 115516, Севанская ул., д. 21, корп. 3, Морские кадетские классы. Начальник Андронов Г. В.

Р. Ф.,Москва 115516, ул. Бехтерева, д. 35, корп. 2, кв. 139. Адъютант Рудьев Константин Игоревич.

Морские кадетские классы (концепция)

1. Морские кадетские классы (МКК) являются экспериментальным учебным заведением, создаваемым в 1998 году на базе Морских классов региональной детской общественной организации парусного клуба «Гардемарины» и школы № 470 для общеобразовательной подготовки кадет в рамках общего среднего (полного) образования и военно-морского допрофессионального обучения.

2. Целями МКК являются:

– возрождение традиций отечественного образования, русской культуры кадет, их почтительного отношения к государственной и воинской службе, существовавшего в кадетских корпусах России;

– осуществляя совместное обучение и воспитание кадет, принятых в МКК из благополучных, а также из малообеспеченных или неполных семей, обеспечить социально-психологическую адаптацию, всестороннее, полноценное развитие личности каждого кадета.

3. Основу учебно-воспитательного процесса МКА составляет государственный базисный учебный план, дополненный в соответствии с целями и задачами МКК.

В процессе реализации учебного плана в МКК используются как обычные, традиционные формы и методы, так и оригинальные, нестандартные методики преподавания.

Кадеты МКК изучают наряду с предусмотренными общеобразовательной программой учебными предметами и дополнительные дисциплины, направленные на углубление их светского образования, допрофессиональной военно-морской подготовки.

4. Форма жизнедеятельности кадет МКК направлена на возрождение, поддержание и развитие лучших отечественных государственных, воинских, морских и народных традиций.

5. Педагогический коллектив МКК включает, кроме преподавательского состава и офицеров-воспитателей, которые, проводя воспитательную работу в классах, оказывают необходимую помощь преподавателям в организации учебного процесса.

Морские кадетские классы ставят своей основной учебной целью ориентирование и подготовку кадета к продолжению образования в вузах путем развития мотивации стремления к познанию, выработке привычки к умственной деятельности и расширения научного и эстетического кругозора воспитанника.

Воспитательная цель Морских кадетских классов – самоусовершенствование душевных качеств кадета с помощью общения с товарищами, знакомство с историческими примерами, через преодоление объективных трудностей строевой и походной жизни, а также через освоение морского дела, в борьбе со стихиями ветра и воды, через радость достижения цели и удовольствие от сознания выполненного товарищеского долга, через познание красоты природы, произведений искусства, светлой человеческой мысли.

Кадетские традиции – форма одежды, установленная для ношения воспитанниками, дисциплина, прививаемая любовь к Отечеству, внимание и приверженность к историческим традициям кадетского воспитания – тот стержень, который скрепляет и единит все предметы программы Морских кадетских классов, как общеобразовательные, так и специальные, традиции, которые позволяют сегодня создать необходимые условия для формирования достойной личности.

Н. Р. ГАЛЕЕВ

ТРЕТИЙ ДОНСКОЙ ЦЕСАРЕВИЧА АЛЕКСИЯ КАДЕТСКИЙ КОРПУС

Объединению кадет Российских кадетских корпусов за рубежом и журналу «Кадетская перекличка»

Извещаю Вас, что в начале 1997 года мною совместно с Ростовским казачьим союзом и частным лицом было учреждено (зарегистрировано) учебное заведение, которое получило название Третий Донской Цесаревича Алексия кадетский копус.

Решение о присвоении именно такого названия было принято после долгих размышлений, консультаций со священством Ростовской епархии и после получения на то благословения Высокопреосвященнейшего Пантелиимона, архиепископа Ростовского и Новочеркасского.

Такое решение было обусловлено следующими причинами:

1. Моей личной любовью к Царской семье и преклонением перед всем, что связано с Ее памятью.

2. Моим искренним православным почитанием Государя и членов Его семьи как святых мучеников и страстотерпцев и желанием всеми возможными способами содействовать популяризации их имен и прославлению их Московской патриархией РПЦ, которое, я убежден, совершенно неизбежно и является лишь вопросом времени и трудов всех православных верующих.

3. Тем, что Царевич Алексий – светлый отрок России был, кроме всего прочего, атаманом всех казачьих войск и, по моему глубокому убеждению, именно Его имя должно носить учебное заведение, находящееся на донской земле, которое ставит своей целью православное и военно-патриотическое воспитание молодого поколения и возрождение лучших традиций русского воинства, в том числе и казачьего.

Убедиться в правильности выбора формы учебного заведения и его названия мне помогло одно обстоятельство.

В процессе подготовки к регистрации корпуса между Ростовским казачьим союзом и Свято-Георгиевским приходом Ростовской епархии было заключено соглашение о создании культурно-просветительного центра в составе кадетского корпуса и православной женской гимназии. Это соглашение было учреждено архиепископом Ростовским и Новочеркасским Пантелиимоном одновременно с выдачей регистрационной палатой регистрационного свидетельства корпусу, причем эти два события совершились абсолютно независимо друг от друга и оказалось, что

оба документа датированы одним числом – 27 мая (н. с.) т. е. днем священной коронации Их Величеств.

Факт этот подействовал на меня необычайно вдохновляюще. Я расценил его как знак того, что дело это находится под покровительством святых мучеников – Царя страстотерпца и Его семьи.

В настоящее время дела с организацией корпуса обстоят следующим образом. Разработанная мною концепция корпуса предусматривает создание его в три этапа:

1.Этап дополнительного образования в клубной и кружковой форме.

2. Этап полного образования без пансиона по типу средней школы.

3. Этап развертывания в полноценное закрытое учебное заведение с полным пансионом.

В процессе реализации этой концепции на практике обстоятельства сложились так, что мне удалось договориться с директором одной из средних школ г. Ростова-на-Дону об открытии в школе кадетского класса в пятой параллели, что и было сделано с осени 1997 г. Таким образом, создание корпуса началось сразу со второго этапа.

Положительным моментом этого является то, что таким образом удалось решить главную задачу 2-го этапа – организацию полного образования, что само по себе является задачей весьма сложной в наших условиях.

Вместе с тем при этом приходится решать ряд задач 1-го и 2-го этапов одновременно.

Обучение проходит по такой схеме. В первую половину дня кадеты обучаются по обязательным программам общего образования в соответствии с государственными стандартами. Во вторую половину дня – по специальным программам, в которые входят: военная подготовка, история России и казачества, рукопашный бой, христианская культура (Закон Божий), народные и бальные танцы.

В дальнейшем планируется ввести курсы: истории Русской армии и оружия, школа выживания в природе, фольклор и культура.

При этом запланировано в случае успешного окончания 1997/98 учебного года открыть такие классы во всех параллелях среднего образования этой школы, то есть иметь кадетские классы с 5-го по 11-й, что вплотную подводит нас к реализации 2-го этапа концепции.

На сегодняшний день в наш адрес поступил ряд просьб от других учебных заведений помочь им организовать подобную работу у них. Я планирую это сделать на правах отдельных взводов нашего корпуса в кружковой форме первого этапа концепции.

Объем данного письма не позволяет мне рассказать обо всех аспектах, нюансах и трудностях нашей работы, а потому в

завершение позвольте обратиться к вам с просьбой установить правопреемство нашего корпуса от Ташкентского Наследника Цесаревича Алексия кадетского корпуса, по возможности снабжать нас имеющейся у вас литературой историко-информационного характера, а также учитывать нас в планах вашей работы на благо Отечества. С благодарностью примем любую посильную помощь.

С глубоким уважением, искренним к Вам почтением и надеждой на сотрудничество

Галеев Николай Романович,
директор корпуса, сотник

Наш адрес для переписки:
344103 г.Ростов-на-Дону, ул. Калининградская, 1, школа № 15. Для кадетского корпуса

С. ШМАКОВ

ПТЕНЦЫ ГНЕЗДА ГРАФА АРАКЧЕЕВА

В спортивном зале военно-патриотического клуба «Десантник» царила вполне деловая атмосфера. Несколько ладно скроенных ребят в камуфляжной форме растягивали прямо на полу длинные, от стенки до стенки, стропы парашюта. Другие сгрудилсь в стороне у высоченной гимнастической перекладины – вспотевшие, с обнаженными торсами. Командир, темноволосый крепыш лет тридцати пяти, одетый в защитную майку и брюки, отдавал короткие команды.

Так мы познакомились с Андреем Шалаевым, воспитателем нижегородских кадет. За свою не слишком долгую жизнь он уже успел по-настоящему повоевать: служил срочную в 103-й Витебской воздушно-десантной дивизии, выполнявшей, как тогда говорили, «интернациональный долг» в Афганистане. В середине 80-х возвратился к родным пенатам и организовал подростковый военно-патриотический клуб. Их тода было немало повсюду.

Потом грянули «демократические» реформы. Править бал в политике стали люди с менталитетом Ковалева, кавалера всех высших чеченских наград. Они провозгласили, что отныне внешнего врага у России-матушки нет, а потому боеспособная армия ей, дескать, вовсе ни к чему. А раз не нужна армия, то нет нужды и в крепком, воспитанном в славных традициях Суворова и Скобелева молодом пополнении.

– Слова «военная патриотика» стали тогда, в начале девяностых годов, непопулярными в официальных кругах, – вспоминает Андрей Шалаев, – клубы стали один за другим закрываться и все пошло

насмарку. Хотя еще тогда у нас была мечта создать в Нижнем настоящую суворовскую школу-интернат закрытого типа. Но увы...

Мир, однако, не без добрых людей, а капля, как известно, точит камень. Какими-то неисповедимыми путями пришел Андрей к руководству школы № 4 Нижегородского района и, к своему удивлению, нашел полное понимание с его стороны.

Директор школы Татьяна Яковлевна Масленникова, живая и приветливая женщина бальзаковского возраста, может говорить о своих питомцах до бесконечности.

– Кадеты – это у нас мальчики десятых и одиннадцатых классов, – рассказывает она. – Всего около ста человек. Вы думаете, только из Нижнего? Ошибаетесь, к нам везут ребят со всей области и даже из других городов. Учится, например, один юноша из Санкт-Петербурга. Есть выходцы из неблагополучных семей, есть сыновья кадровых офицеров, решившие пойти по стопам отцов и посвятить себя в будущем военной службе. В прошлом году мы выпустили двадцать три человека, пятеро из них поступили в военные училища, четверо – в гражданские вузы. Занимаются ребята по полной программе под руководством наставников из числа профессиональных военных: физподготовка, начальная военная подготовка, включая обучение скалолазанию и прыжкам с парашютом. Не считая, конечно, общеобразовательной программы.

В тот день, когда состоялась наша беседа с Татьяной Яковлевной, три десятка кадет отправились в Богородск на базу аэроспортклуба для прохождения «воздушно-десантной» практики. Кто-то прыгал на этот раз с 800-метровой высоты с вертолета МИ-8 в первый раз, а кто-то во второй.

Между прочим, давным-давно, больше ста лет назад в Нижний Новгород был переведен из Новгородской губернии Кадетский графа Аракчеева корпус. Размещался он в нынешнем здании Законодательного собрания. Просуществовав полвека, успел выпустить из своих стен немало доблестных защитников отечества, георгиевских кавалеров. Их имена были выбиты на мраморных досках, висевших вплоть до интернационально-большевистского лихолетья в кремлевском Успенском соборе, который служил кадетам домовой церковью.

Отцы и матери-основатели кадетских классов в 4-й нижегородской муниципальной школе мечтают дожить до тех времен, когда она превратится в настоящий кадетский корпус, такой, который воспринял бы славные традиции Аракчеевского. Да поможет им в этом Господь!

СВЕТЛОЙ ПАМЯТИ ПРОТОИЕРЕЯ СЕРГИЯ ИВАНОВА

Отец Сергий Иванов родился в 1907 году в городе Омске. Десятилетним мальчиком поступил в Первый Сибирский Императора Александра I кадетский корпус. После февральского переворота корпус был переименован Временным правительством в гимназию. Вскоре к власти пришли большевики, но уже в 1918 году Омск переходит под власть адмирала Колчака. В 1919 году корпус эвакуируется во Владивосток и размещается на Русском острове, остается там до конца 1922 года, до эмиграции в Шанхай.

В Шанхае корпус живет благотворительностью русской колонии и работой самих кадет. В 1924 году Королевство Сербов, Хорватов и Словенцев принимает корпус к себе.

9 декабря 1924 года на пристани города Сплита представители трех кадетских корпусов, прибывших ранее из европейской части России, встречают французский пароход «Патрос» с кадетами Омского и Хабаровского кадетских корпусов. На этом пароходе, в этой группе кадет-сибиряков, находится и кадет Сергей Иванов, будущий отец Сергий. Интересно, что на этом же пароходе прибыл в Югославию и отец сегодняшнего председателя Кадетского объединения в Аргентине полковник Николай Александрович Андрушкевич, с 1922 года бывший председателем Городской думы Владивостока и председателем Приамурского Народного Собрания.

В Сплите кадет распределяют по корпусам. Сергей Иванов попадает в Донской Императора Александра III кадетский корпус, располагавшийся тогда в запущенных казармах австрийского форта в городе Билече в Герцеговине.

Я помню, как мы, первоклассники, с огромным нетерпением ждали приезда кадет-сибиряков. Сережа попал в четвертый класс и сразу стал прислуживать в церкви при строгом епископе Вениамине. В 1928 году, получив матуру (аттестат зрелости), Сережа покинул корпус.

Мы, младшие кадеты, всегда с радостью подчинялись старшему церковнику и звонили, когда нужно было, в рельсу и газовые баллоны.

Сережа был намного страше меня не только по классам, но, главным образом, по годам нормальной педагогической жизни, которую имели кадеты-сибиряки, несмотря на общие ненормальные условия жизни. В этом была великая сила воспитания в русских

кадетских корпусах, сила, которой хватит еще и на закваску будущих кадетских корпусов в будущей возрожденной России.

После окончания корпуса мы с Сережей встретились в сентябре 1941 года на белградском вокзале, когда нашу группу в 20 техников вывозили в Германию. Оказалось, что мы ехали в одно место – на постройку нового города для автомбильного завода «Фольксваген». Он окончил университет, стал архитектором, женился и уехал в Борский рудник строить дома. Там его застала немецкая оккупация.

Недолго Сережа пробыл с нами. Вскоре он уехал к жене в Австрию. Мы опять на долгое время потеряли друг друга из виду, пока снова не встретились в Аргентине.

Когда я занимал в 50-х годах в Аргентине должность руководителя техического отделения одной строительной фирмы, мой хозяин, хотя и немецкого происхождения, попросил меня подыскать себе в помощники русского с такими же знаниями, как и я. Тогда в Аргентине строилось много, местного технического персонала не хватало, а посему найти работу русским специалистам было легко. О Сереже я знал, что он работает на другом предприятии. Я его переманил к себе на лучшие условия. И с тех пор мы 25 лет проработали почти рядом.

Думаю, что за 25 лет, работая по 9 часов вместе каждый день, можно свободно наговориться, высказать свои мнения и хорошо узнать друг друга. Об этом можно написать целую книгу. Но в данном случае я хочу лишь вкратце кое-что рассказать об этом человеке, которого, как мне кажется, кроме его матушки и меня, вряд ли кто близко знал.

Сережа как архитектор на новой работе себя очень хорошо зарекомендовал. Прошло несколько лет, когда он заявил, что хочет стать священником, ибо настоятель их прихода, отец Савва (серб по национальности) уезжает в Канаду, получив назначение от Русской Зарубежной церкви епископом Эдмонтонским.

Зная характер нашего хозяина, я подумал, что Сереже придется нас покинуть. Но я ошибся. Хозяин сделал ему предупреждение, чтобы он остался, а пропускаемые для церковных служб дни отработывал сверхурочно в другие дни. Тогда бороды еще не были в моде, но хозяин ему разрешил отпустить бороду, лишь просил не критиковать как священник коммерческого дела предприятия.

Как начальство предприятия, так и весь персонал, удивлялись, что он стал священником, но вынужден был работать дальше. Пришлось мне объянить, что его приход настолько бедный, что не может содержать священника.

Все очень уважали отца Сергия. Да и было за что. Он был всегда скромен, вежлив, говорил мягко и едва слышно. В лифт никогда первым не входил, пропускал всех, даже если приходилось потом ждать следующего. От вокзала до службы всегда ходил пешком, даже

в плохую погоду, берег копейки для «попрошаек», которые не стесняясь приходили даже в нашу контору. Хотя он это скрывал, я знал, что большую часть своего заработка он раздавал нищим, а сам питался кашками, принесенными из дому. На вокзале дети кричали ему вслед «чиво» (козел) из-за бороды. Однако вскоре он мне рассказывал: «Ты знаешь, как я их отучил от этого? Вместо подзатыльников я им раздаю конфеты, и они стали меня называть хорошим дедушкой и даже целовать руку».

Еще много можно было бы рассказать подобных историй об отце Сергии как о человеке. В следующих номерах «Кадетской переклички» я попытаюсь рассказать о духовных беседах отца Сергия со мной.

А. В. АЛФЕРОВ

ПАМЯТИ ПОДПОРУЧИКА А. С. ПОЛИТАНСКОГО

2 сентября 1997 года в г. Сан-Пауло (Бразилия) скончался многолетний председатель Отдела Союза чинов Русского корпуса в Бразилии подпоручик Александр Сергеевич Политанский.

Шура Политанский родился 12 сентября 1912 года в губернском городе Ломжа (Царство Польское) в семье офицера пограничной стражи штаб-ротмистра С. П. Политанского.

Процесс эвакуации Шуре пришлось переживать неоднократно, начиная с самого раннего детства, впервые – уже в августе 1914 года. Его мать с двумя детьми эвакуировалась на юг России, где старшая сестра Шуры поступила в Харьковский институт, а Шура в 1919 году начал свое образование сначала в приготовительном классе реального училища в Елизаветграде, затем успел пробыть полгода в приготовительном классе Одесского кадетского корпуса, откуда в 1920 году был эвакуирован в Севастополь. Отец его, тогда уже в чине полковника, сражался в рядах Белой армии и был тяжело

ранен в боях на Перекопе. Перевезенный в Севастополь, он вскоре там скончался. Мать отдала Шуру в интернат в г. Евпатория.

По окончании крымской эпопеи семья оказалась совершенно разбросанной. Сестра в составе института была эвакуирована в Королевство СХС; Шура вместе с интернатом был перевезен в Константинополь (Турция), где ему посчастливилось встретиться с матерью, эвакуировавшейся из Севастополя. Промытарствовав два года в Турции, матери удалось связаться с дочерью, к тому времени уже окончившей институт, и вместе с сыном переехать к ней в Сербию. Шура сразу же поступил в первый класс Крымского кадетского корпуса, в котором проучился семь лет, вплоть до его расформирования в 1929 году. Будучи от природы богатырского сложения и хорошим гимнастом, он пользовался популярностью и уважением в кадетской среде; был избран "хранителем «Звериады»" и "заместителем генерала" своего выпуска. Атмосфера жизни Крымского корпуса наложила на него свой особенный отпечаток, который он сохранил в течение всей своей долгой жизни. Последний, восьмой класс он заканчивал в том же здании, но уже в Княже-Константиновском кадетском корпусе.

По получении аттестата зрелости, он проучился два года на лесном отделении агрономического факультета Белградского университета, но затем по семейным обстоятельствам, требовавшим от него начать зарабатывать на жизнь, вынужден был покинуть университет и спешно окончить строительную школу для получения расхожей специальности, а также музыкальное училище для практического использования высоких вокальных данных (баритон), которыми он обладал. По этим направлениям он и начал трудовую жизнь русского эмигранта.

Но основная идея полученного в семье и в стенах корпуса воспитания – любовь к России и готовность послужить делу ее освобождения от поработившей ее коммунистической системы, заложенная в юные сердца «не наказом, а показом» офицерами-воспитателями, продолжала оставаться ведущим стремлением его жизни. Это стремление послужить России заставило его в первые же дни германско-советской войны, когда немецкая пропаганда кричала о «крестовом походе» против коммунизма, отправиться на Восточный фронт в качестве переводчика для передовых немецких частей. Но очень скоро убедившись в том, что немецкая политика направлена не на освобождение, а на завоевание России, и понимая, что в одиночку добиться изменения этой политики невозможно, он вернулся назад в Югославию незадолго до начала формирования Русского корпуса. Приказ о формировании был отдан генерал-майором М. Ф. Скородумовым 12 сентября 1941 года. Днем приема для молодежи, не служившей ранее в армии, был назначен 19 сентября. В этот день вместе с другими молодыми добровольцами в казарму Корпуса явился А. С. Политанский и был зачислен в

первую юнкерскую роту подполковника М. Т. Гордеева-Зарецкого. Первоначально предполагалось, что четвертые взводы в ротах будут взводами тяжелых пулеметов, поэтому туда подбирались рослые и физически крепкие юнкера, так что правый фланг четвертого взвода представлял собой группу богатырей, могущих быть украшением любого старого гвардейского полка. Среди них и был Шура Политанский. Эта группа выделялась не только внешним видом, но и своими голосовыми данными: в роте было много хороших песенников, но такого баритона, как Шура Политанский, в других взводах не было. В торжественных случаях четвертый взвод ставился в голову колонны роты, и ее прохождение перед начальством неизменно вызывало выигрышное впечатление надвигающейся мощи.

В каждом отделении один из юнкеров получил ефрейторский «угол» на рукав, что было знаком различия должности пулеметчика и заместителя отделенного командира. А. С. Политанский был в их числе.

В конце ноября 1941 года юнкерский батальон в составе 1-го полка перебрасывается из Белграда в г. Шабац для овладения захваченным партизанами районом г. Крупань и последующей охраны всего района Лозница – Зворник – Купань. Весь полк, а юнкера в особенности, горят желанием поскорее показать, что существуют и русские антикоммунисты и что Русский корпус – это не ополченцы, годные лишь для охраны складов и рудников, а русская воинская часть – преемница Русской Императорской армии. После быстрого выполнения порученной операции наступила будничная охранная и боевая служба, которую юнкерам приходилось совмещать с прохождением военно-училищного курса, что потребовало от них дополнительного физического и волевого напряжения в течение почти целого года. В августе 1942 года курс был закончен во всех ротах, и 12 сентября, в первую годовщину формирования корпуса, все юнкера, успешно сдавшие экзамены, приказом командира корпуса генерал-лейтенанта Б. А. Штейфона были произведены в подпоручики.

Но заработанные офицерские погоны с двумя звездочками нисколько не изменили служебного положения молодых подпоручиков, так как свободных вакансий на командные должности не было, и бывшие юнкера продолжали оставаться на положении рядовых и ефрейторов. В связи с переформированием 1-го полка корпуса в казачий весь неказачий состав бывших первой и второй юнкерских рот (в том числе и А. С. Политанский) был переведен во 2-й полк, составив его 7-ю роту.

Для ознакомления с новыми образцами оружия при штабе корпуса были созданы соответствующие курсы, на которые из полков были посланы строго отобранные кандидаты. Так, летом 1943 года от 2-го полка был командирован на унтер-офицерские курсы ефрейтор

Политанский. К этому времени корпус, наконец, получил разрешение посылать вербовочные комиссии в район Одессы, в Бессарабию и на Буковину. Отклик добровольцев превзошел все ожидания. Решено было для пополнения убыли в трех основных полках корпуса сформировать в каждом из них по две «молодые» роты, а затем два новых полка (4-й и 5-й) нормального солдатского состава из молодых добровольцев, а кандидатов на командные унтер-офицерские должности выбрать из состава основных полков. В связи с этим А. С. Политанский после успешного окончания курсов был произведен в унтер-офицеры и назначен в учебный кадр 5-го полка, готовившегося к приему новобранцев из России. Эшелоны стали прибывать в январе 1944 года и началась работа по ускоренному обучению. В это время из Германии стали приходить радужные вести о развитии власовского движения и появилась надежда, что формируемые молодые полки явятся первыми полками будущей Русской армии. Весной 1944 года 4-й и 5-й полки встали в строй корпуса, так что общая численность перевалила за 12000 человек. Ввиду усиления активности коммунистических партизан эти полки вскоре получили боевое крещение. Уже произведенный в фельдфебели А. С. Политанский командовал взводом в шестой роте 5-го полка. В июле он был командирован на третий офицерский курс и, успешно преодолев и это последнее препятствие, 7 сентября 1944 года приказом главнокомандующего Юго-Восточного фронта был произведен в лейтенанты с назначением в пятую роту своего же 5-го полка. Вскоре он был награжден орденом «За военные заслуги» II класса с мечами.

В ноябре 1944 года в составе южной группы полков корпуса (3-й, 4-й и 5-й) он проделал тяжелый поход через уже покрытые снегом Босанские горы, очищая от партизан дорогу на Сараево, а затем участвовал во всей эпопее зимних боев в операции по наступлению на г. Травник, овладению им и последующей обороне от превосходящих сил партизан района с. Бусовача в условиях полного окружения. За эти бои 5-й полк получил название «Железного», а А. С. Политанский под конец надорвал себе поясницу и после деблокады Бусовача был эвакуирован для лечения в госпиталь в Германию. По этой причине орден Железный Крест II степени, к которому он был представлен за эти бои, получил уже в госпитале. По излечении он прибыл в Вену (Австрия), но дорога на Загреб уже была разрушена, и он был задержан при штабе, а затем назначен в Зальцбурге в конвой командира отдельной казачьей бригады генерал-майора А. В. Туркула, где его и застал конец войны.

Пробыв полгода в американском плену, он был демобилизован и направлен там же в Зальцбурге в лагерь перемещенных лиц Парш, перейдя таким образом на гражданское положение. В 1946 году А. С. Политанский женился на Людмиле Николаевне, которая стала его верной подругой и помощницей. Они прожили душа в душу

51 год. В 1949 году семья Политанских переехала в Бразилию в г. Сан-Пауло, где Александр Сергеевич вступил в местный Отдел Союза чинов Русского корпуса, открыл собственное дело, продолжил занятия музыкой и стал регентом церковного хора. В 1961 году он был избран вице-председателем Отдела, а с 1964 года в течение 33 лет был его бессменным председателем, проделав очень большую работу по сплочению наших соратников в Бразилии в дружную семью. Кроме того, он был представителем журналов «Наши вести» и «Кадетская перекличка» в Бразилии. В 1990 году основал хор «Мелодия», который пользуется большим успехом. За свою полезную общественную деятельность А. С. Политанский был удостоен награждения бразильским орденом «За гражданские заслуги». Как в военной, так и в гражданской жизни исполнение Долга было у него на первом месте.

Преклоняясь перед волей Всевышнего, сохраним светлую память об ушедшем соратнике, воине Александре и глубокое сочувствие его вдове, глубокоуважаемой и дорогой Людмиле Николаевне (скончавшейся в 1998 г.).

Поручик В. В. ГРАНИТОВ

«Наши вести», № 451/2752

ВЕНОК НА СВЕЖУЮ МОГИЛУ ВЛАДИМИРА ВАСИЛЬЕВИЧА БОДИСКО

Бескозырки тонные,
брюки-клеш фасонные,
это кадеты-крымцы идут...

В апреле этого года в городе Маракае, Венесуэла, скончался Владимир Васильевич Бодиско, кадет Крымского кадетского корпуса, поручик Русского охранного корпуса, Русской Освободительной армии генерала Власова и профессор агрономического факультета Каракасского университета.

Хоть все мы, члены Венесуэльского объединения кадет заграничных Российских корпусов, в последнее время привыкли к подобного рода печальным известиям, эта кончина повергла всех нас в уныние– такой большой и невозместимой оказалась для нас эта потеря. Мы потеряли доброго друга и товарища, с которым делили горе и радости в течение долгих, долгих лет в родных корпусных стенах в Белой Церкви, на крутых мостовых почти что русского

Белграда, в горах многострадальной и залитой кровью Боснии, в оккупированной американцами красивой Баварии и, наконец, на берегах бурного «бананово-лимонного» Карибского моря.

В России мы с Володей не встречались, так как родился он в 1912 году в Петербурге, когда нас на этом свете еще не было.

По-видимому, воспоминания о коротком пребывании на родной земле для него были очень дороги, так как он счел нужным оставить для составителя своего некролога заветную и, видимо, дорогую для него фотографию маленького, тепло одетого мальчика с любимой лошадкой, с любопытством всматривающегося в будущее и не подозревающего, в каких только чужих странах предстоит ему учиться, воевать, вновь учиться и преподавать.

Его отец, капитан морской артиллерии, служил в Адмиралтействе, в 1919 году эвакуировался в Константинополь, а в 1922-м переехал в Королевство СХС, где отдал Володю во второй класс Крымского кадетского корпуса. Воспоминания о шести годах, проведенных в Крымском корпусе, самые дорогие для Володи и пронизывают красной нитью всю его последующую жизнь и в особенности всю его плодотворную деятельность в нашем объединении.

Это безоблачное счастье юноши, попавшего в родную, дорогую его сердцу среду. Это гордость своим происхождением, своими товарищами, своим корпусом. Это первое в жизни, до конца дней не залеченное горе потери своего гнезда.

Он был явно счастлив, когда неизменно присутствовал на наших собраниях. На них он чувствовал себя опять в своем корпусе и судил всегда по-кадетски, по-«крымски». Его голос был всегда решающим, его суждения – быстры, верны и, что самое главное, всегда были обоснованы параграфами нашего Кадетского Закона, то есть параграфами кадетских традиций, которые были основой его мировоззрения. Сегодня мы вплетаем их в венок на его могилу.

Но самым счастливым событием своей жизни Володя считал встречу со своей заботливой и любящей супругой Наталией Владимировной Ставрович, которая сумела дать ему любовь, ласку и необходимый для его научной деятельности покой. Те, кто имел удовольствие побывать у него в доме и отведать у него хлеба-соли, сразу чувствовали, осязали счастье и любовь, царящие в его доме. В Маракас Володя обрел потерянный и заслуженный рай.

Но и профессорская деятельность Володи заслуживала нашего внимания и восхищения. Высший заслуженный научный сотрудник трех университетов Венесуэлы, доктор сельскохозяйственных наук Белградского университета, где защитил с успехом свою диссертацию на это звание. Участник многих международных конгрессов, кавалер ордена «Андрес Бельо», выдающегося редко за научные и культурные заслуги у нас в испанском, английском, сербском и русском языках, Володя был нашей гордостью.

Но по-настоящему поняли мы это, как и полагается, сейчас, после его смерти. Сейчас, когда он шагает где-то в бесконечном пространстве в «тонной бескозырке». Хотелось бы догнать его и выразить наши восхищение и любовь. И бесконечно жаль, что не сказали ему об этом, а сейчас это невозможно сделать. Он и при жизни не придавал большого значения нашим словам, явно предпочитая дискуссии в кадетских журналах и бюллетенях, свои статьи и воспоминания о родном Крымском корпусе.

Председателю трех кадетских съездов, редактору «Бюллетеня», долголетнему и дорогому члену нашего объединения, дорогому Володе мы вплетаем в наш скромный венок и его чудесные цветы нежной любви к своему корпусу, которые научились от него растить и лелеять.

Мы хороним его в маленькой скромной церкви города Маракая. Торжественно служит отец Сергий (Гуцаленко), наш кадет. Перед гробом стоит наш венок, на гробе трехцветный русский флаг. Проникновенно поет хор. У гроба стоят кадеты и молят Господа простить прегрешения вольные и невольные раба Божия Владимира.

Со Святыми упокой его, Господи!

Борис ПЛОТНИКОВ

Венесуэла, Каракас, май 1998 г.

«Бюллетень» Венесуэльского объединения

ПАМЯТИ Б. Г. МИЛЛЕРА

В Москве 30 мая 1997 г. после тяжелой болезни скончался верный сын России, видный деятель НТС в течение многих лет – Борис Георгиевич Миллер.

Борис Георгиевич родился 19 августа 1929 года в семье русских эмигрантов в Белграде. Учился в русском кадетском корпусе в городе Белая Церковь откуда в конце войны был вывезен немцами на работу в Германию. Бежал оттуда и после войны попал в беженский лагерь Парш в Австрии, где в 1947 году вступил в НТС. Летом 1948 года выехал в Сантьяго (Чили), где окончил школу радиотехники и работал по специальности на заводе. Здесь же Борис Георгиевич в 1953 году женился на Кире Константиновне, урожд. Куракиной. У них родились сыновья Георгий (1955) и Владимир (1958). Борис Георгиевич участвовал в деятельности группы НТС в Чили. Но

своим пребыванием в далекой заокеанской стране он тяготился, и в 1959 году вернулся в Европу для работы в системе НТС.

Он работал на радио «Свободная Россия», затем в «закрытом секторе» на подготовке и отправке гонцов, занимавшихся переправкой рукописей из России и союзной литературы – в Россию. При его участии были вывезены на Запад такие документы, как самиздатовский журнал «Феникс», «Белая книга» по делу Синявского и Даниэля, «Меморандум» Сахарова, ряд рассказов Солженицына. На «закрытых участках» ему с семьей пришлось жить в Бельгии, Дании, Германии, Греции, Италии. В сентябре 1972 года он вышел из «закрытого сектора» и стал представителем издательства «Посев» в Лондоне, где принимал многих посетителей из России и участвовал в международных акциях в защиту политзаключенных в СССР.

С 1988 по 1991 год он заведовал представительством НТС в Париже на рю Бломе, в 1989 году совершил поездку по эмигрантским центрам Южной Америки, а с 16 августа по 9 ноября 1990 года впервые поехал в Россию. Он посетил 14 городов и выступал как член Совета НТС, на 24 различных собраниях, съездах и демонстрациях. Из Ленинграда он был выдворен КГБ вместе с Натальей Александровной Маковой, но поездка его стала значительным этапом формирования открытой организации НТС в России.

В августе 1991, по случаю Конгресса соотечественников, он снова оказался в России, на этот раз, как и другие члены НТС, – среди защитников Белого дома.

Еще весной 1991 года, во время визита Ельцина в Париж, он обратился к нему с просьбой о предоставлении российского гражданства, которое он получил после бюрократических мытарств лишь в 1993 году. По личным причинам Борис Георгиевич в конце 1991 года формально вышел из НТС, и в 1992 году с Н. А. Маковой переехал на постоянное жительство в Москву. Здесь он посвятил себя работе в Международном обществе прав человека (МОПЧ), президентом российской секции которого он впоследствии стал.

С 1992 по 1995 год он руководил акцией МОПЧа «Помощь многодетным семьям России», организовывал доставку в Россию медицинских материалов и другой гуманитарной помощи, затем включился в правозащитную деятельность, посещая тюрьмы, колонии и следственные изоляторы, участвовал в проведении учебных семинаров. Кроме того, он пытался добиться реабилитации расстрелянных в 1953 году якобы за шпионаж членов НТС Макова, Горбунова, Лахно и Ремиги, но официальные инстанции для этого явно не созрели.

Знаток старинных русских военных, а также эмигрантских песен, Борис Георгиевич не раз устраивал концерты, сборы от которых он жертвовал детям Москвы и других городов.

Всегда инициативный и жизнерадостный – при всей серьезности проводимых им дел, – Борис Георгиевич целиком отдавал себя

служению людям и своей стране, несмотря на состояние своего здоровья. В этом служении он и сгорел.

Отпевание состоялось в церкви св. Владимира, что в Старых садах 2 июня 1997 года при участии родных и многих десятков друзей и почитателей. Похоронен он на кладбище в Острове на юге от Москвы, там же, где Елизавета Романовна Миркович.

АРКАДИЙ ДУЛАНАКИ-СКАРЛАТО

Аркадий Петрович Дуланаки-Скарлато родился в Одессе 13 декабря 1910 г. Отца убили большевики в 1920 году, и, десятилетним мальчиком, он с матерью ходил по катакомбам искать тело отца, которого нашли по монограмме на рубашке.

В 1921 году мать – Мария Федоровна – с двумя дочерьми и Аркадием эвакуировалась из Одессы. Сперва прибыли в Варну. Старший брат Петр 16-летним юношей бежал на фронт, участвовал в Первой мировой войне и гражданской. Никто ничего не знал о нем, пока все не встретились в королевстве СХС. Война и ранения сделали свое дело: он умер молодым и похоронен на кладбище в Новом Саду, в Югославии.

Мать определила Аркадия в кадетский корпус, в котором он учился до шестого класса, после чего перешел в сербское учебное заведение, а потом поступил в Югославскую королевскую армию. Во время Второй мировой войны находился в частях отряда «Варяг».

В США он приехал в 1950 году с матерью. Здесь встретился со всеми родными. С 1959 по 1975 годы, до выхода на пенсию, работал электромонтером в городе Сиракузы.

Аркадий был убежденным монархистом, любил русскую историю, был глубоко верующим человеком и принадлежал к Русской православной церкви Заграницей. Скромный, вежливый, любящий друзей и знакомых, настоящий джентльмен. После покойного осталась вдова Муза Леонидовна, с браке с которой он прожил 47 лет, племянники и племянницы.

Отпевание состоялось в Свято-Введенском храме в Сиракузах в среду, 31 декабря 1997 года. Похоронен в свято-Троицком монастыре на «Старом кладбище» в Джорданвилле, шт. Нью-Йорк.

Немного осталось тех кадет-крымцев, которые помнят Аркашу Дуланаки. Но те, кто помнит, да и другие кадеты, помолитесь о душе усопшего однокашника воина Аркадия.

ПАМЯТИ ПОДПОРУЧИКА А. П. ПЛИЩЕНКО

29 мая 1998 года в Буэнос-Айресе (Аргентина) на 68-м году жизни волею Божией скончался подпоручик Русского корпуса Андрей Павлович Плищенко.

Андрей Павлович родился 14 декабря 1920 года в городе Новый Сад (Королевство СХС). Начальную школу окончил в Македонии, где его отец работал врачом. Среднее образование получил сперва в Русской гимназии в Белграде, а затем в Первом Русском Великого князя Константина Константиновича кадетском корпусе, где за отличные успехи был произведен в вице-унтер-офицеры.

До начала Второй мировой войны учился на экономическом факультете Белградского университета. В 1942 году Андрей Павлович вместе со своим отцом добровольцем вступил в ряды Русского корпуса и был определен в юнкерскую роту. По окончании унтер-офицерских курсов служил в разных полках корпуса в звании унтер-офицера.

В октябре 1948 года он переехал в Аргентину, где до самой смерти состоял членом правления местного отделения Союза чинов Русского корпуса – Союза Св. Благоверного Великого князя Александра Невского, занимая должность его секретаря, являясь также членом правления Объединения кадет Российских корпусов в Аргентине.

На отпевание, которое было совершено в Свято-Сергиевской церкви предместья Буэнос-Айреса Вижа Бажестер отцом-настоятелем храма протоиереем Владимиром Шленевым, пришли помолиться за упокой его души многие друзья, члены Союза Св. Александра Невского и Кадетского объединения.

После отпевания председатель Объединения кадет в Аргентине Игорь Николаевич Андрушкевич на испанском языке произнес проникновенное надгробное слово.

Вдове Татьяне Алексеевне и дочерям с семьями выражаем наше искреннее сочувствие в постигшем их горе.

Вечная память истинному русскому патриоту рабу Божиему воину Андрею!

ДРУЗЬЯ И СОРАТНИКИ

ОЛЕГ ВЯЧЕСЛАВОВИЧ ОКШЕВСКИЙ

8 октября 1998 года в городе Лорел, около Вашингтона Д. К. в возрасте 83 лет умер кадет Олег Окшевский.

Покойный родился 5 августа 1915 года в военной семье Вячеслава Ивановича Окшевского и Татьяны Ивановны, урожденной Пальчевской, в городе Евпатории в Крыму.

После эвакуации из России семья обосновалась в городе Новый Сад, в Югославии, где прошли детские годы Олега и его старшего брата Льва.

В 1926 году Олег был принят в Русский кадетский корпус в Сараеве. В 1929 году корпус соединился с Крымским кадетским корпусом, стал называться – Первый Русский Великого князя Константина Константиновича кадетский корпус и переведен в город Белая Церковь.

По окончании корпуса в 1932 году Олег был принят в военную школу пилотов, успешно закончил ее и до 1941 года служил пилотом в югославской королевской авиации.

С развалом Югославии Олег и его брат Лев, тоже пилот, определились в авиацию Хорватии.

В 1942 году, оказавшись на восточном фронте, оба брата попали в советский плен.

В 1944 году они были отправлены в титовскую Югославию и только благодаря защите бывших сослуживцев по королевской авиации избежали лагерей.

Вместе с другими русскими эмигрантами через беженский лагерь около Триеста Олег попал в Италию, оттуда в 1950 году перебрался в Канаду – сначала в Монреаль, потом в Торонто.

Через несколько лет Олег переехал в Нью-Йорк и начал работать в текстильной индустрии.

В 1957 году Олег женился на Людмиле Яковлевне Селиховой, с которой у него было четверо детей: сын Георгий и дочери Татьяна, Елена и Наталья.

Семья Окшевского долго жила в Лейквуде, шт. Нью-Джерси. В 1983 году семья окончательно обосновалась в городе Лорел.

Олег всегда участвовал в жизни кадетских объединений. Он был одним из основателей объединения в Монреале и членом Нью-Йоркского объединения. А с 1984 года состоял членом

Вашингтонского. Он с гордостью говорил, что не пропустил ни одного съезда, вплоть до XIV в 1994 году, проходившего в Пенсильвании и куда ему пришлось ехать в инвалидном кресле после удара, случившегося в 1989 году.

Несмотря на ухудшающееся состояние здоровья, он продолжал следить за событиями, читать и интересоваться кадетскими делами. Вернувшись из России с XVI съезда, я рассказывал Олегу о том, как он прошел и послал ему документы и красивую брошюру, изданную в Москве.

Жена Олега Милочка рассказывала мне, с каким интересом он читал этот материал и обсуждал главные события. Она тоже вспоминала, как Олег со своим другом и одноклассником покойным Глебом Сперанским мечтали дожить до 2000 года и до начала нового тысячелетия. Но Бог судил иначе!

По словам жены и детей, Олег умер от предельного ослабления сердца – без мучений, быстро и спокойно.

На панихиде и отпевании в соборе Св. Иоанна Предтечи (в Вашингтоне) присутствовали все кадеты объединения. Гроб был накрыт русским национальным флагом, а красивый венок из малиновых и белых гвоздик от кадет Вашингтона и Нью-Йорка был украшен малиновой лентой с надписью: «Олегу от кадет».

Погребение состоялось в городе Джексон, Нью-Джерси, на кладбище фермы Рова. Мы попросили Людмилу Яковлевну и ее большую семью принять сердечное сочувствие в постигшем их и нас горе. Кадеты будут помнить Олега!

Алексей Боголюбов и кадеты объединения в Вашингтоне

НАДЕЖДА МИХАЙЛОВНА ПАГАНУЦЦИ

Надежда Михайловна Пагануцци, ур. Милоградская, родилась в селе Манино, Задонского уезда, Воронежской губернии по ст. ст. 30 сентября 1912 г. (13 октября по н. ст.). Отец матери, о. Михаил Милоградский, происходил из священнической семьи. Из пяти братьев четыре были священниками, обе сестры были замужем за священниками. Дядя матери – о. Иоанн Милоградский – в 30-х годах погиб за веру и ныне причислен к лику Святых Новомучеников Российских. Дед моей матери, о. Александр, был дьяконом. Мать, Лидия Ивановна Инцертова, тоже из благочестивой семьи, умерла, когда матери было 9 лет и похоронена за церковью в селе Дмитряшевка Задонского уезад. Будучи молодым священником, дед служил в Задонске и очень почитал Святителя Тихона, также, как и мать. В 1920 году Михаилу пришлось уходить из России в Сербию от

неизбежной смерти, его внесли в так называемые «черные списки». Мать и сестра Вера Михайловна (1908 года рождения, еще здравствует в Торонто, Канада) остались жить у сестры матери тети Клаши и дяди Андрюши (тоже священник).

В 1925 году бабушка Мария Ивановна, Ивановская по второму браку, привезла девочек к отцу в Сербию.

Мать определили в Мариинский Донской институт в Белой Церкви, который она закончила в 1933 году. В 1937 году мать вышла замуж за бывшего кадета Крымского кадетского корпуса Павла Николаевича Пагануцци. В 1942 году, тоже в Белой Церкви, у них родился сын Петр, а в 1951 году семья выехала в Италию, в Триест. Волей Божьей в том же году в Югославии скончался о. Михаил и похоронен на сербском кладбище в Вуклваре. Также волей Божией семья разделилась на две части: мы втроем выехали в Канаду, папина сестра Анна Николаевна Пагануцци, ныне Лисуненко, с дедушкой и бабушкой – в Венесуэлу, а много позже – в США. В Бельгии жил и позже скончался младший брат отца Ваня (Иван Николаевич Пагануцци, тоже бывший кадет). Прожили мои родители в Канаде до 1963 года, когда отец получил назначение на кафедру русской литературы и языка в Вермонтском университете, где прожили до 1983 года. Последнее время родители проживали в Сант-Петербурге, Флорида.

В 1991 году 19 апреля скончался отец, а 19 сентября 1997 года в Монреале скончалась мать. Похоронены родители на Русском кладбище в Ровдене, Канада. Гроб матери несли сын, внук и трехлетний правнук.

Старая Россия уходит и уносит с собой былые традиции и воспоминания о любимой родине. Сколько любви, сколько веры в свой народ хранили мои родители, знает только Господь. Старый уклад, семья, любовь к сыну и его семье, к внукам и правнукам, неисчислимые милые друзья и однокашники – все это было так нормально. Хранили и лелеяли веру в Бога, любовь и долг к родине. Жили своим островком в мире. Отец писал статьи и читал доклады о достоинстве родины, мать молилась, зажигала лампадки, украшала и создавала домашний уют. Где бы мы ни были, всюду хранили родное слово, родную веру.

К сожалению, мое поколение не сумело оценить, перенять и продолжить путь, начатый моими прадедом, дедом, отцом. Окружение и малочисленность единомышленников притупили те глубокие корни, которые питали отца и мать. Но, как у отца, слова современного русского поэта Кленовского навсегда останутся в моем сердце и в моей памяти.

Между нами – двери и засовы,
Но в моей скитальческой судьбе
Я служу тебе высоким словом,
На чужбине я служу – тебе.

Я сейчас немил тебе, не нужен,
И пускай бездомные года
Все петлю затягивают туже –
Ты со мною навсегда.

Душное минует лихолетье,
Милая протянется рука.
Я через моря, через столетья
Возвращусь к тебе издалека.

Не спрошу тебя и не отвечу,
Лишь прильну к любимому плечу.
И за этот миг, за эту встречу,
Задыхаясь, все тебе прощу!

И сегодня продолжается это же лихолетье. Народ, о котором страдал отец, уходит в иной мир, как некогда град Китеж.

Многоуважаемые господа кадеты, низкий вам поклон за вашу веру, за вашу любовь к родине и за то, что вы донесли через многие годы и препятствия искру Старой Любимой России.

Мир праху вашему, дорогие мать и отец, да будет легка вам канадская земля!

Вечная память, дорогие родители и прародители.

Петр ПАГАНУЦЦИ

Монреаль

В августе 1994 г. во Флориде, США, скончался ***Валентин Михайлович Матковский***, кадет 27-го вып. Первого Русского Великого князя Константина Константиновича кадетского корпуса.

Вдове Зорице и сыновьям Игорю, Валентину, Ивану, Александру и Иосифу выражаем наше глубокое соболезнование.

31 декабря 1995 г. в гор. Веллингтон, Новая Зеландия, скончался ***Никифор Андреев,*** кадет 5-го выпуска Крымского кадетского корпуса.

Сыну Владимиру высказываем наше глубокое соболезнование.

В 1997 г. в гор. Таллинне, Эстония, скончался ***Сергей Попов,*** кадет Крымского и 42-го выпуска Донского Императора Александра Третьего кадетского корпуса.

Супруге Маде и сыновьям Валерию и Андрею высказываем наше глубокое соболезнование.

6 сентября 1997 г. в гор. Ла Серена, Чили, скончался ***Владимир Попов,*** кадет Крымского и 12-го выпуска Первого Русского Великого князя Константина Константиновича кадетского корпуса.

Дочерям покойного Вере и Бранке, сыну и внукам выражаем наше искреннее соболезнование.

23 декабря 1977 г. в Зальцбурге, Австрия, скончался ***Сергей Рудник,*** кадет Крымского, Донского Императора Александра Третьего и 15-го выпуска Первого Русского Великого князя Константина Константиновича кадетского корпуса.

Семье покойного выражаем наше глубокое соболезнование.

28 декабря 1997 г. в гор. Сиракузы, США, скончался ***Аркадий Петрович Дуланаки-Скарлато,*** кадет Крымского кадетского корпуса.

Вдове Музе Леонидовне высказываем наше глубокое соболезнование.

26 февраля 1977 г. в г. Сан-Рафаэле, Калифорния, скончался ***Евгений Иванович Крестини,*** кадет 5-го выпуска Русского кадетского корпуса в Сараево.

11марта 1998 г. в Сакраменто, Калифорния, скончался в.у.о. ***Глеб Иванович Лукашевич,*** кадет 9-го выпуска Русского кадетского корпуса в Сараево.

Вдове Веронике Александровне и дочери Нине высказываем наше глубокое соболезнование.

12 апреля 1998 г. в гор. Маракае, Венесуэла, скончался ***Владимир Васильевич Бодиско,*** кадет Крымского и 10-го выпуска Первого Русского Великого князя Константина Константиновича кадетского корпуса, редактор Каракасского «Бюллетеня».

Вдове Наталии Владимировне выражаем наше глубокое соболезнование.

10 мая 1998 г. в гор. Барселоне, Аргентина, скончался ***протоиерей Сергий Иванов,*** кадет Донского Императора Александра Третьего кадетского корпуса.

Семье покойного выражаем наше глубокое соболезнование.

29 мая 1998 г. в гор. Буэнос-Айресе, Аргентина, скончался ***Андрей Павлович Плищенко,*** кадет 20-го выпуска Первого Русского Великого князя Константина Константиновича кадетского корпуса.

Вдове Татьяне Алексеевне и дочери выражаем наше глубокое соболезнование.

13 июня 1998 г. в гор. Загреб, Хорватия, скончался ***Роман Образ,*** в.у.о. 19-го выпуска Первого Русского Великого князя Константина Константиновича кадетского корпуса.

Семье покойного выражаем наше глубокое соболезнование.

19 июня 1998 г. в гор. Сан-Франциско, США, скончался ***Юрий Николаевич Немков,*** кадет Первого Сибирского Императора Александра Первого кадетского корпуса.

Вдове покойного Марии Владиславовне и падчерице Ариадне выражаем наше глубокое соболезнование.

В июле 1998 г. в гор. Кассел, Германия, скончался др. ***Виктор Полубелов,*** в.у.о., знаменщик 24-го выпуска Первого Русского Великого князя Константина Константиновича кадетского корпуса.

Вдове, сыновьям и сестре покойного объединение в Белграде и все кадеты выражают глубокое соболезнование.

20 июня 1998 г. в гор. Торонто, Канада, скончался ***Виктор Степанов,*** кадет 22-го выпуска Первого Русского Великого князя Константина Константиновича кадетского корпуса.

Вдове Цветане и детям Леониду, Николаю и Анне выражаем наше глубокое соболезнование.

2 сентября 1998 г. в гор. Буэнос-Айрес, Аргентина, скончался ***Алексей Вильгельмс,*** кадет 27-го выпуска Первого Русского Великого князя Константина Константиновича кадетского корпуса.

14 сентября 1998 г. во Флориде, США, скончался ***Александр фон-дер-Нонне,*** кадет 23-го выпуска Первого Русского Великого князя Константина Константиновича кадетского корпуса.

Сестре Ирине Мизерницкой выражаем наше глубокое соболезнование.

5 октября 1998 г. в гор. Сан-Франциско, США, скончался ***Анатолий Михайлович Жуковский,*** кадет Владимирско-Киевского и 2-го выпуска Крымского кадетского корпуса.

Вдове Яне Владимировне выражаем наше глубокое соболезнование.

7 октября 1998 г. в гор. Буэнос-Айрес, Аргентина, скончался ***Вадим***

Поморский, кадет 16-го выпуска Первого Русского Великого князя Константина Константиновича кадетского корпуса.

7 октября 1998 г. в гор. Сиднее, Австралия, скончался ***Дмитрий Ильич Медведков,*** кадет Крымского и 10-го выпуска Первого Русского Великого князя Константина Константиновича кадетского корпуса.

8 октября 1998 г. в гор. Вашингтоне, США, скончался ***Олег Вячеславович Окшевский,*** кадет Первого Русского и 12-го выпуска Первого Русского Великого князя Константина Константиновича кадетского корпуса.

Вдове Людмиле Яковлевне и детям Георгию, Татьяне, Елене и Наталии выражаем наше глубокое соболезнование.

15 октября 1998 г. в гор. Сан-Франциско скончался ***Николай Владимирович Шлиттер,*** кадет Первого Сибирского Императора Александра Первого кадетского корпуса.

Вдове Валентине Александровне, дочери Татьяне и сыну Николаю выражаем наше глубокое соболезнование.

20 ноября 1998 года в шт. Коннектикут, США, скончался ***Никита Синькевич,*** кадет 27-го выпуска Первого Русского Великого князя Константина Константиновича кадетского корпуса.

Вдове и детям покойного выражаем наше глубокое соболезнование.

23 января 1998 г. в гор. Висбадене, Германия, скончалась сестра покойного Глеба Сперанского ***Кира Николаевна,*** институтка Мариинского Донского института.

Мужу и дочери покойной, Марии, выражаем наше глубокое соболезнование.

В конце июля 1998 г. скончался в Москве суворовец, выпуска 1951 г., из Казанского Суворовского училища ***Борис Суздальцев,*** поэт и верный сын России. Да будет ему легка российская земля.

На «Кадетскую перекличку»

Л. Бек – $2.00
А. Берендс – $22.00
В. Бибер – $6.00
В. М. Будилов – $20.00
И. Волохина – $11.00
М. Л. Дуланаки – $100.00
Т. Зеленская – $6.00
Ю. Зигерн-Корн – $20.00
Л. Н. Зозюлина – $40.00
Елена Казакова – $10.00
И. Кубаровский – $35.00
Е. Лазарев-Миронов – $6.00
М. Лермонтов – $100.00
Ю. Лермонтов – $3.00
В. Локен – $300.00
Ю. Лукашевич – $86.00
Н. Лукинов – $25.00
Ю. Малашенко – $9.00
О. Мирошниченко – $50.00
Лидия Мистулова – $20.00
П. Наумов – 14.00
И. Новосильцев – $6.00
Р. Новосильцева – $26.00
Н. Орехов – $10.00
Н. М. Пагануцци – $50.00
А. Перекрестов – $100.00
Д. Порхаев – $20.00
В. В. Самойлович – $2.00
Г. Сапегин – $6.00
М. Секулич – $6.00
А. Селинская – $11.00
М. Троицкий – $50.00
А. Хазов – $59.00
С. Хилинский – $12.00
Н. Херенрот – $23.00
Ю. Шидловский – $100.00

Всего: $1,366.00

На Фонд Работы в России

А. Б. Иордан – $100.00
К. П. Волошинов – $50.00
В. Донская – $512.00
Г. Кент – $5.00
N.N. – $113.00
А. де. Носкова – $100.00
Ю. Рожнов – $12.00

Всего: $892.00

Редакция журнала «Кадетская перекличка» и «Фонд работы в России» благодарят за помощь всех жертвователей.

Для облегчения и упорядочения работы администрации Нью-Йоркского объединения и редакции «КП» просим принять во внимание следующее:

1. Все материалы для публикаций (статьи, стихи, рецензии, письма в редакцию и пр.) и соответствующую переписку направлять на имя редактора журнала по адресу:

Alexis B. Jordan, 32 Lafayette Ave., Sea Cliff, NY 11579.

2. Вся переписка, касающаяся ***подписки и пожертвований*** в *Фонд «Кадетской переклички»*, в *«Фонд работы в России»*, на *«Исторический сборник»*, должна отправляться по адресу администратора:

George I. Schidlovsky, 2 Carman Place, Glen Head, NY 11545.

Все чеки нужно выписывать на ***Association of Russian Cadets, Inc.***, указывая, на что именно посылается чек.

3. Членские взносы и пожертвования на Нью-Йоркское объединение кадет Российских кадетских корпусов за рубежом нужно посылать казначею объединения кн. В. К. Голицыну по адресу:

Association of Russian Cadets, Inc., **12 Ullman Terrace, Chesnut Ridge, NY 10952.**

4. Пожертвования на «Бюллетень» Венесуэльского объединения посылать по адресу:

Alexis Jordan, 32 Lafayette Ave., Sea Cliff, NY 11579, указав на чеке цель.

Редакция «КП»